

[Polaris]

ВСЕВОЛОД
ВАЛЮСИНСКИЙ

ПЯТЬ
БЕССМЕРТНЫХ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXXXII

Salamandra P.V.V.

**Всеволод
ВАЛЮСИНСКИЙ**

**ПЯТЬ
БЕССМЕРТНЫХ**

Роман

Том II

Salamandra P.V.V.

Валюсинский В. В.

Пять бессмертных: Роман. Предисл. С. Пакентрейгера. Послесл. А. Агафонова. Т. II. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 158 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXXXII).

В 1935 г. нелепый случай оборвал многообещающий творческий путь советского фантаста В. В. Валюсина. «Пять бессмертных» — его первый роман, мрачная история о научных поисках и обретении бессмертия и глобальной войне между капиталистической Америкой и «Великим Союзом» социалистических Евразии, Африки и Австралии.

В С. ВАЛЮСИНСКИЙ

Г
namb

БЕССМЕРТНЕ

**ПЯТЬ
БЕССМЕРТНЫХ**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Десятилетия шли за десятилетиями. Бессмертные жили среди людей. Никто не знал, что они бессмертны. Только внешность их поражала окружающих и заставляла чувствовать себя неловко. Никто не мог выносить холодного взгляда их странных глаз. Особая красота и утонченность лиц резко отличала их от остальных людей. Постоянная работа над собой и колоссальный запас знаний, накопленный ими в течение долгой жизни, делали их превосходящими умственно всех окружающих. Каждый невольно подчинялся их авторитету. Казалось, это были существа с другой планеты. Пять бессмертных были похожи друг на друга. Непрерывная мозговая работа в течение столь долгого времени оказала свое действие на все соотношения роста и притом в одном направлении. Все отличались чрезвычайно развитым черепом. Их головы в полтора раза превосходили нормальную величину. Лицевой скелет и нижняя челюсть уменьшились. Особенно поражали уши бессмертных: по своей форме, положению и правильности кривых линий это были совершенные произведения природы. Бессмертные сохранили костюм своего пола. Так как одежда мужчин и женщин к тому времени перестала сильно различаться, то с этой стороны ничто не удивляло окружающих. Только сходство бессмертных между собой заставляло их избегать держаться вместе. Они жили по одиночке, изредка собираясь для проработки плана своих работ. Их странные, похожие друг на друга лица могли заставить окружающих предположить общность их происхождения и вызвать нежелательное внимание и любопытство. Они поэтому большей частью закрывали голову и лицо подходящей формы головными уборами и носили темные очки.

Несмотря на принятое ранее решение сразу приступить к продолжению своей работы, бессмертные не могли удержаться от некоторых искушений, которые открывала неограниченность свободного времени. Первым искушением явилась наука. Они переходили из одного научного заведения в другое. К концу первого столетия с тех пор, как они поки-

нули свою Балтийскую станцию, их смело можно было назвать носителями всей суммы человеческих знаний. Их память и все умственные способности обострились до чрезвычайности. Они торопились, но все-таки не могли угнаться за жизнью. Каждый день приносил все новые открытия. Знания охватывали все большие области. Карст, например, первые три года, живя в Ново-Сибирске, ухитрился окончить все находившиеся там высшие учебные заведения, а их, считая и Восточный Институт Искусств, насчитывалось там более пятнадцати. Не отставали и остальные. Курганов тоже посвятил некоторое время изучению наук, необходимых ему для будущей работы, конечно, в объеме, недоступном для одного смертного. Пятьдесят лет он изучал химию, математику и те бесчисленные отрасли, на которые разделилась медицина и биология. Он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы во всеоружии знаний приняться за свою основную работу. Смерть по-прежнему властвовала над человеком. Только они пятеро проходили сквозь время, не подчиняясь ему. Предстояла кропотливая и, возможно, очень длительная работа, окончания которой даже приблизительно нельзя было рассчитать. И Курганов торопился. Глубокая жалость к человечеству, обреченному на гибель, но безропотно мирящемуся с этим, не давала ему покоя. Он чувствовал долю своей вины в десятках тысяч ежедневных смертей. Он должен торопиться. Этот кошмар, этот неумолимый закон, когда-то нужный в процессе эволюции, теперь должен оставить человека, дать свободу и время его гордому разуму. Курганов поселился и долгое время жил в Годавери. Это был прелестный уголок, утопающий в зелени и окруженный виллами и загородными домами. Раньше здесь находился французский городок Ганаен, но с тех пор, как Восточная Индия примкнула к Большому Союзу Республик, он утратил свой колониальный характер и стал называться по имени реки, на которой стоял. Курганова давили сплошные пространства суши. И только тогда чувствовал он себя спокойным и мог работать, когда из окон был виден широкий морской простор. Он поселился за городом на самом берегу Бенгальского залива. Из окон его скромного домика можно было наблюдать восход солн-

ца прямо из моря. Его жилище состояло всего из трех комнат. Одна была обращена в лабораторию. В садике бегало несколько неизменных кроликов и морских свинок. Это была в миниатюре его прежняя станция.

Вскоре к Курганову присоединился Биррус. Они работали вдвоем. Остальные бессмертные находились в крупных центрах Западной Европы. Они работали по заданиям Курганова в известных тогда биоинститутах. Облегчалось это в значительной мере тем, что всякому научному исследователю государство предоставляло все необходимые средства. Оно брало на себя заботу о его существовании. Такая система, как показали последние сто лет, дала блестящие результаты. Затраты государства на содержание научно-исследовательских учреждений окупались сторицей удивительными открытиями и изобретениями. Это была далеко не филантропия. Варварскими и дикими казались прежние времена, когда исследователь должен был преподаванием или иной работой зарабатывать себе на пропитание. Сколько гениев было похоронено таким образом! Вообще это была эпоха бешеного расцвета науки. Как много мог сделать человек, каким он оказался даже в общей своей массе гениальным! Только после полного искоренения всяких религий и их мертвящего духа человек нашел самого себя. Но и это была еще лишь заря новых времен, первые проблески его грядущего могущества. Главный вопрос, вопрос классовый, еще не был решен окончательно. Это, конечно, оказывало свое огромное влияние на все стороны жизни. Ясно было, что такое положение вещей непрочно, оно должно было окончиться последней, колоссальной схваткой, которая решит будущие судьбы человечества. Дело осложнялось тем, что техника дала в распоряжение народов и отдельных лиц такие средства, что применение их в военных целях легко могло привести к уничтожению не только населения целых стран, но и органической жизни. Это сознавали обе стороны и делали вид, что не допускают и мысли о возможном столкновении, но втайне готовились.

Это было странное, удивительное время. Действительно, классовая борьба, яркой вспышкой начавшаяся в первые

десятилетия двадцатого века, привела к результатам совсем непредвиденным. Весь Старый Свет после сравнительно короткого периода борьбы и яростных схваток пришел к победе своих народов над угнетающими классами, и миллиарды людей обратились к свободному труду и культурной, счастливой жизни. В системе управления Великого Восточно-го Союза Республик не было даже диктатуры пролетариата, так как следующие после объединения поколения, воспитанные на новых основаниях, создали общий тип гражданина. За океаном же, в Америке, старинные различия получили свое дальнейшее развитие, углубились и, наконец, дали ту уродливую картину, к какой должен был привести, в конце концов, древний институт рабства. Американский пролетариат за все время не делал даже серьезных попыток к восстанию. Причин этому было много. Главную роль сыграли ложно организованные рабочие союзы, вожди которых в трогательном единении с капиталом шли по пути осторожно-го, но зато и прочного подчинения масс. Поставив рабочего в более или менее сносные материальные условия и широко применяя на практике старинный принцип фордизации, они добились главного и, — с точки зрения их восточных товарищей, самого страшного — покоя и умственной неподвижности. Они давали рабочему штампованное, стандартизированное образование, давали даже «собственный домик» и плитку превосходного жевательного табаку и внушали, что он должен быть всем этим очень доволен. Но они ввели и десятичасовой рабочий день. Понемногу, одно за другим, отняли даже те небольшие права, которыми рабочий класс Америки пользовался еще в недавнее время. Они содержали рабочего так, как хороший фермер содержит своих свиней. Были до миллиграмма, на основании самых научных данных, вычислены все его потребности. Особенно уродливые формы приняло это положение вещей во второй половине двадцатого века, когда разнужданный капитал попытался, и не безуспешно, восстановить нечто, весьма напоминавшее времена рабовладельчества и крепостничества. Это был известный закон о прикреплении рабочих к своим производствам. Как ни странно, но это существовало одновременно и наря-

ду с величайшими достижениями материальной культуры. Несмотря на то, что вопрос о пропитании стал, благодаря открытию панита, несущественным, потребности умножились до чрезвычайности и требовали все новых и новых производств. В конце концов, американский рабочий сам не заметил, как потерял все человеческие права и попал в положение хорошо содержимого, полезного животного. Постепенно, целым рядом ограничений, пролетариат был совершенно лишен избирательных и вообще гражданских прав. Правящий класс взял на себя даже опеку над его размножением. Смешанные браки не допускались. Это привело к положению, напоминавшему отчасти цеховое, но более кастовое деление древней Индии. Теперь совершенно исчез средний класс, ничтожное меньшинство буржуазной олигархии владело всеми благами жизни. С течением времени эта пропасть углублялась все более. И, вероятно, если бы ничто не помешало, то и самый тип этих двух пород людей получил бы глубокие различия. Был издан закон территориальности, которым строго разграничивались черты оседлого поселения рабочих: создавались рабочие города, окружавшие бесчисленные фабрики и заводы. Владельцы жили в своих дворцах среди чащ искусственных садов и парков. Эти местности получили название *Potis-Place* — господские места. Так же строги были правила пользования летательными машинами. Ни один рабочий или общественный аэрон не имел права появляться над территорией *Potis-Place*'ов под страхом попасть в фокус коротких лучей мегурановых установок и быть расплавленным. Человеческое общество за океаном развивалось другим путем и представляло постоянную грозную опасность. Оно заставляло американских хищников употреблять все меры предосторожности, заботиться о надежных средствах защиты. Территориальный закон и явился одной из этих предусмотрительных мер. Рабочие определенных территорий были поставлены в фокусе таких сил, были, выражаясь по-прежнему, минированы, так что в любой момент поработители могли, не выходя из своих дворцов, стереть все эти местности в порошок. Конечно, при этом должны были погибнуть и дети и женщины.

Особенно плохо дело обстояло с рынками, этим вечным предметом вожделений и устремлений капитала всех времен. Те крайние формы капиталистического строя, которые развились и столь пышно расцвели в Новом Свете, могли существовать только при наличии огромного рынка, вполне поглощающего колоссальную продукцию напряженной американской индустрии. Таким рынком и был сначала весь остальной мир, где в процессе великих социалистических переворотов и героической борьбы пролетариата, естественно, на некоторое время промышленность пала. После Великого Объединения она возродилась вновь с небывалой силой. Но до тех пор американские товары находили полный сбыт. Даже более, эта эпоха вызвала расширение американских производств, в связи с увеличением спроса. Но зато, когда народы Старого Света прочно стали на ноги и принялись за строительство, в удивительно короткое время восстановив все разрушенное в период классовых войн, для американского капитала пришел настоящий кризис. Он должен был свертываться, сокращаться. Но когда и где он соглашался на это! Гораздо легче пролить моря крови и пустить на воздух целые страны, чем лишиться хоть одного доллара прибылей. К тому же чрезвычайная сложность и запутанность банковой и валютной системы, совершенно различно организованной в этих двух частях расколотшегося пополам мира, указывали Америке на необходимость прибегнуть к давно испытанному средству — силе. Одновременное существование двух столь различно построенных человеческих обществ при наличии промышленности, требующей напряжения сил всего земного шара, где ни одна сторона не могла обойтись без другой, — было немыслимо и должно было привести к последнему, решительному бою. Казалось, эта катастрофа совсем уже надвинулась. Великий Союз Республик и Американские Штаты лихорадочно готовились к войне. Столкновение, действительно, обещало быть последним. В самой Америке, несмотря на всю зависимость от капитала и адские средства, которыми он располагал, началось брожение. С сокращенных производств выбрасывались сотни тысяч рабочих. Их направляли толпами в так называемые

Ambular-Place, «места гуляющих», территории, где содержались безработные. Такое название было дано в насмешку, но со временем получило права гражданства. Это было нечто вроде прежних лагерей военнопленных. Изгнанные из своих «собственных» домиков, безработные влачили там самое жалкое и позорное существование. Все же в некоторых из этих Ambular-Place вспыхнули восстания. В одном большом лагере обезумевшие от бессильной злобы рабочие захватили мегурановую установку, господствовавшую над местностью. Это было недалеко от Литл-Рок. Внезапное возмущение было столь единодушно, что даже всегда готовая администрация не успела сразу его ликвидировать. Сорок пять тысяч людей, которым нечего было терять, с голыми руками бросились на вольфрамовую башню. Половина их погибла под мегурановыми лучами, но башня была взята. В их руках оказались силовые установки. На некоторое время они, действительно, оказались диктаторами всей местности. Но борьба была слишком неравна, они знали это. В тот же день вечером воздух приобрел красивый голубой цвет. В зените небо казалось зеленоватым. На утро здесь были только трупы, их задушили газами. Погибло около десяти тысяч детей и женщин. Большинство сами покончили с собой, бросаясь в реку. Потом долго еще находили на берегах Миссисипи выброшенные рекой и разложившиеся трупы. На Востоке ценные организации требовали от своих правительств беспощадной освободительной войны, немедленного выступления с оружием в защиту западных братьев. И без этого все уже было готово, казалось, вот-вот вспыхнет последняя в мире война. Гордое своей свободой, обновленное человечество в яростной схватке возьмет за горло последнего паразита, и семья народов вступит, наконец, на путь свободного прогресса. Но одно непредвиденное обстоятельство потушило готовый было уже возникнуть пожар и отложило на некоторое время последнюю, мертвую схватку. Конечно, это была лишь отсрочка.

Войне помешал мегуран. Это удивительное вещество, служившее источником всякой энергии, открыло теперь еще одну возможность. Открытие мегурана было один из таких

технических факторов, который влечет за собой глубокие изменения и не оставляет незатронутой ни одной стороны жизни. Он был открыт давно, однако, в виду страшной дорогоизны и трудности его добывания, имел ограниченное применение. Первое время были известны местонахождения мегуранных лав только в Исландии, у подошвы Геклы, и здесь скоро возник огромный промышленный центр, Геклополис. Здесь добывался мегуран. Кроме различных излучений, активность этого элемента выражалась еще в способности создавать (без заметной потери веса и активности) сильнейший электрический ток. Стоило поместить крупинку мегурановой соли между двумя полюсными электродами, чтобы появилась огромная разность потенциалов, и в цепи возник ток. Электрический мотор, питаемый не динамо-машиной, а мегурановой батареей, оказался лучшим и удобнейшим двигателем. Только трудность добычи этого элемента и ничтожность количества добываемого не позволяли сделать его единственным источником всякой энергии. Высказывались предположения, что в глубине земли должны находиться большие массы мегурановых пород. Нахождение их в изверженных лавах и полное отсутствие в минералах земной коры прямо указывало на это. В окрестностях Рейкиавика пробовали рыть шахту. На втором километре глубины пришлось, однако, бросить работы из-за невыносимой жары, и этой глубины удалось достигнуть лишь благодаря усовершенствованным охладительным приспособлениям. Сдвиги и катастрофы делали невозможным дальнейшее сверление. Рядом была сделана буровая скважина глубиною до трех километров, но также безрезультатно.

Запасы мегурановой лавы уже истощались, когда внезапные события открыли совсем неожиданные и огромные возможности. Скрытые подо льдами вулканы антарктического материка проснулись. Замечательно, что их деятельность охватила сразу весь материк, расплавляя льды и воздвигая высочайшие вершины на месте прежних равнин. Как после извержения Кракатау, на всей Земле воздух приобрел чудную окраску, — солнце садилось в облаках всех цветов спектра. Больших катастроф не было, так как область извержений

находилась вдали от населенных мест. Лишь южные побережья Америки, Австралии и некоторые острова были затоплены: извержение продолжалось более года, утихая постепенно.

Самым губительным последствием извержений было разрушение всех электрических явлений. Воздух стал проводником электричества. Оказалась немыслимой работа всех установок, применяющих электрическую энергию. А это в то время равнялось почти уничтожению и гибели всей культуры. К счастью, это явление в такой сильной степени продолжалось не более года; так же быстро начав исчезать, как появилось. Но долго еще ощущались последствия этого несчастья. Когда области катастрофы стали доступны и были исследованы, оказалось, что миллиарды тонн изверженных лав сплошь состоят из мегуранных соединений, подобных исландским. Началась «мегурановая лихорадка». Только потому не вспыхнула война между Востоком и Западом, что этих сокровищ было слишком много и на чрезмерно большом пространстве они были разбросаны.

Несмотря на чрезвычайно тяжелые климатические условия, скоро южные приполярные области стали центром, сердоточием мировой техники. Огромные массы расплавленных лав, охлаждаясь, сделали климат влажным и теплым, непрерывные ливни, падающие на горячую поверхность, образовали беспроблемный туман. Лавы остывали медленно. Сильный жар не давал возможности к ним приблизиться. Люди брали с боем каждый квадратный метр поверхности. Часто новые подземные толчки губили смелых пионеров и разрушали с большими трудами возведенные сооружения. Это не уменьшало энергии, заставляло только быть осторожнее.

Проводимость воздуха в течение первого года после извержений объяснялась каким-то излучением мегурана, освобожденного на поверхности от больших давлений. Очевидно, за четырнадцать месяцев успел уже произойти распад, вызывавший это явление, и его активность перестала себя так проявлять. При извлечении мегурана из его соединений приходилось защищаться от излучений. Сильные батареи и вообще большие количества его требовали непрони-

цаемого экрана. Таким изолятором оказался жидкий гелий, которым и наполнялись двойные стены помещений, где хранился мегуран. Рабочие же на мегурановых заводах носили одежду, покрытую, как кольчугой, вольфрамовыми пластинками.

Применение мегурана и его производных открыло большее число возможностей, чем в свое время нефть. Давно уже был известен способ ускорения его распада. Теперь, имея в руках неограниченное количество этого вещества, человек приобрел столь мощную механическую силу, что техника могла приступить к осуществлению бывших ранее фантастическими предположений. Проблема межпланетных путешествий стала теперь реальной возможностью. Смелая мечта Кибальчича, Циолковского и других о ракетном полете за пределы земной атмосферы перестала быть мечтой. Предприняты были большие работы. Нашлись, как и всегда, первые смельчаки, и... спустя несколько лет путешествия на ближайшую нашу соседку — Луну — стали делом, никого не удивлявшим. Мегуран и здесь открыл неисчерпаемые возможности. К моменту описанного экономического и политического кризиса приходили к концу грандиозные работы по «омоложению» Луны. На Луне была поднята температура и, главное, создана соответствующей плотности атмосфера. Описание подробностей выполнения этой космической задачи заняло бы слишком много места. Укажем поэтому лишь на то, что вскоре началась усиленная эмиграция с Земли на Луну. Интернациональная Trans-Planetique-Selen's L-ted — Межпланетная Лунная Компания — начала массовую перевозку эмигрантов на обновленную планету. Меньшая сила веса при тех же технических качествах материалов открывала богатые возможности. Требовалась огромная масса всевозможных орудий и материалов, новых машин, приспособленных к малому весу, больших транспортных Raquett's-Aerон, мегуранового оборудования и арматуры. Это дало неслыханный толчок промышленности: открылся новый рынок — *Луна*.

Это обстоятельство и заставило утихнуть вспыхнувшие, было, страсти и на некоторое время отложило неминуемую

развязку. Лунная территория была признана интернациональной. Обе стороны пришли к соглашению относительно действующих там законов, но и это само по себе носило зародыши будущих осложнений. Никто не хотел уступать, и не решался силой осуществлять своих притязаний. Напряжение нашло себе выход в другом направлении, но дало на время вздохнуть и трудящимся Америки, так как работа в еще более расширенных производствах была, несмотря на все тяготы, заманчивее, чем пребывание в ужасных Ambilar-Place. Техника, так же как и промышленность, получила небывалый толчок, но именно это обстоятельство еще туже затягивало узел классовых противоречий. Отложенная на некоторое время развязка обещала стать еще ужаснее по своим последствиям.

Капитал обладал более могучими и совершенными средствами истребления, чем армии трудящихся Востока. Иначе и не могло быть. При своей рабочей организации народы Евразии и Африки не могли столько тратить на вооружения, сколько тратили на это заокеанские хищники. То, что делалось в этом направлении, было вызвано лишь необходимостью самообороны. Это была печальная обязанность. Если бы не присутствие грозного врага, конечно, ни фунта не было бы истрачено на вооружения, но, скрепя сердце, приходилось подчиняться обстоятельствам, и ежегодно Рабочий Совет ассигновывал нужные для обороны миллиарды. Продолжалась история, начавшаяся на заре новых времен, когда еще Союз Советских Республик, несмотря на все отвращение к войнам и вооружениям, должен был иметь мощную Красную армию, держать ее на высоте современной военной техники и всегда быть наготове.

Вооружения, в корне подрывающие благосостояние масс, не могли иметь места в рабочих государствах. Слишком много было других насущных дел. В Америке милитаризм был естественным следствием государственного строя, в Великом Союзе — навязанной необходимостью. Все лицемерные конференции по «разоружению», десятки раз созываемые Лигой Наций, кстати сказать, целиком перекочевавшей в Америку и превратившейся в «прачку капитала»,

как ее и называли, — все эти конференции кончались постановлениями, вызывавшими лишь злой смех у трудящихся Востока. Так, например, однажды, после более чем полутора дней работы конференция Штатов обеих Америк пришла к соглашению — не строить... дредноутов и разобрать старые, хотя давно уже морской флот в своем прежнем виде потерял всякое значение и вовсе вышел из употребления. Комиссия, конечно, молчала о коротких мегурановых лучах и новых газах, введенных в американской армии. После третьего такого же шулерского съезда Великий Союз отозвал своих представителей и официальной нотой заявил об отказе принимать участие в этой гнусной комедии. Это было тем естественнее, что, собственно, не было уже «наций», было только два человеческих общества — Союзные Республики и Американские Штаты. Те и другие представляли собой группы государств, спаянных общностью интересов и политическим строем. Таким образом, и сама Лига Наций была лишь пережитком. Вооружался капитал — должен был вооружаться и рабочий. Это было трагическое, но простое и ясное положение вещей, и не к лицу было Великому Союзу заниматься словесным онанизмом вместе с шулерствующими лакеями американских промышленных королей.

Положение американских рабочих становилось все хуже. Им, между прочим, была запрещена эмиграция на Луну. Стеснительный и позорный закон территориальности проводился все строже. Малейшее ослушание влекло за собой Electric-Finish — казнь электрическим током. Несмотря на возмущение, массы были бессильны. Прошли те времена, когда толпа, вышедшая с винтовками в руках на улицу, представляла грозную силу, заставлявшую трепетать притеснителей. Современная техника дала в руки отдельных лиц страшные силы, кошмарные средства истребления. Момент былпущен, и... миллиарды трудящихся задыхались от злобы, но ничего не могли поделать. Если же и решались на выступление, то кончалось тем же, что когда-то было в Литл-Рок. Рабочие Америки перестали довольствоваться своей судьбой, «собственным домиком» и табачной жвачкой. Они тяжко расплачивались за свое сытое безучастие к титаниче-

ской борьбе Старого Света, где народы утверждали свою власть. Они боялись лишиться «собственного домика» и бутерброда с маргарином, но потеряли все человеческие права. И на горьком опыте лишний раз убедились, что страх вовремя пролить кровь и пожертвовать малым приводит в будущем к тяжким бедствиям, рабству. Такая ошибка искупается уже не каплями, а целыми океанами крови.

Колонизация Луны, кроме непосредственного мощного влияния на промышленность и технику, разрешила на некоторое время и вопрос о перенаселении Земли. Хотя с открытием панита и не приходилось более заботиться о достаточной посевной площади, но все же требовались леса. Панит приготовлялся из древесины. Первое время не ощущалось в ней недостатка. Вскоре оказалось, что нельзя панитовые заводы питать исключительно деревом. Леса быстро уничтожались. Пришлось искать другие источники клетчатки. Эксплуатировались могучие травы степей Азии и Америки. В большом количестве шел с севера мох и даже торф. Для этого приходилось держать свободными громадные пространства земли, что с быстрым ростом населения делалось все стеснительнее. Заселение Луны дало естественный выход из создавшегося положения. Массы рабочих рук находили себе там применение. В Америке эмиграция на Луну была для рабочих воспрещена уже тогда, когда появилось опасение, что на производствах не останется ни одного человека. Вначале эмиграция была дозволена в надежде избавиться от наиболее недовольного и активного элемента. На деле же это вылилось в настоящее бегство.

Человечество жило в постоянном нервном напряжении. Это был период технической лихорадки, самым причудливым образом потрясавшей крайне запутанные политические и экономические отношения. Прибавилось еще одно обстоятельство, подобное тому, какое было после открытия Америки. На Луне оказалось в громадном количестве золото. Оно было несколько более темного цвета и весьма похоже на австралийское так называемое *mustard's Gold* — горчичное золото. Золотые россыпи в некоторых местах представлялись как бы в виде целых брекчий из самородков.

На Земле началась биржевая паника. Валюта упала. Этот кризис одинаково захватил и Штаты Америки и Великий Союз. Пришлось опять прибегнуть к искусственноому средству. Был запрещен ввоз на Землю золота с Луны, введен строжайший таможенный досмотр транспланетных ракет-аэронов. Ясно, что это было не решением задачи, а лишь отсрочкой. Была и другая опасность (помимо *Selen's Gold* — лунного золота) — со стороны химии, к тому времени умевшей превращать большинство металлов. Металлической ценностью посменно являлись tantal, иридий, платина, теллур. Но это были условные ценности. Опять пришли к тому же мегуранию. Денежной единицей стал миллиграмм бромистого мегурана, по цене равнявшийся одному фунту стерлингов, конечно, по курсу своего времени. Все эти события при неуложенным классовом вопросе еще более осложняли задачу культуры и предопределяли грозный исход.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вскоре после первого посещения Луны были пущены ракетные аэроны на Марс. Жители Бирмингама могли присутствовать при интересном зрелище. За городом, сияя на солнце, стояло девять блестящих башен, вышиною в сто метров каждая. Это были специально построенные ракет-аэроны для полета на Марс. Они были сделаны из панцирной вольфрамовой стали и очень походили на орудийные снаряды, особенно благодаря своим красным медным кольцам.

Карст и Гета присутствовали при отлете. Гета несколько лет жила в Бирмингаме и работала над излучениями мозга Карст только сегодня прилетел из Москвы. Желание взглянуть на отправление первых ракет-аэроны на Марс привело их на большую Ракетную площадь.

Громадное скопление народа, живописно и пестро одетого, напоминало старинные карнавалы.

Яркий, солнечный день. По земле постоянно проносятся резкие тени от реющих в воздухе масс летательных машин. Обыкновенных аэроны уже нет. Это все круглые диски, напоминающие прежний «Хиль».

Бессмертные стоят в стороне. Они одеты в просторные одежды. Головы их обмотаны легкими газовыми шарфами. Гета полной грудью вдохнула свежий, ароматный воздух и улыбнулась.

— Какой это исключительный случай, что мы видим все это! Я до сих пор не могу привыкнуть к своему состоянию. Мне кажется, что все это сон, и я проснусь в своей комнате на Балтийской станции. Бедная Лина...

— Да, это обстоятельство непредвиденное. Ты знаешь, этой осенью будет ровно полтораста лет со дня нашего отлета,

— Сто пятьдесят лет? А я не заметила, как прошло это время. Все работа, работа — и все-таки времени не хватает.

— Как дела у Курганова? Я с ним несколько дней не мог поговорить.

— Я вчера вечером вызывала его, но говорил со мной

Биррус. Курганов улетел в Калькутту. Ты когда думаешь побывать в Годавери?

— Я хочу на зиму переселиться туда совсем. Здесь нам нечего больше делать.

— Да, это будет самое лучшее. Я думаю, и Лилэнд зря сидит в Берлине. Если мы будем держаться все вместе, то скорее чего-нибудь достигнем.

— Что же у Курганова?

— Биррус говорит, что есть кое-что интересное, но, знаешь, в хоккок не обо всем можно говорить. Это очень затрудняет, потому что...

— Смотри!

Одна из башен-снарядов слегка закачалась. Затем донесся громкий, ревущий гул, похожий на заводской гудок, только гораздо ниже тоном и громче. Медленно поворачиваясь вокруг оси и выбрасывая из нижнего конца мощные струи розового дыма, который сразу же таял в воздухе, снаряд отделился от земли и на мгновение повис вертикально, все ускоряя вращение. Его дно было уже на высоте метров ста. Но внизу, казалось, смерч рвал и крутил песок, пыль и даже небольшие камни. Аэроны разлетелись в разные стороны. Толпа притихла, охватывая Ракетную площадь, как муравьи упавший на муравейник лист. Закачались и остальные башни. Солнце нестерпимо сияло на их полированных панцирях. Они разом рванулись кверху с длительным, протяжным воем, похожим на вой тысячи сирен. Вой, казалось, пронизывал насквозь весь организм. Снаряды быстро уносились кверху, и рев постепенно стихал. Но даже после того, как снаряды совершенно растворились в голубом небе, некоторое время еще слышен был далекий, глухой стон.

— Я хотела бы полететь с ними. Как это безумно смело и красиво! Что с ними будет?

Карст молчал, глядя своими большими глазами неподвижно вверх. Он давно привык к технической мощи человека, но этот отлет поразил и потряс его.

«Человек слишком силен, — думал он, — он не дорос еще нравственно и психически до такой чудовищной силы. Все

это похоже на ребенка, который со спичками в руках пошел бы играть в пороховой погреб».

Он вспомнил, как недавно опыты над разрушением атома, производившиеся в Японии, чуть не привели к мировой катастрофе. Искусственно вызванный распад материи, как пламя, передался соседним частицам К счастью, скорость распространения такого атомного взрыва невелика. Удалось потушить этот своеобразный пожар, охватив Ян-Се-Кайские лаборатории мегуранными батареями и создав кругом мощное магнитное поле. Но не эта сторона дела заставила Карста задуматься. Что будет, когда всю эту технику человек направит на взаимное истребление? Он понимал, что борьба неминуема. Необходимо будет принести жертвы. И только тогда начнется новая эра счастливого и свободного развития человеческого общества. Так же, как Курганов, он невольно переносил мысли на себя самого и на остальных бессмертных. Какую роль и какое положение они займут в предстоящей борьбе? Их состояние и тайна, которой они владеют, налагаются на них громадную ответственность. Они должны с величайшей осмотрительностью взвесить все условия, когда придет время. Полтораста лет! И ни на волос не приблизилось решение задачи. Да и разрешима ли она вообще?

По дороге в город Гета рассказывала о своей работе. Ей удалось добиться очень интересных результатов. Она установила качественное различие излучений у самцов и самок. Ее опыты поражали остроумием своих методов и тщательностью выполнения.

Карст молчал, слушал рассеянно. Он силился разгадать, какова будет развязка.

— Представь себе, Гета, — сказал наконец он, — что нам еще очень долго не удастся найти более дешевого способа делать человека бессмертным, или что это вообще иначе недостижимо, как при помощи нашей пересадки.

— Не думаю. Мне кажется, это вопрос времени. А оно нас не стесняет.

— Времени? Разве... Америка тоже подождет?

Гета ничего не ответила, потому что в это время их аэропорт опустился на крышу дома, где она жила. Здесь был сад.

Громадные благоухающие цветы, творения искусства, окружали густым газоном беседку.

— Сядем. Эта беседка похожа на ту, что была в старом парке. Тот же мавританский стиль.

Гета, сощурясь, окинула взглядом беседку, потом оглянулась. Никого не было. Она размотала и сняла с головы совсем скрывавший ее лицо синий газовый шарф. Карст больше сорока лет не видел ее так близко. Правда, он разговаривал с ней и видел ее постоянно через хоккок, но это было далеко не реальное восприятие. «Неужели это она, та самая Гета?» — думал он, всматриваясь в ее маленькое лицо и огромный лоб, переходящий в большой, круглый череп. На голове не было ни волосинки. Солнце отражалось на блестящей поверхности гладкой кожи. Благодаря ничтожно малой величине нижней челюсти, лицо казалось заостренным и почти младенческим. Только глаза, серьезные и спокойные, сообщали строгий и мудрый вид. Столетия умственной работы придали взору непередаваемое выражение. Во всем облике не было и признака старости.

— Что ты сказал про Америку?

— Ты говорила, что мы располагаем временем для наших исследований. Но ты упустила из виду политические перспективы. Война неизбежна, и если колонизация Луны на некоторое время ослабила кризис, то это не означает, что вопрос уложен. Наоборот, тем страшнее будет развязка.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Если победит капитал, то нам уже нельзя будет выступать с нашим открытием.

— Да, конечно. Бессмертие тогда станет исключительно достоянием высшего класса. Можно себе представить, к чему бы это привело.

Гета поежилась.

— Надо повидаться с Кургановым. Он, вероятно, имеет на этот счет определенное мнение. Полтораста лет тому назад он уже предвидел эту опасность. И как хорошо, что он с нами.

— Вернее, мы ним. Между прочим, тебе никогда наш поступок с Ай не казался ужасным, безнравственным?

— Нет, но я часто думаю, что если бы мы не были тогда бессмертны, то не поступили бы так. С обычной, человеческой, точки зрения это должно казаться страшным. Я вообще думаю, поскольку могу представить свое прежнее состояние, что пересадка повлияла не только на сферу половой, но и на многие другие стороны психической деятельности. Можно даже думать, что область половых эмоций тесно связана со многим представлениями нравственно-этического характера. Но они не выпали, только изменились качественно и, мне кажется, не в худшую сторону. Наш поступок с Ай и Кургановым мне представляется только логичным. Было бы чудовищно, если бы мы в угоду слепой случайности пожертвовали Кургановым.

Послышались чьи-то легкие шаги. Прежде чем бессмертные успели схватить свои шарфы, на площадку перед беседкой выбежал из боковой аллейки мальчик лет семи. Он выскочил так быстро, что чуть не упал на крутом повороте и с разбегу остановился у самой скамейки, где сидели бессмертные. С секунду он смотрел на громадные головы и странные лица Карста и Геты. Потом вскрикнул и с громким плачем бросился бежать прямо по газону меж кустарниками штамбовых роз, исчезнув так же быстро, как появился.

— Да, наша психика, — сказал, наконец, Карст, — резко отличается от психики смертных. Теперь мне часто непонятны многие поступки и действия смертных. Мне их этика и мораль кажутся примитивными и слишком подчиненными полу. Ты права, что половое состояние сильно влияет на все стороны психической деятельности. Почти вся область эмоций подчинена полу; особенно это заметно в области искусств. Ты слыхала композиции Бирруса? Это — странная музыка. Я дохожу почти до потери сознания, когда ее слушаю. Но она совсем не похожа на музыку смертных. Они ее не понимают. У них музыка почти всегда в основе — любовная песня, уже недоступная нашему чувственному восприятию. Это небольшое расхождение. Но обширны и другие области, где мы никогда не сможем сговориться со смертными. Наш мозг слишком сильно изменился. Вернее говоря,

мы понимаем их отчасти и можем себе представить их состояние потому, что сами когда-то были смертны, но им на-ша психика в большей мере недоступна.

— Я, пожалуй, раньше не сказала бы, что мы в полной мере их понимаем, но теперь многие их представления становятся мне все более чужды. Это и заставляет меня иногда задумываться над будущим. Имеем ли мы право так резко вмешаться в жизнь смертных, если нам будут непонятны многие их чувства и побуждения? И как они встретят наши действия, которые им будут, возможно, тоже непонятны? Найдем ли мы общий язык?

— Нет, здесь дело обстоит иначе. Наша цель — сделать все человечество бессмертным. Но, став бессмертными, люди поймут нас.

Гета встала.

— Пойдем пить кофе.

— Я сейчас не хочу, ты иди, а я посижу еще здесь.

Плотно закутав голову своим шарфом, Гета направилась к башенке лифта, когда Карст окликнул ее, догоняя.

— Я хотел тебе сказать, Гета, будь осторожна. Помни — наше бессмертие лишь относительное, берегись несчастного случая. Вот ты садишься в лифт, а помнишь случай с Лилэнд?

— Да, Карст, я знаю это. Нельзя же лечь в коробку и обложиться ватой. Я часто подвергаюсь опасности. Вот еще вчера был у нас в лаборатории взрыв. И только случайно я в то время на минуту вышла из комнаты. Троє погибло. Что ж делать, приходится.

Карст махнул рукой и пошел обратно к беседке. Он хорошо знал, что Гета права, сам не раз бывал в опасных для жизни положениях и даже удивлялся, как они все пятеро прожили уже полтораста лет и ни один из них не погиб. Смерть подстерегала на каждом шагу. Та техника, которой, человек окружил себя, часто обращалась против него самого. Постоянно случались катастрофы. Как всегда, во всем нужен был горький опыт, чтобы чему-нибудь научиться.

«Потому, вероятно, мы все уцелели за эти полтора столетия, что очень боимся смерти. Мы все время думаем о ней».

Карст попробовал вообразить себя смертным. Каких-нибудь несколько десятков лет, а там — старость и неминуемая смерть... Нет, это слишком ужасно. Как они живут и забывают об этом?

В саду было тихо. С трудом верилось Карсту, что он находится на крыше двадцатиэтажного дома. На солнцепеке порхали бабочки. Цветы были самых причудливых очертаний и окраски. Особенно поражала их величина. Розы, голубые и желтые, достигали почти полуметра в поперечнике. Некоторые из них пахли гиацинтом и ландышем.

Над садом показался небольшой аэроплан испустился на посадочную площадку в другом конце крыши. Через минуту на аллее показался высокий, полный стариик. Он, видимо, тоже направлялся к беседке, и Карст поспешил закутать себе голову.

— Я вам не помешаю? — спросил он, подходя к скамейке, — жарко! — Он был толст, пыхтел. Пот ручьями стекал по его лицу.

— Пожалуйста.

Карст подвинулся. Стариик сел и, отдуваясь, стал вытираять платком лицо и шею.

— Ну и жара! Наверху еще ничего, а здесь вовсе дышать нечем. Уф-ф! — Он взглянул на закутанную шарфом голову Карста. — И не жарко вам в таком уборе?

— Нет, ничего.

— Кхе... кхе, да, а вот я мученик, знаете. Полнота, ничего не поделаешь. Врачи советуют больше ходить. Да где уж! Сердце слабое. Одышка... Ну, как вы думаете, вернутся они или нет?

— Ракет-аэроны? Трудно сказать. Особенную опасность представляют крупные астероиды, да и небольшие куски материи...

— Да? Вы говорите, опасно? Удивительные люди. Я не могу понять, как они решаются на это! Лететь в межпланетное пространство почти без надежды вернуться... Я на это не был бы способен. Удивляюсь!

— Чего же бы вы боялись?

— Как чего? Ведь погибнуть можно. Ведь это почти вер-

ная смерть...

— Погибнуть? Что ж, я думаю, вы и здесь от этого не застрахованы...

Старик сердито взглянул на Карста и замолчал.

«Француз, вероятно», — подумал Карст, всматриваясь в его подвижное лицо.

— А разве, — продолжал Карст, — живя у себя дома, вы не кончите той же верной смертью.

— Ну, что вы говорите! Разве можно сравнивать? Это, можно сказать, закон природы, неизбежность. Вы мне еще посоветуете вниз головой с крыши броситься. Все равно, мол! Разве это одно и то же?

— Я не вижу большой разницы. Может быть, вы объясните мне?..

Старик взболновался больше, чем можно было ожидать. Он встал и прошелся взад и вперед перед скамейкой.

— Как я должен понимать ваши слова? — сказал он, останавливаясь перед закрытым шарфом лицом Карста, — как намек на мою старость? Сударь, вы ошибаетесь, если думаете, что в старости уменьшается интерес к жизни. Да-с, я теперь больше берегусь, чем раньше. И я буду счастлив прожить каждый лишний час. Совершенно лишнее наводить разговор на такую тему!

— Я и не наводил. Вы сами начали.

— Да, сударь, бросим об этом. Вот, поживите с мое, тогда и рассуждайте, что лучше, что хуже. Небось, и сами когда-нибудь тоже того-с... хе-хе-хе!

Старик с довольным видом потер руки:

— Меня внучка уже ищет, наверно. Всего лучшего. А вам стыдно, молодой человек, смеяться над стариком, стыдно. Впрочем, я не сержусь. Всего лучшего.

— Молодой человек? А сколько, по-вашему, мне лет?

Старик остановился.

— Вам? Ну, что же, лет тридцать, не больше.

— Вы немного ошиблись. Мне ровно сто восемьдесят два года.

Толстяк выпучил глаза. Потом лицо его расплылось в улыбку. Он опять нахмурил брови и покачал головой.

— И вовсе не остроумно. Что же вы, смеетесь надо мной, что ли? Уф-ф! Ну и жара! Чем дальше, тем хуже. Будь она проклята! А вам нехорошо, молодой человек, да. Ну, до свидания, хе-хе-хе!..

Удаляясь, он несколько раз обернулся и, делая страшное лицо, грозил пальцем.

— Стыдно, молодой человек!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тропическая ночь. Влажный, горячий воздух насыщен прямыми ароматами, как бывает в колониальных лавках. Беспроблемный мрак окутал землю. Окна открыты настежь, но в комнате душно, как в бане. Курганов сидит в комнате один у стола и негромко с кем-то разговаривает. Голову покрывает нечто вроде противогазовой маски. Это — хоккок.

— Покажите мне вашу шею... Так. Скажите, вы не замечаете некоторой припухлости зобной железы?... Справа?.. У меня тоже, но слева... Да, да, и у Бирруса. Вы от себя переговорите с Карстом и Гетой... Световая 8, звуковая А-30... Да, они переменили. Завтра исследуйте зобные железы ваших привитых свинок и сообщите мне... Да... да... Разве? Ну, это, впрочем, понятно. Вашему старшему кролику сколько?.. Так... приготовьте сыворотку. У меня досадное несчастье. Стольского кролика вчера унес орел... Да, придется. Теперь подробно передайте анализ крови... да, и вашей.

В этот самый момент в Берлине Лилэнд сидит тоже с хоккоком на лице. Она дает отчет за неделю работы. Последнее время Курганов настойчиво торопил, и она едва успевала справляться с заданиями. Так же подгонял он Карста и Гету. Работа между ними была строго распределена, но руководил всем Курганов.

Среди этой маленькой группы сверхлюдей царила строгая дисциплина. Все были спаяны волей и авторитетом Курганова.

Кончив разговор с Лилэнд, Курганов долго сидел в маленькой лаборатории и работал. Биррус спал. В окна, затянутые тонкой сеткой, то и дело ударялись крупные ночные бабочки, привлеченные светом.

Последнее время некоторая надежда забрезжила на трудном пути бессмертных. Они занимались анализами крови своей и привитых животных. Курганов старался установить, не существует ли у бессмертных людей и животных в крови какого-либо иммунизирующего начала, которое, если его привить смертному, сообщило бы «невосприимчивость» к ста-

ности. Возможно, за это столетие жизни их организм начал вырабатывать что-либо вроде антитоксина смерти. Бесчисленные опыты были произведены в этом направлении. Приготавливали сыворотки крови, делали препараты всевозможных желез, но до сих пор не получили сколько-нибудь значительного результата. В своих лабораториях бессмертные держали много животных. Большинство из них было «обессмерчено». И до сих пор ни разу не удалось обесмертить, не лишив жизни другое существование. Особенно соблазняли пересадки бётной доли между животным и человеком. Во всех возможных комбинациях делали пересадки между животными разных видов, но безрезультатно. Ясно было, что и пересадка от животного к человеку тем более будет безуспешной.

Прошло уже два столетия жизни бессмертных, когда Курганов заметил, что у него слегка затвердела и с левой стороны увеличилась зобная железа. Никаких болезненных явлений не было. Просто появился маленький желвачок. Курганов на это и не обратил бы внимания, если бы не случилось того же самого с Биррусом. Однажды за работой Курганов заметил, что тот постоянно подносит руку к шее и щупает горло.

— Что ты делаешь?

— Железа немного припухла. Не знаю отчего. И не болит. Так, пустяки.

— Дай сюда руку. Вот здесь...

Курганов взял руку Бирруса и прикоснулся его пальцами к своей шее.

— Ну, что?

— Странно. То же самое. Давно это?

— Я заметил с месяц назад.

— А я только сегодня.

Помолчали. Курганов медленно опустился в кресло и задумался. Им обоим пришла в голову одна и та же мысль.

— Надо узнать как у остальных, — заметил Биррус.

На другой день было известно, что почти у всех бессмертных происходит то же самое. Только у Геты не было этого. Бессмертные лихорадочно принялись за работу. Были иссле-

дованы все бессмертные животные, но только у одного из кроликов-самцов в лаборатории Геты оказалось такое же изменение желез. Это было самое старое животное. Ему было около 120 лет. Курганов велел привезти его к себе в Годавери и вызвал всех бессмертных.

Последний раз они собирались все вместе лет шестьдесят назад у Карста в Москве. Курганову приходилось время от времени улетать на несколько лет из своего излюбленного уголка в Годавери, потому что многие помнили его от рождения, многие при нем выросли и состарились. А он все был такой же. Он избегал показывать людям свое лицо. И делал это только в сумерках, как и остальные бессмертные, закрывая голову просторным шарфом. В те времена это был обыкновенный головной убор лиц обоего пола. Но приходилось избегать любопытных и даже прятаться, так как за последние пятьдесят лет наружность бессмертных еще сильнее изменилась. Головы стали больше, лица меньше и они еще менее походили на людей. Прожив лет десять где-нибудь в другом городе, Курганов опять появлялся на прежнем месте. И никто его не узнавал. Многие успевали за это время поумирать, разъехались, теперь жили те, кто раньше были детьми. Биррус жил неотлучно с Кургановым, но тоже иногда исчезал и возвращался, изменив костюм и, по возможности, наружность.

Теперь опять собирались все пятеро. Немой стариk-индус, прислуживавший Курганову, целыми часами со спокойным любопытством смотрел, лежа на циновке, как по вечерам разговаривают эти странные люди. На него не обращали внимания. Индус не очень удивлялся их странному виду. Он думал, что там, за морем, есть такая страна, где живут такие большеголовые. Они для него были просто иностранцы. Мало ли каких людей нет на свете!

Бессмертные работали. Целый год у них ушел на подготовительные работы и исследования. Они сами у себя делали вытяжки из зобных желез. Каждый день приносил все новые плоды. Один из кроликов, которому были сделаны вливания сложных препаратов сыворотки и вытяжек от бессмертного самчика, привезенного Гетой, был вскрыт. Бес-

смертные увидели ту же картину, какую они много раз наблюдали, вскрывая и исследуя бессмертных животных. Казалось, они подошли вплотную к решению своей громадной задачи, и нужен был последний опыт над человеком. Курганов лечил старика-индуса от ревматизма. На нем и решено было испробовать действие человеческой сыворотки. Карст предложил сделать ему прививку так, чтобы тот не знал ее назначения, а думал, что это в порядке лечения его от ревматизма. К тому же нельзя было ожидать никаких скверных последствий. Ничто не говорило за это, даже если бы этот опыт и постигла неудача.

Сыворотка была приготовлена из крови Лилэнд. Неизвестна была доза, приходилось идти ощупью. Ничего не подозревавшему старику сделали одну за другой две прививки, каждый раз увеличивая дозу. Надо было ждать. Как и двести лет назад, в ожидании прибытия Курганова из Берлина, так и теперь, всякая работа была брошена. Бессмертные поставили на карту крупную ставку. Вопрос могло решить только время.

Прививки вызвали у старика бурную реакцию. Температура поднялась до сорока. Появилось слюнотечение. Он совсем слег, мычал, никого не узнавая, и несколько раз впадал в полное забытье. Нервные тики беспрестанно подергивали его лицо. Через неделю после второй прививки на всем теле появилась желтая сыпь. За ним тщательно ухаживали, но не лечили. По-видимому, это была нормальная реакция организма на введенное в его кровь вещество. Постепенно болезненные явления стали проходить. Старик поправлялся. С величайшей внимательностью бессмертные исследовали его. Пока никаких изменений не обнаруживалось. Ax, с каким напряжением и тревогой приходилось ждать! Казалось, что месяцы тянутся дольше, чем целые столетия жизни перед тем.

Случилось то, чего никто не ожидал. К концу первого года у старика, к тому времени совсем поправившегося и, кстати, переставшего хворать своим ревматизмом, появились несомненные признаки начинающихся глубоких изменений организма. Это были ужасные признаки, совсем не те, каких

ожидали бессмертные. Индус быстро превращался в кретина. Еще через полгода он превратился почти в обезьяну. Он не покидал своей циновки, лежал и целыми днями пожирал паникотые галеты. И, несмотря на это, быстро худел. Он превратился в скелет, обтянутый кожей, но с огромным животом. За счет всего организма развился сильный жевательный аппарат и колоссальный живот. Нижняя челюсть выдалась вперед. Подбородок закруглился. Все эти изменения совершились всего в несколько месяцев. Он стал напоминать гориллу. Однажды утром его нашли мертвым. В руках и во рту у него были остатки недоеденного сдобного кекса.

Было непонятно, почему подобная же прививка на кролике была успешной, а на человеке привела к столь ужасным и неожиданным результатам.

— Мы создаем жизнь, — сказал Курганов, взглянув на безобразный труп старика, — но кругом нас пока еще только трупы.

Неудача со стариком была тяжелым ударом для бессмертных. Неужели начинать все сначала почти без всякой надежды на успех? Или объявить миру открытие в том виде, как оно есть? Никто не смел заикнуться об этом. С тревогой и надеждой все ждали, что будет делать Курганов. Он был спокоен. Только брови его сдвинулись еще больше. Взгляд стал еще пристальнее, еще тяжелее. Смерть индуза никому из окружающих не показалась подозрительной. Все знали, что он давно болеет. За трупом явились родственники умершего. Курганов попросил позволения вскрыть труп.

Если бы кто-нибудь мог зайти в этот вечер в домик Курганова, он бы увидел интересное зрелище. Кругом стола, над высохшим, почти черным трупом не то человека, не то обезьяны стояли, наклонившись, пять странных существ. Их громадные, блестящие головы плавно покачивались. Они не торопились и не делали ни одного лишнего движения. Случайный посетитель увидел бы миниатюрные лица и был бы поражен их утонченной, но непонятной красотой. Эти существа говорили мало. Они понимали каждый жест и каждое движение того, кто ниже всех наклонился над трупом. Очевидно, они чем-то были очень недовольны. Делавший

вскрытие решительно выпрямился, отрицательно покачав головой. Снимая резиновые перчатки, что-то сказал звенящим голосом, похожим на звук цимбал, после чего другой с серьезным лицом слегка махнул рукой и принялся зашивать труп.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Пятый Город!

— Москва! Поставьте световую на W-B-17. Почему вас не видно? Я говорю сем-над-цать! Ну вот, здравствуйте, Магон. Мне крайне нужно, чтобы вы сегодня прибыли сюда. Есть нечто из ряда вон выходящее.

— В чем же дело?

— Увидите сами, когда прилетите. Но ваше присутствие, как члена Совета, необходимо.

— Хорошо, я буду в восемь вечера.

— Прекрасно!

Директор московской зоотехнической станции снял с головы хоккок и бросил его на стол. Нервно пройдясь несколько раз по комнате, он в десятый раз спустился по винтовой лестнице вниз и прошел в небольшую, слабо освещенную комнату. Несколько фигур в белых халатах окружали кровать с лежащим на ней человеком, который не то спал, не то был мертв. Один из сидящих держал в руках тонкую иглу, прикрепленную к спускавшемуся с потолка проводу; он изредка прикасался ею к груди лежащего. Кругом поблескивали никель и стекло всевозможных аппаратов.

— Ну, что?

— Будет жив. По крайней мере, сейчас не умрет. Но возможно, что сотрясение мозга...

— Рвоты не было?

— Нет.

— Никого сюда не впускайте.

За дверьми был слышен гул голосов. Целая толпа из всех отделений собралась в прилегающем к этой комнате зале в надежде взглянуть на пострадавшего. О нем передавали удивительные вещи. Директор вышел в зал. При его появлении моментально стихли разговоры и шум. Все придвинулись ближе и с напряжением ждали, что он скажет.

— Я вас прошу не волноваться и приступить к работе. Что? Да, это любопытный случай уродства. Пока его жизнь в опасности. Мы должны думать только о его спасении. Все

остальное после. Да, да... — Директор опять ушел к себе на-верх и стал шагать из угла в угол. — Магон будет здесь через час.

Уродство? Да, если это уродство, то во всяком случае очень удивительное. Почему вид этого урода вызывает в нем смутное беспокойство, переходящее даже в тревогу? Эта странная красота, красота... урода, эта совершеннейшая утонченность и отделка черт лица! Громадный лоб и голова, — откуда это? Кто этот человек, так мало на человека похожий? Через каждые пять минут директор спускается вниз. Там все без перемен. У кровати собирались лучшие силы медицинской и биологической науки. Они разговаривают вполголоса и напряженно всматриваются в бледное лицо лежащего. Но в их лицах нет строгой и уверенной научной пытливости. Эти люди, всю жизнь посвятившие науке, с нетерпением ждут, но в то же время боятся момента, когда очнется лежащий. Они даже избегают смотреть друг другу в глаза.

Магон прилетел в половине восьмого.

— Это случилось так, — говорил шепотом директор, спустившись вместе с ним вниз, — часа два назад в пятнадцатом номере взорвался пиктоловый компрессор...

— Опять?

— Да, опять. Там никого не было, но от взрыва в нижнем этаже, — это как раз было над угловой камерой, — с потолка обсыпались мраморные плитки.

— Ну да, понятно. Череп цел?

— Цел, только сотрясение...

— Кто он, откуда?

— Его зовут Карст, Амедей Карст, — отозвался один из присутствующих, — он появился здесь всего несколько дней тому назад и занялся самостоятельной работой. Никто не видел его лица. Как прилетел в темных очках и с шарфом на голове, так и не показывался иначе.

— Он работал в вашем отделении?

— Да. Он привез с собой животных. И все время что-то делал с ними. Нам неизвестно... Конечно, его никто не спрашивал.

— Прибавьте свету.

Комната озарилась мягким голубым светом. Все тесно сдвинулись и обступили кровать. Невозмутимый и спокойный лежал между ними человек с большой головой. Его лицо хранило выражение важной мудрости. Бессознательно ощущалось всеми, что это существо высшего порядка. Это чувство было похоже на желание снять шапку и поклониться.

Молчание длилось минут пять.

— Пойдем, — сказал наконец Магон, — установите возле него дежурство. Как только очнется, дайте нам знать. Да, и никого лишнего не впускайте.

Пригласив с собой троих из профессоров, окружавших кровать пострадавшего, они пошли наверх в кабинет директора. Голубой дым сигара поплыл воздухе.

— Вы его исследовали? — спросил, наконец, Магон.

— Да, — задумчиво ответил профессор анатомии, маленький, горбатый старичок, — мы воспользовались его беспомощным состоянием и подробно его осмотрели, исследовали и даже сфотографировали. Я бы сказал, что нет такой точки его организма, которая бы не отличалась весьма резко от нормальной. Объем его мозга колоссален и вообще строение черепа... Но особенно поразительна атрофия половых органов.

— Однако, при всем том, — заметил другой, — это никак нельзя назвать уродством. Это нечто совсем другое.

— Мне кажется, что если бы нам было предложено, на основании всех данных нашей науки, воссоздать вид человека, каким он должен стать с течением времени, мы неминуемо бы пришли к тому, что видели сейчас внизу. Только отсутствие пола меня удивляет.

— Он очень, видимо, хрупок. Удар по голове был сравнительно слаб, но уже два часа он без сознания.

— Да. И это в соответствии со всей его организацией. Очевидно, все эти уклонения врожденны. Я думаю, что этот исключительный случай можно рассматривать как явление, прямо противоположное атавизму. В случаях атавизма организм дает картину возврата к старому. В данном же случае природа забежала вперед. Это, по моему мнению, человек

будущего.

Старичок помолчал.

— Если это так, то должны перевернуться вверх дном все наши представления о самом процессе эволюции органической материи. Прежняя философия и воззрения на явления жизни здесь совершенно неприложимы.

— Да, — вставил директор, — тогда пришлось бы допустить, что протоплазма с самого момента своего возникновения уже содержит в себе зародыши всех будущих форм. Таким образом, ход эволюции предопределен заранее, но... это противоречит очень многому. В то же время...

— А гениальность? — перебил его Магон, — разве это не скачок вперед? Разве гении всех времен принадлежали своей эпохе? Они морфологически и психически были людьми грядущих поколений. Массы научались их понимать через десятки и даже сотни лет после их смерти.

Анатом покачал головой.

— Нет, этого нельзя сравнивать. Конечно, в зависимости от условий, некоторые единицы опережают своих современников, но это скорее отставание массы, а не ускорение развития этих единиц. Все зависит от условий. Сейчас, например, господствующий класс Америки не потому обладает большими знаниями и могуществом по сравнению с рабочим классом, что он гениален, но потому, что массам умышленно дается ограниченное образование. Если можно себе представить, что благоприятные условия наследственности, среды и многих неизвестных нам обстоятельств производят гения, то такое объяснение недопустимо в случае с нашимальным. Глубокие анатомические склонности и притом исключительно в одном направлении, как бы по определенному плану...

— Почему же? Во время его утробной жизни могли быть какие-нибудь нарушения роста, питания, построения тканей, которые и вызвали такое необыкновенное уродство. Родившийся оказался жизнеспособным, и мы видим «человека будущего», как вы его называете.

— Слишком определены и законченны эти аномалии. Но пока еще рано делать выводы. Подождем.

В молчании расходились из кабинета. Как только надо будет, директор их всех вызовет сюда. Оставшись одни, Магон и директор больше не говорили об этом странном уроде. Не раздеваясь, они устроились на ночь на диванах и молча курили. Они сами не заметили, как заснули. Был уже второй час ночи, когда Магону сквозь сон показалось, что делается что-то ужасное; не то пожар, не то наводнение, его кто-то хватает... Он открыл глаза и сразу сел на диване. Перед ним стоял его помощник.

— Идите. Он открыл глаза и просит пить.

Через минуту все были внизу. Человек с громадной головой спокойно переводил глаза с одного на другого. Его взгляд был пристален и тяжел. Тот, на кого он смотрел, чувствовал неловкость, спутывавшую все тело, и невольно опускал глаза. Очевидно, заметив это, лежавший перевел взгляд на потолок и слегка прищурился.

— Что со мной произошло?

— Над вами взорвался пиктол, и с потолка обсыпались плитки, но череп дел и даже...

— Цел?

— Да. Ни одной трещины. Даже на коже нет ссадины. Очевидно, просто сотрясение. Как вы себя чувствуете?

— Ничего. Дайте пить.

Ему принесли воды. Карст с беспокойством думал, как он выпутается из этой истории. Теперь они его не оставят в покое.

— Кто меня видел? — прямо спросил он.

Магон и директор значительно переглянулись.

— Никто, кроме здесь присутствующих. Вас принесли из вашей камеры в шарфе и темных очках.

— А кому известно?

— Пока еще никому, кроме нас. Мы воздержались от огласки, но некоторые слухи все же проникли...

Карст бросил на директора взгляд, заставивший того съежиться.

— Я вам отвечу на те вопросы, которые вы, конечно, собираетесь мне задать, но требую пока полной тайны. Я не хочу, чтобы меня трепали по экранам и втискивали в хоккок.

Я удовлетворю любопытство, но только ваше. А теперь оставьте меня до утра. Я слаб и хочу спать.

Оставшись один, Карст тщательно обдумал свое положение. Несомненно, за ним установлен надзор. Надо во что бы то ни стало избежать огласки. Сейчас пока, очевидно, его видели только эти люди, но если...

Карст попробовал сесть, но сейчас же откинулся снова на подушки. Голова кружилась и тупой болью ныло темя.

«Как все это глупо вышло! — думал он, поворачиваясь на бок и чувствуя, что сон действительно его одолевает. Надо поговорить с Кургановым».

— Принесите мне хоккок, — попросил Карст утром у явившегося к нему старичка-анатома.

В соседней комнате собирались уже все, кого он видел ночью. Поставив хоккок на условную волну, он вызвал Курганова. Он мог не стесняться присутствием посторонних. Немного они могли понять из того, что он говорил.

— Курганов? Со мной случилось маленькое несчастье. Что? Да, небольшой взрыв, и немного стукнуло по голове. Нет, пустяки, через несколько дней, вероятно, буду на ногах. Да, я окружен прекрасным уходом. За мной смотрят лучшие врачи станции. Ну да, конечно, еще бы...

Карст умолк и некоторое время слушал, иногда однозначно отвечая.

— Хорошо, я думаю, что мне это удастся. Во всяком случае очень не беспокойся о дальнейшем.

Он отложил в сторону хоккок и обратился к анатому:

— Принесите мне мои очки.

Вся одежда Карста находилась тут же в комнате. Старичок-анатом порылся в углу и робко подошел к Карсту с очками. Наедине со своим диковинным пациентом ему было совсем неловко. Он почувствовал большое облегчение, когда темные стекла очков скрыли от него волнующий, загадочный взор. Он ожидался и стал смелее.

— Может быть, вы хотите чего-нибудь покушать или выпить?

Карст молча кивнул головой. Профессор вышел и сейчас же вернулся с подносом, уставленным кушаньями. Очевид-

но, все было заранее приготовлено к моменту его пробуждения. Карст поел немного. Хотя голова болела меньше, он чувствовал сильную слабость и понимал, что придется некоторое время оставаться в постели. Ему хотелось поскорее отделаться от неизбежных расспросов и, хотя вполне научного, но от того не менее досадного любопытства. Он попросил позвать к нему всех, кто его вчера видел.

Старичок юркнул в дверь и через минуту вернулся с целой толпой почтенных ученых всех мастей и возрастов. Они уселись вокруг кровати Карста и подготовились слушать. Нестерпимое любопытство овладело ими. Притворяться неинтересующимися и не замечающими его «уродства» (как из чувства вежливости не обращают внимания на калек) было бы неуместно и неестественно. Никто не решался начинать разговор. Все ждали, когда он заговорит сам. Молчание стало уже невыносимым, когда Карст, наконец, сказал тихо, но внятно:

— То, что вы видите, представляет исключительный случай врожденного уродства. Я прекрасно понимаю интерес, который оно возбуждает в каждом биологе. Но вы понимаете, что открыться и стать патентованным уродом, объектом постоянных исследований и наблюдений мне не хочется. Я очень сожалею, что несчастный случай поставил меня в такое нежелательное для меня положение, но... — он задумался, — мне теперь, конечно, придется отдаваться в ваши руки. Вы можете составить монографию об этом случае. Но я ставлю одно обязательное условие: ни звука, ни намека не должно проникнуть за стены этой комнаты, пока я этого не пожелаю. Можете меня изучать. Я сам вам в этом помогу. Но не сейчас. Я еще очень слаб. Когда я почувствую себя хорошо, сам сообщу об этом. Вот все. Позаботьтесь о моих животных. Им кроме пищи ничего не надо.

Карст умышленно говорил слабым голосом и, кончив речь, закрыл глаза. Все разошлись в молчании. Было решено ждать и исполнить желание больного. В отделениях объявили, что пострадавший просто забавный урод с большой головой. У него в детстве была водянка. Да, конечно, интересный случай, но в общем ничего особенного. Его лечат, и

он скоро поправится.

Теперь Карст лежал один. Его никто не беспокоил. В соседней комнате, конечно, постоянно кто-нибудь находился, но не являлся к нему без зова. Тщательно осмотрев стены своей тюрьмы, Карст убедился, что здесь нет хоккоковых глаз и ушей. Это его устраивало.

Прошел еще день. Карст совсем поправился. Он похаживал по комнате, но не изъявлял желания никого видеть. Он занимался изучением места своего пленения. Аппараты в комнате соединялись многочисленными проводами с главной мегурановой батареей здания. Собранные в толстые пучки, провода, переплетаясь, как удавы, скрывались в отверстиях потолка. Он целыми часами просиживал у открытого окна, вдыхая свежий воздух и детально изучая местность внизу. Здание зоотехнической станции находилось во втором перекрытии города. Его комната была нижней угловой. Из окна казалось, что здание висит в воздухе. Карст высунулся и посмотрел вниз: метрах в двадцати находилась потрескавшаяся и облупленная крыша старого собора. Это был прежний храм Христа Спасителя. Легкая стропиловка второго перекрытия ажурным, кружевным переплетом опиралась на его крышу, сохранившую местами следы позолоты. К сожалению, ни одна из этих стальных балок не проходила достаточно близко от окна. Ближайший устой мощными, подвижными цапфами охватывал далеко выступающий угол здания. До него из окна невозможно было добраться по гладкой, отвесной стене. Единственное, что можно было попытаться сделать, это спуститься прямо из окна на крышу храма. Карст бросил взгляд на провода. Их здесь было достаточно, чтобы сделать канат не в двадцать, а хотя бы и в сто метров длиной. Смеркалось. Карст подошел к двери и заглянул в соседнюю комнату. Старичок-профессор, главный его опекун, в это время дежуривший, при виде его испуганно вскочил и схватился за ручку маленького сигнального рубильника, стоявшего на столе. Карст усмехнулся.

— Не бойтесь. Я не собираюсь бежать.

— Да нет, ничего, пожалуйста...

— Что «пожалуйста»? Бежать? С удовольствием.

Карст нарочно решительно двинулся вперед, но не успел сделать двух шагов, как старичок притиснул рогульку, вспыхнувшую при этом бледно-голубым пламенем, и сбивчиво забормотал:

— Ах, нет, впрочем, я немножко не то, хотя конечно...

На лестнице послышались торопливые шаги нескольких человек. Карст со смехом махнул рукой, повернулся и, не спеша, пошел обратно в свою комнату. Он узнал все, что ему нужно было. Несомненно, он находится под своеобразным арестом. К нему в комнату никто не вошел. Он слышал только рядом сдержанные голоса и разговоры. Потом все стихло. Карст опять подошел к двери. Его тюремщик, старичок-профессор, по-прежнему сидел у стола в кресле. У него на лбу был хоккок. Рука покоилась на рычажке рубильника. Их взоры встретились.

На сон дежурного Карст рассчитывать не мог. Дежурные часто менялись. Он решил действовать иначе. Приоткрыв дверь до половины, не сводя со старика пристального взора, он медленно поднял руку и снял свои очки. Профессор не пошевелился, но слегка побледнел. Рука его одеревенела и цепко впилась в эbonитовый шарик рубильника. Он не мог оторвать своего взора от полуоткрытой двери, за которой в сумерках вечера виднелась громадная голова и приковывал к себе загадочный, суровый взгляд темных, бездонных глаз. Как мышь и очковая змея, оба застыли в полной неподвижности. Слышино было лишь тиканье маленьких часов профессора, лежавших на столе. Прошло минуты три. Профессор чувствовал, что тело его как будто наполняется гипсом, который быстро и неумолимо затвердевает. Он все видел и слышал, но не мог пошевелить ни одним мускулом. Он не мог даже моргать. Из высохших глаз капля за каплей сбегали слезы и исчезали в его жиidenькой седой бородке. Карст бесшумно вошел в комнату и направился ко второй двери. Старик не пошевелился. Так же окаменело продолжал смотреть в открытую теперь настежь дверь комнаты Карста. Это был не человек, а предмет.

«Нельзя ли просто уйти?» — мелькнула у Карста мысль. Он вернулся в свою комнату и быстро оделся, замотав голо-

ву неизменным шарфом. Осторожно, на цыпочках, он пробежал через дежурную и, задерживая дыхание, двинулся вверх по винтовой лестнице. Наверху в кабинете директора слышен был громкий разговор. По голосам можно было судить, что там находится не менее семи-восьми человек. Карст остановился. Может ли он рассчитывать на свою силу? То, что удалось с одним стариком, может кончиться совсем иначе, если ему придется иметь дело с целой толпой. Он решительно спустился вниз. Долго раздумывать было некогда. Третья дверь из дежурной, которая вела в зал, оказалась запертой. Оставался один путь — окно. Заперев изнутри выход на лестницу, Карст, не обращая больше никакого внимания на профессора, принялся за работу. Ему надо было снять, по меньшей мере, метров шестьдесят провода. Для надежности он предполагал сплести свой канат в несколько рядов. Это была нелегкая задача.

Карст вооружился двумя гирьками, снятыми с одного из аппаратов, и, поставив стул на стол, перебивал провода по одному. Более получаса ушло у него на то, чтобы снять нужное количество крепкого провода, состоявшего из тонких стальных проволок. Приходилось выбирать, так как было много и медных проводов. Теперь надо было из всей этой перепутанной кучи свить один надежный трос. Обрывки проводов были коротки. Приходилось делать узлы и накрепко скручивать между собой отдельные пряди. Карст работал упорно, не отрываясь ни на минуту. Наконец, в его руках оказался толстый и длинный жгут, вполне способный выдержать и большую тяжесть, чем вес человеческого тела. Оставалось только укрепить один конец где-нибудь у окна, а другой выбросить наружу, — и лестница готова.

У подоконника проходил толстый никелированный прут, обоями концами вделанный в стену. Очевидно, он был полый, потому что сбоку из него торчал маленький измеритель с золотой стрелкой, все время суетливо бегавшей по циферблату. За этот-то мегурометр Карст и закрепил свой жгут. Выбросив конец за окно, он убедился, что длина достаточна. Между нижним концом и крышей собора оставалось расстояние всего в два-три метра.

Карст подошел к старику.

— Вы получите способность двигаться и говорить через полчаса, — сказал он ему внятно на ухо и положил ключ от комнаты перед ним на стол рядом с часами.

Не теряя времени, он отправился к окну и осмотрелся. Место было очень удобное. Внизу и кругом — корпуса обширных мастерских. Они охватывают старый собор. Только второй его этаж возвышается над гребенчатыми черными крышами. В стороне Кремля — сплошная решетчатая стена. Она соединяет оба первых перекрытия города. В пролетах мелькают огни идущих в толще самой стены магнитных поездов. Здесь никого нет. Если и увидят его, то никто не обратит внимания. Его, конечно, примут за монтера. Карст перекинулся через подоконник и, обвив вокруг ноги свой жгут, быстро спустился на крышу собора. Надо было особенно опасаться проводов высокого напряжения, а они были везде, тянулись сплошной паутиной*.

Осторожно переступая, Карст обошел башню главного купола и присел. Колени его дрожали и сердце сильно билось. Вероятно, недавний ушиб головы ослабил его. Затратив, кроме того, много сил на старика, он чувствовал себя совсем разбитым. Рядом находилось большое отверстие. В нем прозрачным вихрем ревел вентилятор. Теплый, дрожащий воздух мощной струей рвался наружу. Карст заглянул туда. Сквозь мерцание лопастей видны были машины, торопливо поблескивавшие полированными частями. Внутри собора все простенки сняты. Получившееся обширное помещение обращено в светлую мастерскую. Рабочие в синих костюмах сидели в маленьких будочках над машинами и, казалось, ничего не делали. Таких вентиляторов в крыше было несколько. Все они соединялись легкими подвесными мостиками. Карст подполз к другому. Он не работал. Сквозь промежутки его большого четырехлопастного винта легко можно было спуститься на мостик. Ему пришло испытать нес-

* Несмотря на широкое пользование беспроволочной передачей энергии, во многих специальных случаях приходилось еще употреблять провода.

олько неприятных секунд. Винт могли пустить в работу, и тогда его, конечно, разорвало бы на куски. Пройдя по мостику вдоль стены, Карст спустился вниз и пошел между станков к выходу. На него никто не обратил внимания.

«Там осталось два бессмертных кролика, — думал он, — жалко их потерять, но приходится бросить. Обратят ли на них внимание?»

— Берегись!

Карст отпрянул в сторону. Мимо него по воздуху проплыvalа необъятная масса полированных стальных шариков. Как серебряная икра, они ярко блестели и отливали всеми цветами радуги. Несколько рабочих, вооруженных длинными медными палками, бежали под этой кучей, подталкивая ее и направляя движение. Карст взглянул наверх. На блоке катился большой электромагнит. Он и влек под собой всю эту гору. Это были самые обыкновенные шарики для подшипников. За первой кучей ползла вторая, третья. Карст на минуту задержался, чтобы полюбоваться легкой и неторопливой работой людей в синих костюмах, но вспомнил, что он еще не в безопасности, и направился к выходу. Трудно было себе представить, что находишься в старом соборе. Здесь не осталось и следа прежней отделки. Взгляд везде встречал только стекло, фарфор, полированный металл, бетон. С прежней паперти стеклянная галерея вела в соседние корпуса мастерских. Тут работало множество женщин и девушек. Они были заняты исключительно сборкой различных мелких приборов. Яркий свет люмиона заливал бесконечные, рядами уходящие вдали, линии столов. Все блестело и имело нарядный вид. Сейчас работа в этих отделениях кончалась. Карст смешался с толпой, спешащей к выходу. Человеческий поток вынес его прямо к решетчатой стене, которую он видел из окна своей несчастной комнаты. Здесь было пять этажей магнитной дороги. Вместе с другими он бесцельно сел в длинный вагон-снаряд. Он еще не решил, что будет делать дальше. Хотел только поскорее выбраться из города. Скоро вагон вылетел на прямой путь. Он мчался по самому верхнему перекрытию, говоря по-старому, по «крышам домов».

Седая, древняя Москва! Ее охватил и покрыл громадный город. Она, старенькая, родила его, а сама спряталась, ушла в землю, и не видно ее теперь. В стороне Кремля на высочайшей башне, на вид сотканной из паутины, горит, как солнце, ослепительный шар люмиона. Эта башня венчает большой Ленинский Мавзолей, выстроенный над старым. Ее люмион господствует над всем городом. Он освещает верхнюю часть на двадцать километров вокруг. Земные летательные машины видят его за сотни, а транспланетные — за тысячи миль, на громадном пространстве вокруг он ночь обращает в день. Карст часто видел его, но теперь снова залюбовался ослепительным шаром, как новая планета, висящим над раскинувшимся до горизонтов городом. Вагон мчался все дальше.

— Где мы теперь? — спросил Карст у своего соседа, пожилого рабочего с длинной русой бородой. На нем был блестящий синий костюм из искусственного шелка.

— Под нами Звенигородский район. Скоро будем за городом.

— А вы далеко едете?

— Нет. Отсюда километров шестьдесят, до самой окраины. Я живу в Кольце Садов. Как вам нравится вчерашнее воззвание Холла?

— Я эти дни был болен и не в курсе дела. А что такое?

Рабочий улыбнулся.

— Это забавная история. Вчера в обед кричали из Чикаго: ихнее представительство в Транспланетной Компании обращается к своим рабочим. Видите ли, кто согласен подчиниться новым правилам работ и будет себя смирно вести в течение пяти лет, тот получит право эмиграции. Ну, а пока даже к нам не пускают. Уж будет баня! За последний кадастр тридцать процентов ихних товаров неходит сбыта. Да. А еще подождать, так и совсем зароются. Нам почти ничего не надо. А лунный рынок, ох, лунный рынок не радует их теперь!

— Да, там кажется, изрядно пообстроились.

— У них техника выше нашей. Главное, — вес меньше. Я там был в прошлом году в командировке от Союза Метал-

листов. Ах, какие там города, какие машины! Я пожил все-го месяц и так привык, что тяжеленько пришлось здесь.

— Именно «тяжеленько».

— Да, сначала едва мог ходить, ноги, как свинцовые, руками не пошевелить. И там первое время неудобно было. Хочешь ступить — прыгнешь, поднять что-нибудь — так и выкинешь кверху. Да вы, конечно, знаете...

— Скажите, — перебил его Карст, — как вы думаете, сколько времени продлится такое положение?

Рабочий сразу стал серьезен. Брови его сошлись.

— Чем скорее, тем лучше. Это наша задача. Они сами ничего не могут поделать. Господа Холлы не остановятся ни перед чем. Ведь им все равно один конец... А мы? — его глаза сверкнули, — я не знаю, как мы это сделаем, но должны, понимаете, должны.

Вагон остановился, и собеседник Карста вместе с другими стал выходить. Прощаясь с Карстом, он крепко пожал ему руку и еще раз глухо повторил:

— Мы скоро сделаем это.

Карст перешел к большой группе рабочих, которые ехали дальше. Здесь шел оживленный разговор о последних событиях. Каждый до тонкости знал политическое и экономическое положение настоящего момента. Ему пришлось услышать несколько чрезвычайно дальних и зрелых замечаний, обнаруживающих большую эрудицию. Карст прислушивался и думал: «Действительно, каждый из них может управлять государством».

Все разговоры вертелись вокруг одной темы: Америка и американский рабочий. О предстоящей борьбе и решительной схватке говорили, как о вопросе решенном. Карст видел возбужденные лица, слышал речи, полные страстной ненависти, и, глядя на этих граждан Земли, получал все большую уверенность, что победить должны именно они. Техническая мощь и в течение веков ничем не сдерживаемое, свободное развитие личности сделало этих людей носителями громадной силы. А исполинский коллектив, составленный из таких единиц, обладал возможностями почти неисчерпаемыми.

Но и враг был силен. Никто себя не обманывал на этот

счет. Карст видел, что люди в синих костюмах отдают себе ясный отчет в предстоящем. Это было не минутное воодушевление, не экстаз, но результат серьезного, зрелого понимания вещей и законов, управляющих человеческим обществом.

Вагон мчался все дальше. Толпа, окружавшая Карста, успела несколько раз перемениться. Но он слышал все одни речи; казалось, самый воздух был насыщен этим мучительным, напряженным вопросом. Карст прислушивался ко всем общему подъему и со сжавшимся сердцем думал: «Успеем ли мы? Не опоздаем ли? Не разразится ли буря раньше, чем мы принесем в мир бессмертие?..»

Одно только было ему совершенно ясно, что Великий Союз или победит или погибнет. Третьей возможности не существовало. Карст оглядывался кругом и спрашивал себя: кто же подчинится? Вот этот или тот? Его окружали спокойные, серьезные люди. В их взорах он ясно читал: «Не уступим, тогда не для чего было бы жить!»

Опять успокоенный, он припадал к окну. Почти совсем светло. Разбросанные тут и там шары люмиона разгоняли ночной мрак. Над горизонтом поднималась полная луна. Она имела теперь не тот цвет, что раньше. Это был яркий, молочно-белый шар, и на нем не было видно каких-либо неровностей или пятен. Теперь она имела атмосферу и облака, совсем закрывшие от земли ее старое, знакомое лицо.

Вертящаяся перед окном panorama быстро уплывала на юг. Вагон с мягким жужжанием летел сквозь бесконечные ряды черных арок-магнитов. Карст, казалось, не собирался его покидать. Наконец, маленький мегафон, вделанный в потолок, сухо протрещал и крикнул:

— Через пять минут станция «Ярославль».

Карст решил выйти здесь. На вокзале было очень много народа, но не было ни давки, ни крика. Никто не торопился, но все поспевали кому куда было нужно. Карст вспомнил, как лет сто тому назад ему приходилось бывать в толпе при подобных же обстоятельствах.

Теперь никто не рвался вперед. Здесь была не внушенная страхом, а разумная, самая ценная из дисциплин — дис-

циплина толпы. По одному этому маленькому уголку, где собирались люди, можно было судить о той высоте, на которую поднялась, даже в общей своей массе, тщательно культивируемая личность. Это была не толпа, а собрание индивидуальностей.

Проходя через зал, Карст на минуту остановился послушать у висевшего в углу мегафона газеты «Известия Большого Союза».

— Ракет-аэроны, полетевшие на Марс в** году, привлечены планетой и врашаются вокруг нее. Их шесть. Три погибло. Капская обсерватория получила снимки. Смотрите на волне СВТ-37-А!

— Утреннее заседание президиума Рабочего Совета Московской Области слушайте на А-40-хоккок!

— В Бостоне получили электрик-финиш двадцать рабочих химиков за попытку эмиграции на Луну. Семнадцать стерилизованы!

— Из Первой Зоостанции бежал, выставив окно изолятора, урод с громадной головой. На нем синий шарф и темные очки. Он загипнотизировал профессора Смирнова. Смотрите его фотографию на Ам-З-Т-хоккок!

— В Четвертом Городе на Восьмом шелковом заводе рабочий Иванов изобрел...

Карст не стал слушать дальше. Он боялся обратить на себя внимание. Он заметил, что несколько человек внимательно приглядываются к его шарфу и очкам. Он опять смешился с толпой и вместе с ней вышел на широкую улицу. Но пока шел, его долго еще догонял сухой крик:

— ... Лондон! Лондон!.. — смотрите на СТ-43...
— ... звуковая Я-К-18.... Хоккок! Хоккок!

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Его сон — вернейший признак удачи, — значительно проговорил Курганов на третий день вечером. — Индус не спал, а был тяжко болен. А этот, обратите внимание, за три дня его лицо совсем переменилось.

От исхода этого последнего опыта зависело все их предприятие. Два столетия упорной работы клином сошлись на этом человеке, которому бессмертные еще раз решились вверить решение судьбы.

Прошло три дня. Теперь уже с уверенностью можно было сказать, что опыт удачен. В маленьком термостате у Курганова находилась ампула с бесцветной жидкостью. Это была сыворотка «бессмертия», приготовленная из крови Геты и Лилэнд. Этого количества было достаточно, чтобы обессмертировать несколько сот мужчин. Как и в опыте со стариком-индусом, их пациент не знал, что с ним сделали. Он тоже, как и многие, лечился у Курганова. Это, конечно, был обман и в некотором роде насилие, но иначе бессмертные боялись поступать. Хотя этот опыт был опасен, они сами себе давали право жертвовать единицами, когда дело касалось миллиардов человеческих жизней. Объектом их последнего опыта был крепкий мужчина лет сорока, тоже местный житель, родившийся в Годавери, по происхождению испанец. Он раньше был сторожем на неоновом маяке для аeronов. Однажды ему придавило руку поворотной площадкой. Курганов лечил его между делом и давно имел в виду как возможный объект для опыта с усовершенствованной сывороткой. Перед тем, как еще раз испытать ее на человеке, были поставлены всесторонние опыты над животными, и все дали блестящий результат. Теперь бессмертные почти не сомневались в успехе. И, действительно, ожидания не обманули их. На десятый день спящий проснулся.

После долгого застоя события развертывались с головокружительной быстротой. Альварец, — так звали испанца, — совсем поправился и вернулся на свою работу. Ему так и не сказали о постигшей его диковинной судьбе. Поживет —

сам узнает.

Опять бессмертные в полном составе собирались у Курганова. Он жил теперь в другом месте, за рекой. Старый его домик давно изветшал и обвалился. На его месте строилась силовая станция. Это был самый торжественный день их жизни: с того дня, как они взорвали свою Балтийскую станцию и скрылись, прошло ровно сто девяносто четыре года. И теперь, спустя два столетия, они вернутся к людям и крикнут безумное, ослепительное слово: «бессмертие». Вместе с чувством необычайного подъема и нетерпения бессмертные ощущали некоторую тревогу. Как они сделают это? Как они учтут возможное действие этого удара на неподготовленное к нему человеческое общество? Классовый вопрос клином врезался и мешал планомерному развитию. Бессмертие, этот необходимый этап развития человечества, к которому, как к Риму, ведут все научные дороги, должно прийти не в славе и блеске человеческого гения, но тайком, скрываясь как, вор, в тени, безумным бредом нашептываясь на ухо, прячась во тьму, как порок, — потому что жив еще хищник.

— Это сила, — сказал Курганов, стукнув рукой о стол, — которой мы победим мир! Через полгода Великий Союз станет Всемирным!

Бессмертные ждали, что будет делать вождь. Он должен был найти путь, который бы не привел к катастрофе. Он был спокоен, и его мудрая уверенность невольно передавалась другим.

Незадолго до отлета они еще раз вызвали и исследовали Альвареца. Прошло всего несколько месяцев, но уже резко замечалась атрофия в области половых признаков. Бессмертные узнавали на нем те стадии, через которые когда-то прошли сами. Испанец не печалился, вскользь упомянул о том, что на прошлой неделе от него ушла жена (он недавно женился на молодой индианке). Он сказал об этом совсем равнодушным тоном, хотя бессмертные знали, что раньше он страстно любил свою жену и был даже большим ревнивцем. Не оставалось никаких сомнений, что перед ними шестой бессмертный.

Отпустив Альвареца, бессмертные занялись обсуждением дальнейшего плана действий. Было решено завтра же покинуть Годавери, где Курганов жил и работал в продолжение почти двухсот лет, и направиться в Восьмой Город. Этот город был средоточием научных учреждений Северо-Западной Области. Расположенный на берегу Волги в пределах прежней Казанской губернии он, хотя и сливался почти с соседними городами, но все же имел своеобразный вид, благодаря отсутствию верхних перекрытий, а также массе садов и искусственных озер. Озера соединялись каналами с рекой и делали улицы похожими на венецианские. Вообще город был построен по типу городов-садов и рос вширь, а не ввысь.

За последние пятьдесят лет жизни бессмертных вся обстановка, которой окружил себя человек при помощи неизмеримой технической силы, успела измениться больше чем за предшествующие несколько веков. Открытие способа получения отрицательного магнетизма вместе с неисчерпающимся источником энергии, какой предоставлял мегуран, дало возможность поднимать тяжести и держать их неподвижно в воздухе на любом расстоянии от земли и произвольно долгое время. Конечно, это требовало непрерывного расхода энергии, но пока в ней недостатка не ощущалось. Открылись совсем новые перспективы в авиации как воздушной, так и транспланетной. Приходилось переоборудовать силовые установки. Даже обыкновенные электромоторы оказались производительнее при отталкивателном, а не притягивающем действии магнитов. Сначала пользовались отталкивателной силой для помещения на большой высоте шаров люмиона, больших мегафонов громкоговорителей. Потом эту силу использовал в самом широком масштабе транспорт. Наконец, появились отдельные здания, а за ними и целые города, висящие в воздухе над остриями магнитных вышек. Человек не стеснялся расходовать энергию, предоставленную ему мегураном. Ее запасы были действительно безграничны. Воздушные города обыкновенно строились в виде чечевицы, плоско помещенной в воздухе. Конечно, они могли передвигаться только по вертикальной линии, так

как были подчинены силовыми станциям, находящимся под ними на земле, и не могли выйти из их отталкивательного магнитного поля. Это отдаляло также и вопрос о перенаселении городов и освобождало громадные пространства земли, нужные для произрастания клетчатки в виде трав, лесов, мхов и т. п. Химия все еще не могла синтезировать крахмал из мертвых материалов. Это было тем более странно и печально, что в других областях она сделала громадные успехи. Собственно, получение крахмала, как и белка, было достигнуто, но лишь как лабораторный, дорогой опыт. Практического же значения оно иметь не могло. Источниками белковой пищи животные наземные больше не служили. Было рационально поставлено морское и океанское хозяйство. Несметные массы трески и других пород рыбы правильно эксплуатировались. Океан вполне покрывал мировую потребность в белковой пище. Между прочим, вопрос о ловле рыбы тоже служил одним из пунктов раздора между Востоком и Западом. Океанские границы рыбопромышленных предприятий представляли собой как бы постоянный военный фронт. Морские пути рыбных стай превратились в улицы промышленных пловучих городов. Сюда была стянута и брошена вся техника, все знания. Эти предприятия занимали массу рабочих рук, но ясно было, что в один прекрасный день химия скажет свое слово, назовет формулу, и все это станет ненужным, как в свое время стали ненужными тракторы, сеялки и вообще сельское хозяйство, когда был открыт панит.

Беспрерывно открывавшиеся новые пути в технике постоянно отвлекали внимание от вопроса классового. Кроме того, безгранично расширявшийся круг потребностей приводил к возникновению всех новых и новых производств. Даже американские Ambular-Place теперь пустовали. Но положение рабочих становилось чем дальше, тем хуже. Конечно, и Восток и Запад продолжали вооружаться, но так как техника непрерывно двигалась вперед, а война все не наступала, то все эти вооружения сводились, главным образом, к напряженным, непрерывным перевооружениям, поглощавшим львиную долю государственного бюджета. Как злокачест-

венная опухоль, кризис назревал медленно, но верно. К тому моменту, когда бессмертные закончили свой двухвековой труд, человеческие общества Старого и Нового Света были окончательно готовы к борьбе. Среди американского пролетариата, хотя и стиснутого в железном кулаке, но все же постоянно обращающего взоры на Восток, шло пока еще глухое, но с каждым часом растущее брожение. Оно нарастало неудержимо, как катящаяся с гор снежная лавина. Та самая техника, которая дала в руки господ безграничные средства истребления и порабощения, не могла не дать и в распоряжение пролетариата некоторых существенных средств. Так, например, обыкновенный карманный хоккок представлял собою незаменимое средство массовой связи и информации. Это делало в общем несущественными все законы о прикреплении к производству, о территориальности и другие, имевшие целью воспрепятствовать возникновению какой бы то ни было организации. Но даже в случае массового удачного выступления американских рабочих задача их должна была бы до чрезвычайности осложниться одним обстоятельством. Хранителями и носителями научных и технических знаний были представители правящего класса. Промышленное хозяйство распалось на такое множество узких специальностей, что американский пролетариат, даже захватив власть в свои руки, не был бы в состоянии справиться со сложнейшими задачами экономического и технического управления без помощи рабочих и научных сил Востока.

Трудно сказать, было ли это случайностью, что почти совпали эти два момента: окончательная готовность к войне и предстоящее выступление бессмертных.

Выступления бессмертных стали поводом к началу битвы, и право за обладание бессмертием — целью всеобщих стремлений, за которыми исчезли, поблекли и почти забылись истинные мотивы борьбы, целыми веками подготавлившейся и имевшей совсем другие основы.

Так часто в истории повод кажется причиной и заслоняет собой истинную сущность событий. И лишь много лет спустя историческая перспектива делает понятным хаотический рисунок, выявляя действительные взаимоотношения.

Так, участники крестовых походов не знали, что они идут в Палестину вовсе не влекомые желанием спасать гроб господень, а гонят их невозможные условия феодализма, неистовствующая церковь и тысячи других причин.

Курганов замечал некоторую связь между окончанием их работы и полной готовностью человечества к войне. Он торопился окончить свою работу и чувствовал, что приходит к финишу вместе с надвинувшимися потрясающими событиями. Он хотел своим выступлением предупредить первые вспышки. Сама история этого требовала. Курганов торопился. Одно обстоятельство все-таки заставило его еще на некоторое время задержаться. Последние десятилетия не остались без заметного влияния на организм бессмертных. Старшие из них стали замечать некоторые признаки чего-то вроде начинающейся старости. Особенно это замечал на себе Курганов. У него, как и у всех остальных, размер головы еще больше увеличился, глаза впали, кожа стала прозрачной и зеленоватой. Кроме того, он стал замечать некоторую усталость. Ему уже недостаточно было обычных пяти часов сна ежедневно. Он теперь спал по шесть и более часов. Биррус, обратил внимание на появившиеся новые морщины у него на лбу и углубившуюся носогубную складку. По мнению Курганова, процесс изнашивания организма хотя и замедлился, но не прекратился вовсе. Это не означало, что они должны, в конце концов, умереть. Очевидно, требовалась еще вторая пересадка, подобная первой. Надо было подновить сопротивляемость организма. Пока не был найден иной способ, как пересадка бэтной доли, этот вопрос откладывался и даже не обсуждался. Курганов только все более и более торопился с работой. Но зато теперь в их руках была сыворотка бессмертия. Они могли взаимно обновиться.

Так и пришлось поступить. Незадолго перед отлетом из Годавери Курганову и Биррусу были сделаны прививки сыворотки из крови Лилэнд и Геты. Немедленная реакция показала, что действительно иммунитет бессмертных несколько понизился. Они, как и после первой прививки, впали в глубокий сон. Курганов спал три дня, Биррус — всего сутки. Это доказывало, что их уже начали пропитывать те самые

яды, которые в обычном состоянии приводят к старости и смерти. Гета, Лилэнд и Карст решили подождать.

Бессмертные окончательно перестали походить на обычновенных людей. Их вид вызывал смятение и ужас. Чтобы не возбуждать подозрений, они прибегли к помощи бинтов и повязок. Окружающим казалось, что они поранили себе головы, и величина их не казалась чрезмерной. Каждый приписывал эти размеры толщине повязки. Неудобно было держаться всем вместе. Такая группа жертв какой-то катастрофы вызывала не меньшее любопытство. И это, конечно, бросалось бы в глаза. На разных воланах и разновременно они покинули, наконец, насиженное гнездо Курганова, чтобы появиться в другом месте и при других обстоятельствах.

Незадолго до их отлета приходила к ним жена Альвареца. Она знала, что Курганов лечил ее мужа и горько жаловалась, что его «испортили». Эта женщина верила во все-могущество Курганова. Она плакала и умоляла вернуть ей мужа. Она ушла от него, но чувствует, что не может без него жить.

Бессмертные спокойно и невозмутимо слушали ее мольбы. Они не понимали ее, а если бы и захотели, то ничего не могли бы сделать.

— Ты помнишь, — шепнул Гете Карст, — что ты говорила и делала в день пересадки, когда тебя позвал Курганов?

Гета поморщилась, но ничего не ответила.

Двери главного зала Биологической Стороны Восьмого Города заперты наглухо. Мегафоны и стенной хоккок сняты. Сюда никого постороннего не впускают. Даже в прилегающих залах никого нет. Люди — только в самом зале. Их около сорока человек. Это целый ареопаг передовых научных сил Союза. Здесь и представители власти. Но и у них при входе отобраны карманные пти-хоккоки. Никто не знает, в чем дело. Их вызвал сюда председатель Ассоциации Биологов, вызвал шифром, употреблявшимся лишь в случаях особой, чрезвычайной государственной важности. Кое-где слышен разговор шепотом и вполголоса. Все чувствуют себя тре-

вожно. Они, пожалуй, спокойнее бы себя чувствовали, если бы их вызвал Военный Отдел. Определенное и понятное были бы возможности и ожидания. Здесь же их могло ожидать что угодно, вплоть до таких сказочных открытий, которые обещают перевернуть вверх дном весь наложенный аппарат жизни и экономики. Не открыт ли «мертвый панит»? Но тогда бы их вызывала Химическая Сторона. Синтез белка? Это не требовало бы такой спешки...

К гордости и торжеству по поводу открытий науки примишевалось чувство страха и беспокойства. Только успевала жизнь, техника, экономика приспособиться к данному состоянию научных знаний, только вступала в колею, как новое открытие делало напрасным весь предшествующий труд и заставляло снова перестраиваться. Это требовало непрерывной, напряженной работы, работы часто непроизводительной, но в то же время необходимой.

Никто не знал, что принесет завтрашний день. Наука и жизнь должны были идти в ногу. Трудно даже приблизительно подсчитать, сколько напрасных сил и средств требовала такая игра вперегонку. В то же время остановка была немыслима. Это был довольно жестокий закон развития, но в своих законах природа и история не склоняются на жестокость там, где она необходима.

Наконец, открывается задняя дверь. На кафедру выходит председатель, глубокий старик. Его знает весь мир. Этот человек, всегда уравновешенный и спокойный, теперь долго не может начать говорить. Он стоит, облокотившись о перила кафедры и, высоко подняв голову, трет свой белый, красивый лоб. Его глаза светятся. Еще глубже и заметнее стали трагические складки углов рта. Он обводит всех странным, удивленным взглядом. Он хочет что-то сказать, из груди вырывается не то стон, не то плач, похожий на смех. Он садится на стул ироняет голову на руки. В зале движение. Поднимаются на кафедру. Предлагают воды.

— Не надо!

Он уже справился с волнением. Его голос окреп. Он встает и призывает к тишине и вниманию.

— Сегодня, — почти кричит он, — сегодня скончался ста-

рый мир... Сегодня нет смерти! Сегодня утром Пять Бессмертных... Нет, я не могу... — он старчески всхлипывает и закрывает лицо руками, — не могу... я сяду...

Он садится мимо стула на пол. Охватив свои худые колени руками, начинает, что-то приговаривая, раскачиваться вправо и влево.

Всем приходит в голову мысль, что он помешался. В этот момент у кафедры появляется старший ассистент. Не обращая внимания на председателя, со стиснутыми бескровными губами, он решительно поднимается по ступенькам и останавливается у барьера.

— В соседней комнате, — раздается в мертвой тишине его слегка задыхающийся, мягкий голос, — находится пять существ, которые когда-то были людьми. Эти существа бесполы и... бессмертны. Вам, конечно, приходилось слышать о загадочной гибели Балтийской Биологической станции. Да, это было двести лет тому назад... Владельцем станции был Курганов, преемник и помощник Фора, открывшего туберкуль. Курганов и четверо его помощников, находящиеся в соседней комнате... бессмертны. Вот все, что мне поручил сказать вам Курганов, остальное вы услышите от него самогоД.

Ассистент помог подняться все еще сидевшему на полу председателю и, ведя его под руки, скрылся вместе с ним в задних дверях. Тот шел, как автомат.

Зал не шевелился. Казалось, на этих людей неумолимо опускалась свинцовая гора. Все замерли и, как на солнце, не смели взглянуть в глаза действительности. Отворилась задняя дверь. К кафедре вышло пять фигур с головами, плотно завернутыми синим шелковым газом. Одна из этих фигур взошла на кафедру и неторопливо сняла с головы свой шарф. Вместе с шарфом это существо сняло и темные очки.

Сорок пар глаз, не отрываясь, смотрели на сверхъестественное, чудовищное подобие человека. Необъятный, блестящий череп, переходящий в маленькое, почти детское лицо, на короткой и толстой шее...

Некоторые пытаются выйти. Но двери заперты. Они беспомощно опускаются на пол. Слышины плач и смех. Осталь-

ные сидят, как пригвожденные, на ‘своих местах. Ни у кого на лице нет ни кровинки.

— Я — Курганов, — слышится звенящий, как металл, голос,— пусть мои спутники тоже откроют свои лица.

В группе, возле кафедры, легкое движение. К говорившему один за другим поднимается еще четверо таких же людей. Они занимают всю площадку; безволосые, блестящие головы их покачиваются и шевелятся, как воздушные шары на нитке у торговца. Они походят общим обликом на муравьев-термитов.

Курганов протянул руку на запад.

— Там, — сказал он, — ничего не должно быть известно, я надеюсь, вы это хорошо понимаете. — Он выдержал паузу и продолжал: — Мы работали два столетия. И теперь явились к человечеству с тем, чтобы сделать его бессмертным. Да, сделать бессмертным Гражданина Земли, но не хищника! Сейчас не время объяснять способы и пути наших достижений. Нас только пятеро. Мы не могли прийти в иное место, как только сюда, в центр научных организаций. Мы не можем использовать даже хоккок. Наше пребывание среди смертных связано с необходимостью скрывать свою наружность, что ограничивает свободу действий. Мы рискуем сейчас, но наше явление человечеству неосуществимо в иной форме. Перед нами передовые силы Союза. Мы передаемся в ваши руки вместе с тем, что с собой принесли. На вас возлагаем заботу о дальнейшем, посвящение в дело правительства и всю вытекающую из этого ответственность. Без общей помощи мы сами ничего не сможем сделать. Мы надеялись в вашей среде найти наивысшую психическую устойчивость. Но первый, к кому мы обратились, наш уважаемый председатель, кажется, не выдержал этого натиска. Ну, ничего. Ободритесь. Подойдите сюда, ближе к нам.

Бессмертные сошли с кафедры и были сразу окружены плотно обступившей их толпой. Чтобы не смущать присутствующих тяжелым взглядом своих глаз, Курганов и все его спутники надели очки. Бледная, напряженная толпа стояла вокруг них темным, молчаливым кольцом. При малейшем движении бессмертных в ту или другую сторону, ряды

пятались назад. Напряженное молчание стало совсем невыносимым, когда внезапно один человек отделился от общей массы и взбежал на кафедру. Это был член Совета Труда и Обороны.

— Надо принять меры! — загремел его голос. — Охрану бессмертным! Запереть все выходы. Отсюда никто не выйдет. Мы немедленно вызовем эскадры магнит-дредноутов и боевых эоланов! Никому не касаться хоккока! Где запасной мегафон?

— В задней комнате.

Толпа сразу пришла в движение. Энергичный голос вывел ее из оцепенения, заставил вспомнить всю колосальную ответственность момента.

В это время из задней комнаты послышался какой-то сдавленный крик. Все бросились туда. Первым в комнату вскочил Карст. Он увидел старшего ассистента, только что выступавшего перед собранием, на полу, из-под его головы бежала узкая струйка крови. Председатель стоял перед большим рупором мегафона и, скав руками виски, неистово кричал:

— Слушайте!!! Никто не будет стариться и умирать! Мы будем бессмертны, как боги... Слушайте! Никто не...

Одним прыжком перелетая комнату, Карст успел взглянуть на установочный волновой циферблат мегафона: стрелка стояла на нуле. Он понял все. Это была общая мировая волна. Старик кричал на весь мир. Его слышали на всем земном шаре. Удар кулака по голове не дал председателю закончить своего безумного крика. Раскинув руки, он попятился к стене, но запутался ногами в складках кем-то брошенной камерной резиновой оболочки и свалился на пол.

Карст нажал ключ искателя.

— Слушайте! — отчетливо и резко сказал он. — То, что вы сейчас слышали — ложь! Это сумасшедший безумец хотел...

Но и Карсту не удалось кончить. Противоположная дверь с шумом распахнулась. В комнату ворвалась толпа людей. Она столкнулась с толпой, бежавшей сзади за Карстом. Произошла давка, и его стали оттискивать от мегафона. Он успел только ухватиться за толстый витой провод, соединяв-

ший аппарат с батареями, и сорвать его, нарушив, таким образом, последнюю связь с внешним миром. Остальные аппараты были еще раньше сняты.

Откуда взялась эта толпа? Очевидно, помешавшийся председатель успел выбежать в прилегающие лаборатории. Что он там кричал? Никто не знал, как случилось, что двери оказались отперты, когда сам Курганов их запер, положив ключ в карман. Об этом теперь некогда было думать. Сквозь настежь распахнутые двери виднелись все новые и новые толпы. Сюда устремились из всех отделений. Хуже всего было то, что они увидели Карста, а также Курганова и Лилэнд, влившихся вместе с толпой из главного зала. Их вид поразил напирающих. Это привело к еще худшему, передние бросились назад. Толпа склынула. В комнате опять стало свободно.

— Берегите бессмертных! — кричали из задних рядов от дверей большого зала, — берегите бессмертных!

Ассистент в этот момент уже очнулся и сидел на полу, стараясь вытереть со лба кровь и размазывая ее по всему лицу. Курганов подбежал к нему и тряхнул за плечо.

— Где у вас установки газовых заслонов?

Раненый махнул рукой в сторону зала. Он почти не мог говорить.

— Отвечайте скорее! — торопил Курганов.

— Там... в правом углу, за кафедрой, на общей... доске...

В те времена напряженного ожидания войн, когда немалую роль играли всякие газы, тыл милитаризовался. Все общественные здания на поверхности Земли имели предохранительные приспособления на случай погружения местности в смертоносный газ. Все входы, выходы и какие бы то ни было отверстия герметически закрывались непроницаемыми щитами. Можно было одним нажатием кнопки превратить все здание в своего рода убежище, коллективный противогаз.

Сквозь расступившуюся перед ним толпу Курганов бросился назад в зал и нашел в углу, за кафедрой, на стене большую мраморную доску с циферблатами и рубильниками.

Он схватил и потянул к себе ручку, против которой было написано: «gaze». За ним бежал член СТО.

— Да, да, это надо было сразу сделать. Мы все потеряли голову. Да и кто мог думать! И не поздно ли уже...

Опуская газовые заслоны, Курганов имел в виду запереть всех находящихся в здании, чтобы не дать возможности никаким слухам проникнуть за его стены. Может быть, председатель не все еще успел сказать...

Зал мгновенно погрузился в полный мрак. Все окна сократились до точки, как отверстия диафрагм в микроскопах. На доске Курганов нашел выключатель люмиона и дал свет. Отдельных лампочек не было, светились карнизы и большие плафоны на стенах. Этот свет, как и рассеянный дневной, почти не давал тени. Затем Курганов выключил ток всех находившихся в здании говорящих машин, не исключая и хоккоков. Громадный корпус совершенно лишился глаз и ушей.

— Надо заглушить карманные пти-хоккоки! — закричал кто-то. — Скорее!

Какой-то человек подбежал к доске и нажал небольшую боковую рогульку. Можно было думать, что больше ни звука не проникнет в мир из этого омертвевшего дома. Но, делая все это, Курганов понимал, что уже поздно. Ошибка произошла. Надо было сейчас же что-то предпринять. Во всем здании происходит паника. Никто не знает, что случилось. Бессмертные и с ними сорок человек заперлись в большом зале. Сквозь стены слышен в прилегающих помещениях гул голосов, похожий на рокот моря.

— Председатель успел сообщить миру, — снова слышится взволнованный голос члена СТО, — нужна немедленно охрана. Пока я предлагаю спрятать бессмертных в подземных сейсмографических камерах. Хоккоки сняты. Как мы вызовем эскадры?

— Подземной волной из нижних камер. Там свои батареи. Я прошу бессмертных следовать за мной! Теперь мы все за вас отвечаем.

Около бессмертных, появился высокий молодой человек. Это был второй ассистент. Он схватил Гету за руку и приг-

ласил остальных следовать за ним. Сквозь узкую дверь в стенах они спустились по отвесной почти лестнице в нижние камеры. Вместе с бессмертными сюда спустилось из зала человек около десяти. Член СТО сразу подбежал к маленькому хоккоку и схватился за ключи. Несколько времени он возился с ними. Потом нажал еще одну пуговку и слегка побледнел.

— Почему Десятый Город не отвечает?

— Поставьте на Москву...

Опять затрещали ключи и забегали стрелки.

— Москва... СТО! Вы слышите Восьмой Город? Дайте Общую!

Москва не откликалась.

— Что он, испорчен, что ли?

— Нет, здесь свои батареи... возьмите ОО-р-44 — Третий Город. — Третий Город!

Молчание.

Член СТО выпрямился и хотел что-то сказать, когда на диске вспыхнули оранжевые лампочки и между ними на голубом плафоне появилось взъянное и удивленное лицо. Его все сразу узнали. Это был председатель СТО. Он быстро осмотрел камеру и остановил взгляд на бессмертных.

— Так это, значит, правда...

Несколько человек сразу кинулось к экрану.

— Мы заперлись! Мы всех заперли в здании газовыми заслонами. Нужны эскадры эоланов и магнит-дреноутов. Пришлите охрану!

— Это мы все сейчас сделаем, — снова заговорил мегафон, — но вы не знаете, что творится на свете. Все остановилось! Все потеряли голову, но Рабочий Совет...

Лицо говорившего исчезло с экрана, и рупор умолк.

— Смотрите! — Биррус указал на сейсмографы.

Стрелки прыгали и чертили на белой ленте ломаную кривую. Где-то происходили землетрясения. Приборы едва выдерживали колебания почвы. Никто еще не успел ничего сказать, как ясно почувствовались подземные толчки. Аппараты зазвенели. На бетонной стене появилась заметная трещина. Заскрипел потолок.

Все бросились к лестнице. Бессмертных почти на руках вынесли снова в большой зал. Здесь своды дрожали. Катастрофы можно было ожидать каждый момент. Сквозь стены из прилегающих помещений доносился хаос человеческих криков. Там в совершенном мраке было заперто около трехсот человек. Никто не знал, что случилось.

— Здание рухнет, и они погибнут! Надо открыть газовые заслоны. Все равно мир уже знает...

Кто-то подбежал к мраморной доске. Снова диафрагмы окон и дверей во всем здании открылись. Хлынул дневной свет. Вместе с ним ворвалось ревущее завывание ветра. Шум и крик в соседних лабораториях постепенно стих. Очевидно, все бросились в открывшиеся двери и покинули дом.

Жизнь бессмертных была в опасности. Надо было уходить из-под колеблющихся сводов. Но внезапно подземные толчки прекратились. Несколько человек поднялось по легкому мостику к верхним окнам. Один из них открыл самое верхнее окно сводчатого купола иглянул наружу.

— Идет ураган! — закричал он, — с востока надвигается туча. Она сейчас закроет солнце...

Курганов тоже поднялся наверх. Из-за горизонта поднимался непроглядно черный край беспросветной тучи. Она приближалась. Через несколько минут солнце померкло. Воздух наполнился облаками пыли и мусора. С головными отрядами авангардом идущего урагана неслись массы летательных машин. Они бежали под натиском урагана роями. Многие из них сталкивались и темными полосками чертили воздух, падая кувырком на землю.

Стало совсем темно, но люмиона не зажигали. Вскоре мрак уступил место бледно-голубому мерцанию. К реву вихря присоединился далекий, глухой рокот. Окна закрыли и снова забронировали здание газовыми заслонами. Осветив зал люмином, все уселись кто где был, прислушиваясь ко все нараставшему грозному реву.

Бессмертные сидели в стороне и тихо разговаривали. Несколько минут спустя непрерывные раскаты грома достигли апогея. Казалось, само небо обрушилось на землю. Стены дрожали. Некоторые из сидящих в зале заткнули себе пальца-

ми уши, боясь оглохнуть. Как и землетрясение, буря и ураган продолжались недолго. Раскаты стали тише. Можно было различать отдельные удары. Гроза проходила.

— Вероятно, — говорил тихо Курганов своим спутникам, — все эти явления на земле, в воде и воздухе произошли по вине нашего несчастного председателя. Услышав то, о чем он прокричал на весь мир, все на некоторое время обезумели и потеряли голову. Но это значит, что они бросили работу. Если на полюсно-магнитных, тектонических, мегуро-воздушных и других установках люди забыли о машинах, то можно ожидать не только землетрясений и ураганов, но даже большего...

— В Америке тоже знают.

— Да, конечно, — Курганов махнул рукой, — не будем сейчас об этом говорить. Теперь наступят события, каких мир еще не видал. Конечно, то, что произошло, не входило в наш план, но... я не жалею, что так случилось. Вокруг нас теперь начнется бой. Это действительно будет последний бой. Он все равно должен был наступить не сегодня, так завтра.

— Вероятно, передано и на Луну, оттуда тоже прилетят...

— Да, Гета, прилетят все и отовсюду, со всего света. Теперь невозможно ничего загадывать вперед. Помните одно: если обстоятельства нас разлучат, никто из нас не выдаст нашей тайны, пока не будет ясно, что Великий Союз победил. Не сомневайтесь, что этот час — час начала Великой Войны, к которой человечество готовилось столько веков! Жизнь каждого из нас в величайшей опасности. Это тоже помните. Она нужна не только нам.

Прошел час. Ураган и буря почти совсем стихли. Сняв газовый заслон, опять открыли окна. Рваные, серые облака неслись над самыми крышами. Стало очень холодно, пошел дождь. Никто не знал, что предпринять. Бесправолочные аппараты не работали. Неизвестно было, что творится на свете. Эти сорок человек, которым бессмертные поручили свою судьбу, как полупомешанные ходили по залу. Снова пытались связаться с внешним миром. Но ни подземный хоккок, ни сорванный Карстом и кое-как починенный не действовали.

Член СТО сидел под кафедрой, мрачно и глубоко задумавшись. Одни лишь бессмертные сохраняли спокойный и невозмутимый вид. Курганов поднялся к верхнему окну. Дождь прошел, и стало тихо. Кругом видны сорванные крыши домов, разрушенные сады. В некоторых местах к небу поднимаются столбы черного дыма. Это — пожары, зажженные молниями. Особенную же тоскливость придает всему отсутствие людей и движения.

«Мы не успели еще сказать слова “бессмертие”, а вокруг уже гибель и трупы, — думал Курганов, — и каждый шаг наш таков».

Он смотрел вдаль. Громадная голова его тихо покачивалась. Прошло полчаса. В зале еще один человек, из молодых профессоров, помешался, и его пришлось связать.

Начинало уже смеркаться, когда Курганов заметил на горизонте темные точки.

— Летят, — сказал он, — но еще вопрос, кто это.

Все бросились к окнам. С трех сторон к Восьмому Городу приближались ровными, бесконечными цепями флотилии боевых эоланов.

— Это наши! Наши! — раздались крики. — Дать им сигнал!

Несколько человек бросилось в заднюю комнату к испорченному мегафону в надежде, что удастся войти в связь с эскадрильей.

— Это говорит Биологическая Сторона, Восьмой Город. Мы в главном корпусе. Вы слышите?

— Да, да, слышим. Почему вас не видно? Кто говорит?

— Аппарат испорчен. Говорит член СТО... Мы заперлись здесь в главном зале. Бессмертные с нами. Мы не знаем, что делается кругом. Нужна охрана. А вы кто и откуда?

— Это говорит начальник Второй эскадрильи. Мы сейчас закроем вас пятью кольцами. Что? Да. Сюда летят все силы. Через час еще будет восемь соединенных эскадрилий. Остальные к вечеру.

— А магнит-дреноуты?

— Четыреста магнит-дреноутов окружают город. Они идут кольцами. Мы их только что обогнали. Они вышли ра-

ньше нас. Америка бросила сюда весь флот магнит-эоланов. Но мы успеем... Я сейчас буду у вас.

В этот момент передние ряды эоланов уже поравнялись с городом и наполнили собой весь воздух. Один из эоланов повис над самым куполом главного зала и стал медленно опускаться. Почти коснувшись крыши, это чудовище остановилось. По выброшенной оттуда шелковой лестнице прямо к потолочному окну спустился маленький человек в черном резиновом костюме. Пролезши через окно, он сразу очутился лицом к лицу с Кургановым. На секунду он остолбенел, потом протянул руку и, стиснув зубы, сказал:

— Здравствуйте.

Здороваясь с ним, Курганов подумал: «Первый человек, который спокойно и культурно отнесся ко всему этому. Ни удивления, ни возгласов».

Так же спокойно и выдержанно поздоровавшись с остальными бессмертными, маленький человек упругим, твердым шагом прошел вниз. Ему навстречу бежал член СТО.

— Надо бессмертных закрыть охраной, всеми заслонами! Здесь будет бой...

Человек в резине покачал головой.

— Нет, я имею инструкции. Мой эолан отвезет их в надежное место. Мы стягиваем сюда все силы. Пусть думают, что бессмертные здесь. Тем лучше. Вот ордер Совета, — он повернулся к бессмертным, — вы готовы сейчас лететь?

— Мы всегда готовы, — улыбнулся Курганов, — мы приготовились уже двести лет тому назад ко всему этому.

— В таком случае не будем терять времени.

Он пошел наверх, за ним бессмертные и еще несколько человек из зала. По лесенке они поднялись в темное отверстие чечевицеобразного тела боевого эолана и очутились в узком помещении. Где-то за тонкими переборками жужжали и выли машины. Пахло озоном. Начальник эскадрильи провел их наверх в просторную кабину.

— Здесь вам придется пробыть некоторое время. Потом я познакомлю вас с данными мне инструкциями. Пока должен удалиться. Вот эолановый хоккок. Требуйте все, что вам надо.

Он поклонился и вышел.

Кабина, куда были отведены бессмертные, находилась в самой верхней части золана. Она имела несколько круглых окон с толстенными стеклами. Через них не видно было, что делается внизу. Широкий чечевицеобразный корпус аппарата оставлял в поле зрения лишь местности, лежащие немного ниже горизонта. Там, на окраине города, виднелась бесконечная цепь каких-то черных зубцов. Это были магнит-дредноуты, уже охватившие город и все теснее стягивавшие свое кольцо. За первой цепью далеко на горизонте виднелась вторая. На каждом дредноуте была выдвижная мегуроновая вышка. Теперь город был окружен непроницаемым лучевым заслоном. Всякий предмет, попавший в фокус этих лучей, подвергался молекулярной детонации. Происходило приблизительно то, что было бы, если бы направить на взрывчатое вещество струю пламени. Разница была в том, что каждое вещество в фокусе этих лучей становилось взрывчатым. Не подчинялись их действию только газы, а некоторые, именно инертные, были даже непроницаемы, поэтому, например, гелий, аргон и другие газы употреблялись обороной как экран для мегур-лучей, но это было технически трудно осуществимо и не всегда достигало цели. Сухопутные магнит-дредноуты, выстраиваясь цепью, создавали невидимую стену. Любой предмет, попавший в эту смертоносную полосу, мгновенно взрывался, обращаясь в пары. Случалось во время испытаний и маневров, что в поле действия мегур-лучей попадала птица, — короткий, глухой удар и облачко пара позволяли только заметить то место, где она влетела в «мертвую зону», как это называла в то время военная техника.

Из окон кабины видно было также несколько сот эоланов, темными дисками, как блины, повисших над городом. Все они держались на большой высоте. Эолан, на котором находились бессмертные, бесшумно и плавно поплыл вверх. Достигнув значительной высоты, слегка накренился и понесся навстречу все теснее сближившимся рядам магнит-дредноутов. Они ломились через окраины города и оставляли за собой разрушенными целые кварталы.

Приближалась ночь.

Люмион не горел. Дредноуты также не зажигали огней. Город постепенно погружался в мрак. Эолан все время брал высоту. Вскоре внизу уже ничего нельзя было разобрать. Бессмертные покинули окна и вспомнили, что сильно голодны. Им подали ужин.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Резкий толчок сбросил бессмертных с коеек. Они упали на пол. Эолан сильно качало. Несколько раз он почти перевертывался, и тогда бессмертные скатывались на стены. Не за что было ухватиться. Они, как мертвый груз, перекатывались из стороны в сторону.

— Берегите головы! — кричал Курганов, сам ударяясь то об одну, то о другую стену. — Держитесь за стол...

Люмион в кабине был погашен. Все происходило в совершенной темноте. Наконец, Биррусу кое-как удалось ухватиться за ножку стола. Остальные уцепились за него. Внезапно размахи эолана прекратились. Где-то под полом раздался мощный свист и рев. Весь корпус аппарата вибрировал и дрожал.

— Это выпускают аргон, — сказал Карст на ухо Курганову, — мы под мегур-лучами...

В окна виднелись далеко внизу какие-то огни. Они плавали. Некоторые внезапно гасли, другие вспыхивали. Глухой удар потряс воздух, за ним другой, третий, эолан опять толкнуло, и бессмертные свалились на пол. Вспышки взрывов были ослепительны. Эолан, казалось, замер в полной неподвижности. Бессмертные почувствовали тошноту и легкое головокружение. Они поняли, что эолан падает вниз. Курганов крепко схватил Карста за руку и хотел что-то сказать. Новый толчок в десятый раз заставил бессмертных упасть на стену кабины, ставшую теперь полом. Лилэнд больно ударила затылком о ручку двери, но за нее же ухватилась в надежде удержаться при следующем толчке. Эолан выравнивался медленно. Наконец, еще раз мягко и упруго дрогнув, перевалился на другую сторону и остался в таком положении. Вокруг была абсолютная, мертвая тишина. В окна глядел беспросветный мрак.

— Странно, как может эолан лететь так долго в таком положении? Он совсем повернут боком, — говорил Биррус, пробуя открыть дверь, — и почему сюда никто не идет?

Очевидно, дверь была заперта снаружи, так как усилия

Бирруса были безрезульятатны. Молча, неподвижно сидели бессмертные и ждали рассвета. Прошел час. Откуда-то из других частей эолана раздавались по временам удары. Они доносились глухо, как из-под земли. Карст пробовал кричать. Звук голоса получался сдавленный и, казалось, тут же замирал. Бессмертные в изнеможении улеглись на стене. Они не заметили, как заснули. Курганова внезапно разбудили звонкие удары в переборку и чей-то голос, доносившийся снизу. Во время сна Курганов перекатился и теперь лежал на самой двери. Открыв глаза, он увидел, что кабина ярко освещена люмионом, и почувствовал, как дверь приподнимается под ним. Он вскочил на ноги и потянул ручку к себе. Из нижней кабины, ставшей теперь чем-то вроде подполья, показалось бледное лицо начальника эскадрильи.

— Вы живы, целы?

— Да, кажется. А что с нами случилось?

Бессмертные все проснулись и помогли человеку в резине взобраться в кабину.

— Где мы, куда летим?

Начальник эскадрильи — его звали Лок — молча махнул рукой и опустился на край перевернутой койки. Через все его лицо шел свежий шрам. Кожа была разорвана. На черной резине куртки виднелись запекшиеся пятна крови.

— Куда летим? — переспросил он. — Никуда. Мы стоим на месте.

— Где?

— На глубине метров ста... на дне Каспийского моря.

Молчание длилось несколько минут.

— А потом? — спросил, наконец, Курганов.

Лок ничего не ответил. Он вынул платок и вытер с лица кровь. Платок стал совсем красный. Швырнув его в угол, он встал, сунул руки в карманы и облокотился о край стола.

— Мы встретили американские эскадры. На земных станциях энергия выключена. Все остановилось, поэтому и наши искатели не работали. Мы не могли определить положение вражеских эоланов. Они пустили флот по всем радиантам. На западе мы их встретили бы также, как и на востоке. Мы летели вслепую. Конечно, и они тоже...

— Куда же вы нас везли?

— У меня было задание от Совета отвезти вас к Байкалу, чтобы спрятать там в подводных камерах Ихтиона. Никому бы не пришло в голову, что вы там. Сейчас вся Европа в огне. Наши полетели в Америку. Там поголовное восстание... Да... Они оросили громадные силы, очевидно, хотели разом покончить и захватить вас. Мы их встретили над Кавказом. Я только тогда заметил, что врезался в их эолановые фланги, когда уже совсем был окружен. Они шли густой массой. Я хотел уйти вверх, но они заметили и стали выстраиваться для построения фокуса мегур-лучей... Пришлось прибегнуть к экрану. Мы выпустили весь аргон. Они гнались за нами. Они не жалели своих. Очевидно, имели инструкцию не пропускать сквозь себя ни одного эолана. Теперь мы мчались навстречу всем новым эскадрам... Мы были выше, но им удалось создать фокус впереди нас, и они взорвали несколько своих магнит-эоланов. Оставалось одно средство, к которому я и прибег: броситься вниз. Под нами было море. Мы задраили все отверстия. Я выключил мегуро-динамы почти у самой поверхности воды.

— Может ли мы теперь подняться?

— Нет, я пробовал. Эолан клином засел в дно... Мы ударились ребром, к несчастью. Нас здесь вместе с командой двенадцать человек, и пищи должно хватить на месяц, но...

— Воздух?

— Да. Его нам хватит самое большее на два дня.

Из двери-люка показалась голова матроса. Он серьезно и без удивления взглянул на бессмертных и сказал, обращаясь к Локу, что его просит капитан. Оба тотчас вышли.

Курганов рассмеялся.

— Слишком скоро, — сказал он, — я думал, что мы все-таки некоторое время покрутимся. Один день! Мы заперты в этой коробке, как сардинки. Это будет самая глупая смерть.

— А если направить фокус мегур-лучей в дно, под себя, и сделать маленький взрыв? Может быть, нас и оттолкнет, освободит?

— Возможно, если нижний край не исковеркан, и аппараты могут работать в ту сторону.

Снизу донеслись тревожные крики. Кто-то громче всех кричал:

- Скорее! Скорее! Скорее!.. Не эту, дайте поменьше!
- Ключ сюда!
- Вот этим можно...
- Держите!
- Бей!

Бессмертные почувствовали давление в ушах. Легкие распирало. У Курганова мелькнула тревожная догадка. Он сделал знак Карсту и Биррусу. Они быстро спустились в нижнюю кабину, там проползли еще через две двери и заглянули в самое нижнее помещение, раньше находившееся на краю золана. Здесь стены косо сходились к заостренному краю чечевицеобразного корпуса. Среди повернутых на бок машин отчаянно возилось несколько человек. Водяные брызги фонтаном выбивались откуда-то из-под их ног. Они почти по колено стояли в воде. Уровень ее быстро повышался. Наконец, один из них выпрямился и тяжелым ключом принял с плеча бить по концу толстого бронзового лома, упершегося куда-то в пол под водой. Струя, бившая кверху, ослабла, потом и вовсе исчезла. Бессмертные взглянули на работавших, потом друг на друга и заметили, что у всех лица посинели. Дышать стало еще труднее.

— Что у вас, течь? — спросил Курганов.

Лок поднял глаза.

— Да, этот край совсем смят. Прорвало.

Отверстие успели забить ломом, но ворвавшаяся под громадным давлением вода сильно сжала воздух. Все чувствовали себя очень скверно. Поднявшись снова наверх, Курганов и его спутники нашли Гету в обмороке, Лилэнд сидела в углу и глухо стонала. У Курганова сильно звенело в ушах, стучало в висках и перед глазами плыли зеленые круги.

— Потерпите еще немного, — раздался снизу голос Лока, — мы сейчас откачаем воздух.

Через несколько минут давление понизилось. Часть воздуха была перекачена в свободные теперь аргоновые баллоны. Заключенные имели даже «запас» воздуха. Но не было приспособлений для поглощения углекислоты. Впуск воз-

духа снова бы повысил давление. Вывести испорченный наружу не было возможности. Через несколько часов стало заметно душно. На обитателей эолана напала сонливость и безразличие к собственной судьбе. Все равно спасения не было. Так лучше уж поскорей... Но надежда, не покидающая людей в самых безвыходных положениях, все же заставляла их проделывать все, что могло бы продлить хоть на секунду существование, отдалить гибель.

Мегуранные батареи, питавшие люмион эолана, потребляли некоторое количество кислорода. Поэтому они были выключены, и кабины погрузились в полный мрак. Несмотря и лениво поев, все разбрелись терпеливо дожидаться смерти. Даже бессмертные не разговаривали, они лежали на полустанке своей кабины. В могильной тишине слышны были только удары собственного сердца. Курганову казалось, что он лежит в центре черной пустыни, границы ее расширяются, бегут все дальше, скорее... Протянув руку, он нашупывал грудь лежащего рядом Карста, и необъятное пространство сразу сокращалось. Но стоило ему убрать руку, и опять повторялось то же самое. Ему казалось, будто он видит даже темные горизонты этой пустыни.

Определить время можно было только по часам, но и то без уверенности, что нет ошибки в полусятки или более. Воздух делался все хуже, несмотря на большие размеры эолана; двенадцать человек быстро поглощали кислород. У всех дыхание ускорилось. Пульс стал чаще. Приближалась неминуемая жестокая смерть.

Один из команды сошел с ума. Его заперли в боковой кабине, и теперь тишину нарушал его непрекращающийся крик и вой.

— А... а... а!.. — раздавалось непрерывно целыми часами. Безумный кричал, как заведенная машина. Этот вопль тупым клином вколачивал каждому желание биться головой о стену с таким же животным исступлением.

Следующие двадцать четыре часа прошли так же безнадежно. Люмион давали редко. Сидящим во мраке казалось, что с момента падения прошел быть может, месяц, а может, — и год. Лок перебрался в кабину бессмертных. Они вше-

стером ожидали конца. Несколько раз Биррус принимался за настройку хоккоков, но аппараты, неприспособленные к воде, не работали. К концу второго дня Гета снова впала в забытье. Лилэнд, хотя и лежала с открытыми глазами и задавала иногда односложные вопросы, казалась близкой к потере сознания. Они, как бывшие женщины, оказались самыми слабыми.

«Первыми, вероятно, и умрут», — думал о них Курганов, лежа совсем обессиленный в углу кабины. Ему вспоминалась вся его жизнь, целые века работы, жертвы, которые были принесены, чтобы... глупо и жестоко погибнуть, едва успев произнести слово «бессмертие».

Может быть, он сделал громадную ошибку? «Если б мы разделились, — сверлила мысль, — на две хотя бы группы, риск погибнуть без пользы был бы все-таки меньше». Но ему приходили в голову соображения, почему он не должен и не имел права так поступить. Действительность, однако, указывала, что какая-то ошибка была допущена.

Перед глазами Курганова проходили старые и когда-то такие близкие фигуры Уокера, Лины, Гаро... Он вспомнил Ай и тот ясный, чистый взгляд, с которым она подала ему свой смертный билет. Она хотела «обмануть»! Где же то, во имя чего пренебрегли решением судьбы? Какая польза в гибели этого хорошего, маленького человека?

— Зачем вы сделали это?! — крикнул Курганов, во мраке ощупывая стену.

Необъятная пустыня сузилась, сократилась, и опять его сдавил панцирь стальной коробки.

— Что? — спросил Лок.

— Зачем вы убили Ай?! — настойчивее повторил Курганов, схватив Карста за руку.

Бессмертные молчали. Курганов почувствовал, как рука Карста слегка задрожала и ответила ему тихим пожатием.

— А... а... а... а!.. — доносился все глупше и тоскливее вой сумасшедшего.

Ночью со второго дня на третий, как определил Лок, Биррус, проснувшись, заметил странное явление: круглые

окна кабины немного выделились и мрака и мерцали зеленоватым светом. Он сейчас же разбудил Лока.

— Смотрите! Что это?

Они припали к окнам. Все водное пространство, окружающее эолан, было пронизано неровным мерцающим светом, источник которого, казалось, был где-то сбоку. В тот же момент послышалась возня и шаги в смежных помещениях эолана. Очевидно, команда тоже заметила этот свет. В потолке открылась дверь и кто-то громко крикнул:

— Проснитесь, Лок! Свет за бортом!

— Мы не спим. Расставь людей у всех окон. Пока я не скажу, не зажигать люмион и не давать никаких сигналов. Доносите мне.

— Что такое? — спросил, поднимаясь, Карст.

Курганов тоже проснулся, только Гета и Лилэнд лежали совсем безучастно. Неизвестно было даже, живы они или нет. Некоторое время все стояли у окон, стараясь проникнуть взором сквозь завесу мутно-зеленого тумана. Постепенно свет стал меркнуть. Несколько раз им показалось, что его закрывает тень. Вскоре опять вокруг был только черный мрак.

Отстранив с дороги Карста (тот от слабости не удержался на ногах и свалился), Лок приоткрыл нижнюю дверь и крикнул, чтобы дали свет.

Все помещения эолана ярко осветились. Снаружи должны были быть далеко видны ряды его круглых окон.

Прошло томительных полчаса. Заключенные не смели даже загадывать, что случилось. Пока все спокойно лежали, до тех пор не чувствовался так мучительно недостаток воздуха. Они попросту постепенно замирали и задыхались, теперь же, благодаря движению и волнению, дыхание у всех ускорилось, а воздуху не хватало. Все, бывшие еще в сознании, ясно почувствовали, насколько близка гибель. Еще один молодой паренек из команды помешался. Он не кричал. Сидя на полу в машинном отделении, он плакал, никого не узная. Он приходил в ужас, когда к нему кто-нибудь приближался. Более часа продержали свет люмиона. Иногда только закрывали, чтобы посмотреть, что делается кругом. Мрак по-прежнему окружал эолан.

Лилэнд лишилась чувств. Ее положили рядом с Гетой. Бессмертные молча сидели вокруг умирающих. Они ничем не могли помочь им. Люмиион погасили, и снова узники этой ужасной тюрьмы погрузились в то состояние, когда кажется, что нет ни времени, ни пространства, ни начала, ни конца беспросветному мраку и тишине. Сумасшедший больше не кричал. Может быть, он умер. Тем лучше. Одним дышащим меньше...

Прошло несколько часов. Курганов не спал. Он долгое время лежал и равнодушно наблюдал за тем, что происходило перед его глазами. Окна кабины снаружи ярко освещены, какая-то темная фигура мелькает за ними. Он слышит звонкие удары в обшивку, повторяющиеся в известном ритме, и какой-то ровный шум, как бы издаваемый паром, вырывающимся под давлением из узкого отверстия. Он осмысленное присмотрелся и прислушался и, наконец, в волнении сел.

— Лок! — крикнул он сдавленным голосом, — Лок, проснитесь!

Лок лежал рядом с Кургановым и тяжело хрипел. Курганов с силой потряс его за плечо. Он очнулся и, сразу нащупав в темноте ручку двери, закричал вниз в машинное отделение.

— Эй! Вставайте, дайте люмиион. Одну вспышку!

Никто не отвечал.

Лок хотел крикнуть громче, но не мог. Он со свистом, судорожно и сильно работал легкими, потом закашлялся, и изо рта хлынула теплая, липкая жидкость.

— У меня кровь, — сказал он хриплым шепотом, — не могу. Разбудите команду... Капитан в боковой... рядом с машинным...

Курганов едва стоял на ногах, удары крови в виски толкали всю голову. Тошнило. Ноги совсем ослабели. Он еще раз взглянул в окно: ничего не видно, кроме ярко освещенного водного тумана. Удары теперь раздавались сверху. Но туда заглянуть отсюда было невозможно. Спуск вниз в совершенной темноте был опасен. Он разбудил Карста и Бирруса. Последний тоже долго не мог очнуться и все силился

говорить вслух разные химические формулы. Наконец, и он пришел в себя. Карст, узнав в чем дело, заявил, что спустится сам. Попросил только ему помочь.

Надежда на спасение вселила в этих людей необычайную энергию. Сознание работало вспышками. После ясной, отчетливой мысли тотчас наступал провал памяти, и снова толчок, возвращающий рассудок. Дыхательный центр, раздраженный находящимся в воздухе избытком углекислоты, заставлял легкие работать втройне. Только по свистящему дыханию можно было заключить, что Гета и Лилэнд еще не умерли.

Карст долго не возвращался. Слышно было, как он где-то внизу, а потом сбоку ходил за переборкой. Что-то падало. Несколько раз доносились его окрики. Наконец, ко всему присоединились еще голоса, топот ног. Вслед за тем вспыхнул на секунду люмион. В этот короткий момент Курганов успел рассмотреть фигуры своих соседей. У бессмертных были совсем синие лица. Лок сидел, прислонясь к стене. Разорванная щека распухла. Все лицо отекло. Веки стали громадными и почти черными. Он быстро и отрывисто дышал, будто всхлипывая. Из углов рта малиновыми струйками сбегала кровь. Но все же он был в сознании.

— Скажите, чтобы расставили людей у окон и давали по временам свет, — сказал он почти шепотом. — Мне плохо, кажется...

Он не кончил и замолчал. Ощупав его, Курганов убедился, что тот потерял сознание. Он уже не сидел, а растянулся вдоль стены. В горле у него клокотало. Дыхание стало похоже на лай. Наклоняясь к нему, Курганов не удержался на ногах и упал, придавив Лока и больно стукнувшись локтем. Ему понадобилось несколько минут, чтобы подняться. Свет, проникавший в окна снаружи, позволял различать разбросанные по полу фигуры, благодаря косому положению съехавшие все к одной стене. Они были похожи на кучу старых тряпок, только головы бессмертных большими шарами выделялись в зеленоватом полумраке.

«Они похожи на тыквы, — подумал Курганов, — и если бы не хрипение... Нет, не то. Я хотел подумать, что мы не

доживем до подъема, я тоже скоро упаду»...

— Карст! — крикнул он сдавленным голосом, — Карст, дайте люмиона!

Через минуту эолан опять осветился. В нижней кабине раздался тревожный голос Карста. Лежа на полу, Курганов приподнял дверь и заглянул вниз. В противоположных дверях виднелась голова Карста. Он имел возбужденный вид и на посиневших, растрескавшихся губах выступила пена.

— Мы говорили с ними, — крикнул он, — они включили детонаторный телефон. Через десять часов придут подъемные машины, но я думаю...

— А кто они?

— Не знаю. Они не сказали. Мы не продержимся столько, поздно...

— Люмацион... выключи...

Голова Карста исчезла. Курганов ждал, но люмацион продолжал гореть. Окислительные процессы в батареях требовали кислорода. Это было весьма некстати. «Скоро ли он выключит? — думал Курганов с раздражением, — каждая минута дорога».

Карст, просунувшись в нижнюю дверь до половины туловища, долго и неподвижно смотрел в глаза Курганову совсем безумным взором. Видимо, он хотел что-то сказать, потому что на губах появлялись и лопались какие-то пузыри.

«И этот!» — с тягостным чувством подумал Курганов.

— В чем дело? — спросил Биррус, подползая к Курганову и тоже заглядывая вниз.

Карст сплюнул липкую слюну и хрипло сказал:

— Там все... умерли... на мегуро-динаме... вот...

Он протянул Курганову смятую бумажку. Биррус с помощью Курганова спустился вниз и, взяв из рук Карста записку, прочитал:

Без нас продержитесь десять часов. Бессмертным мало воздуха. Прощайте.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Адмирал Хортон был в бешенстве. Подъемный магнитный кран в каких-нибудь ста километрах был сбит союзным воланом. Приходилось доставать другой. Он с яростью хватил об пол принесший ему это известие хоккок.

«Они сами не знают, что делают! — думал он, похрустывая суставами пальцев. — Не хочется, но придется так сделать...»

Он быстро прошел в телеграфную кабину.

— Поставьте мегафон на союзную волну. Без шифра. Да, да.

Расставив ноги, он встал перед громадным жерлом мегафона и набрал в легкие воздуху.

— Бессмертные в наших руках. Они в опасности. Если не будут пропущены транспорты из Америки, они погибнут сами. А если союзные силы будут еще нас атаковывать, мы поставим бессмертных под мегур-лучи!..

Эту фразу он повторил раз десять.

— Каналы! — сквозь зубы цедил он, поднимаясь наверх.

— Теперь станут шелковыми. Ну, посмотрим.

Кругом море покрыто плавающими магнит-эоланами. Кольцами диаметром в несколько километров они охватывают место, где ведутся работы. Мегур-лучевые заслоны делают доступ сюда невозможным. Адмирал прохаживается по круглой площадке своего флагманского эолана и равнодушно посматривает, как высоко вверху взрываются птицы, влетающие в мегур-лучи. Ему приходит в голову вялая мысль, что это должно быть очень похоже на взрывы шрапнели, употреблявшейся когда-то в военном деле. Он замечает большое летящее наискось стадо пеликанов. Его лицо оживляется. Он дает приказание погасить лучи крайних колец, чтобы поближе наблюдать это зрелище. Ну, конечно, они летят прямо сюда. Вот, вот, сейчас... Штук двадцать толстых, жирных птиц одна за другой превращаются в ослепительно белые облачка, будто вырезанные из бумаги. Вслед за тем доносится ряд коротких ударов. Снова небо чисто. Солн-

це приветливо и весело блестит на полированных башнях эоланов. Рядом появляется длинная фигура капитана.

— Сэр, — говорит он, — надо думать, что в эолане все умерли. Они больше ничего не отвечают. Они погасили свет...

Адмирал поворачивается. Его лицо опять стало серьезным.

— Вы говорите, умерли? Но, может быть, они просто не желают с нами разговаривать? Это вполне естественно. Как вы думаете? А?

Капитан молчит. Он знает, что адмирал известен как человек большой храбрости, но в то же время слышит почти безумцем. Никто не может предугадать его поступки. Особенно неприятно то, что он крайне вспыльчив.

— Так что же вы молчите? Как же по-вашему, умерли они или нет?

— Я, право, не знаю, сэр...

— Я не сомневаюсь, что вы ничего не знаете! Приготовьте скафандр, я сам спущусь.

Спустя несколько минут стальная коробка с заключенным в ней адмиралом погружается и исчезает под поверхностью воды. Подъемными машинами служат сами эоланы. Один из них, соседний с адмиральским, поднимается с воды и висит в воздухе на небольшой высоте. Он соединен с водолазным аппаратом толстой кишкой, начиненной всяческими трубками и проводами. Адмирал Хортон долго не поднимается. Он тщательно исследует затонувший эолан. Нельзя ли до прибытия мегуро-магнитов попытаться поднять его на тросах? «Теперь, — думает он, — узнав, что бессмертные в наших руках, нас не будут тревожить». Он отдает команду снизу, и несколько раз его обносят кругом, поднимают, опускают. Сильным рефлектором осветив окно, он всматривается в кабину. На полу лежат люди. Действительно, они кажутся мертвыми. Он видит громадные головы бессмертных. Что за шары, думает он? Но они дышат. Он это хорошо заметил. Значит, еще живы. Проживут ли они эти восемь часов?

— Приготовьте тонкий тросе! — кричит он в телефон.

Поднявшись наверх, он объясняет, как, по его мнению,

можно попытаться охватить эолан тросами. Инженеры качают головами. Адмирал начинает посапывать, и ноздри его раздуваются.

— Не много будет толку, — говорит он раздраженно, без стеснения тыкая пальцем в лоб главного инженер-механика, — если вы по всем правилам поднимете к вечеру трупы. Поняли? Ступайте...

Инженер потер лоб и, сделав знак своим коллегам, вышел вместе с ними. Имеющийся в их распоряжении трос слишком слаб. Они были уверены, что он не выдержит, но приходилось повиноваться.

Спустя час весь затонувший эолан был опутан тонким медным тросом, многочисленные концы его над поверхностью воды собраны в жгут и прикреплены к днищу большого магнит-эолана. Он плавно и очень медленно пошел вверх. Жгут натянулся. Адмирал, стоя на площадке, командовал подъемом.

— Выше! Еще! — отрывисто бросал он. — Выше, я говорю!

Одна за другой лопаются в жгуте отдельные пряди, хлопая, как бичи. Тонкие губы адмирала сжимаются. Он вцепляется пальцами в перила и еще резче кричит:

— Полный ход вверх!

Как это ни странно, но Курганов дольше всех сохранил ясность сознания. Все лежали, не отзываясь и почти не подавая признаков жизни. Курганов оставил общую кабину и с большим трудом переполз в кабину управления. Он видел производившиеся вокруг работы и думал только об одном: как бы ему не потерять сознания до конца. Он не знал, кто их спасает. Предполагал, что враги, так как они, как сказал Карст, не ответили на вопрос, кто они. Он решил, если его предположения верны, не даваться в руки живыми. Было совершенно непонятно, как американцы могли узнать, что сбитый в море союзный эолан нес на себе бессмертных. Измена? Предательство? Или результат широко поставленного шпионства? Не время было думать об этом. Курганов си-

дел у доски управления. Под его руками были центры мозга того могучего и страшного организма, какой представлял собой боевой эолан. «Они думают вытащить карася, — мелькало в голове, — но как бы он не оказался крокодилом!»

Несмотря на близость смерти, ужасное состояние и вполне реально открывшуюся возможность спасения, Курганову ни разу не пришла мысль передаться в руки врагов. Такие заложники, как бессмертные, дали бы капиталу безграничные средства и сразу решили бы исход начавшейся борьбы.

Курганов понимал, что в чьих бы руках они ни находились, вряд ли кто решится подвергнуть их жизнь опасности.

«Первый момент безумия, — думал он, — прошел. Люди смыклись с мыслью о пришедшем в мир бессмертии. Они заняты только вопросом, кто им будет владеть. Им наша жизнь теперь дороже собственной, но... кто знает, что может сделать человек в минуту отчаяния и бессильной ярости. Слишком серьезные враги пришли в столкновение...

Мягкий толчок вывел его из задумчивости. Он понял, что это начало подъема. Он видел, что тросы слишком тонки и не выдержат тяжести. Но поднимающие торопились.

Натяжение тросов должно было, однако, облегчить вес засевшего в мягкое дно эолана и, если раньше он не мог подняться своими силами, то теперь имело смысл сделать попытку.

Курганов нажал рычаг, включающий отталкивательные магниты, и дал полный ход. Протяжным воем закричали мегуро-динамо, весь корпус эолана задрожал. Слышино было, как в соседних кабинах и где-то внизу что-то со звоном полетело на пол.

Это была последняя ставка. Курганов знал, что батареи на полной работе быстро поглотят остаток кислорода, но ничего другого не оставалось. Спустя секунду воздушный толчок ударил в уши и распер ему легкие.

«Течь! — промелькнуло в сознании. — Ворвалась вода!..»

С быстротой молнии сообразил, что это может зависеть от двух причин: или, благодаря вибрации и сотрясению корпуса эолана, выскоцил бронзовый лом, которым была забита дыра, и тогда — гибель, или... или эолан освободился и,

хотя открылись новые места, поврежденные при падении и ранее прижатые ко дну, но он успеет достигнуть поверхности, раньше чем...

Не успел он это подумать, как полетел кувырком. Доска управления, на которой он перед тем стоял на коленях, поднялась. Курганов навзничь растянулся, теперь уже на настоящем полу. Эолан перевернулся и принял нормальное положение. Несколько секунд прошло в полной неподвижности. Большие иллюминаторы кабинды управления посветились. Спустя секунду уже можно было осмотреться. А еще через момент в окна влился ослепительный белый свет яркого солнечного дня. Курганов не знал, что находится над ним наверху, но предполагал, что их поднимают при помощи сильного эолана. Раздумывать было некогда. Толчок повышенного воздушного давления лишил его остатков сил. Последним, отчаянным усилием воли он заставил себя еще на момент сохранить сознание и, взявшись двумя руками за ключи, почти падая, потянул их к себе, одновременно давая эолану боковой ход и открыв все воздушные клапаны.

Опьяняющая струя свежего воздуха ворвалась в кабину, обожгла легкие, и Курганов, схватившись руками за голову, без сознания упал на фарфоровый пол.

Союзные силы, кольцом охватившие то место, где происходили работы по подъему эолана с бессмертными, были свидетелями, а потом и участниками необыкновенных событий. Военные действия были прекращены. Эоланы, магнит-дреноуты и массы всевозможных вспомогательных орудий войны окружали на приличном расстоянии ту точку, которая теперь стала центром упований, надежд и устремлений всего человечества. Казалось, были даже забыты основные причины мирового столкновения. Кошмарный бой, начавшийся, было, под Восьмым Городом, прекратился. Все силы обе стороны бросили на берега Каспия. Они почти перемешались, но никто не думал о сражении. Правда, хоккоки кричали о грандиозных событиях в Америке. Известно было и то, что с Луны на Землю двинулась несметная масса

транспланетных снарядов. В последних сообщениях говорилось даже, что первые эскадры опустились где-то в пределах Союза, но мало кто обращал на все это внимание. Все ждали, какие вести будут с моря. Последняя безумная хоккограмма адмирала ХORTона связала руки союзникам, но и американцы не осмеливались ничего предпринимать, не доверяя врагу. В союзных кругах полагали, что угроза ХORTона останется угрозой. Он пойдет на что угодно, но не решится погубить бессмертных. Тем не менее приходилось быть осторожными и, скрепя сердце, ждать. Около полудня была получена от ХORTона странная депеша:

Очищайте воздушный путь на Север, погасите мегтур-лучи, наши эскадры идут за бессмертными.

Вслед за ней вторая:

Эолан бессмертных — высота двадцать метров, уничтожайте на северном берегу все высоты. Срок десять минут. Снять Астрахань. Летим тихим ходом.

Американские эскадры тучами поднялись и закрыли небо. Они мчались к северному побережью Каспия. Хоккограммы были неясны, но решено было без рассуждений исполнить требования ХORTона. Даже союзники помогали им в этом. Военные действия были забыты. Всех занимала только судьба бессмертных. Население Астрахани и прилегающих к ней городов поспешно бежало. Конечно, это удалось лишь ничтожному меньшинству. Когда вскоре после депеш ХORTона со стороны моря показались эскадры эоланов, на берегу двумя стенами сдвинулись ряды магнитдреноутов. Все военные силы, бывшие на этой территории, поспешно удалились. Трудно представить ту панику, которая охватила обреченный город, ввиду надвигающихся соединенных эскадр. На горизонте показались черные пятнышки. Это летели эоланы ХORTона. Те, кто остался на месте, могли наблюдать необычайное зрелище: внизу, под всей этой массой летательных машин, на высоте не более двад-

цати метров, несутся два эолана. Они очень близко один от другого, кажется, что задний нагоняет, что сейчас они столкнутся и полетят в воду. Но они не падают и не сталкиваются. С изумлением наблюдающие видят, что они связаны между собой целой сетью тонкого троса и так и летят, привязанные друг к другу. Становится понятным жестокий приказ адмирала. Очевидно, эти эоланы не могут ни остановиться, ни взять высоту. Вероятно, на одном из них бессмертные. Долетев до берега, они разбираются о первое возышение. Им надо очистить путь... Но для этого нужно сравнять с землей огромный город с многочисленным населением. Рассчитывать и думать было некогда. Эскадры, летящие впереди связанных воланов, должны очищать дорогу. Им предшествует в виде молниеносного смерча гибель и разрушение. Точно учитывая направление, они прокладывают коридор через западную окраину города. Как белый пар поезда, идущего низким лесом, впереди головного отряда несется неумолимая сила, все сметающая на своем пути. Громадные здания во мгновение ока обращаются в порошок. Землю срезает, как ножом. Тучи пыли и дыма уносятся, тут же образующимся ураганом, вперед. В эту новую улицу вторгаются эскадры. За ними, как во сне, несутся два связанных эолана. Адмирал Хортон летит над ними метрах в ста. Он уже исковеркал два хоккока, тщетно вызывая командира, поднимавшего эолан бессмертных и теперь летящего вместе с ним на одном тросе.

— Почему они не тянут его вверх?! — кричит он, чуть не выламывая себе пальцы. — Взорвать его мегур-лучами!

— Слишком близко, — отвечают ему, — пострадают бессмертные.

Пока летели над морем, эоланы несколько раз, по приказанию адмирала, подлетали и пробовали сцепиться с «эоланом бессмертных», как его стали называть, но безуспешно. Берег приближался с каждой секундой, и... адмирал послал свою отчаянную депешу.

Более ста километров неслись, все разрушая и очищая путь низко летящему эолану бессмертных. Два эолана, заплетев далеко вперед, тоже соединились тросом и поджида-

ли. Это были американские корабли. Союзный флот летел кругом, закрывая все небо. Магнит-дредноуты шли напролом в том же направлении. Все перемешалось. Наконец, километрах в двухстах к северу от полуразрушенной Астрахани, где было сравнительно ровное место, американским эоланам удалось изловить связанных между собой врагов. Эоланы подвели снизу тросы. Поднявшись вверх, зачали им за сеть, соединявшую оба волана. Таким образом, могли теперь, по крайней мере, подтянуть их вверх. Действительно, это им удалось. Но на второй сотне метров высоты тросы лопнули, и эоланы разделились. Теперь волан бессмертных летел один на высоте метров ста пятидесяти, другой стал отставать, снижаться и, наконец, взрыв землю, врезался в песчаную осыпь берега Волги. Очевидно, на нем было что-то неладно. Несколько эоланов, спустившихся к месту падения, нашли всю команду его мертвой. Но они умерли не от падения. Их лица были черны и почти обуглены. На внутренней обшивке корпуса видны были следы как бы от удара молний.

— Теперь понятно, — сказал один из осматривающих, — почему они не тащили его вверх... Это трупы. Но что их убило?

Американцы не догадались в чем дело. Да им и некогда было заниматься этим вопросом. Они бросили опрокинутый эолан и отправились вдогонку за остальными.

На деле произошло следующее: падая, Курганов случайно задел плечом рычаг мегур-лучевого аппарата. А так как фокус не был поставлен, то есть фокусное расстояние равнялось нулю, то, как и полагается, нигде взрыва не произошло, но на выступающих наружу конденсаторах образовался громадный заряд энергии. По медным тросам, соединявшим эолан бессмертных с поднимавшим его, заряд перекинулся на тот и разрядился. В результате там все мгновенно умерли от разрыва шаровой молнии. Лишь только эолан бессмертных освободился от своего спасителя, которого он так жестоко отблагодарил, и оказался на сравнительно безопасной высоте, как тотчас же окружавшие его перемешанные флоты стали разделяться и перестраиваться.

Эолан Хортона столкнулся с маленьkim мегур-истребителем своей же эскадры и отстал. Американские эскадрильи, видя, что эолан бессмертных прибавил скорость и уходит (значит, там есть кто-то живой, а, следовательно и опасный), не смея ставить его под лучи, поспешно уходили в стороны и старались спрятаться за союзными эоланами. Некоторые учитывали именно безопасность пребывания рядом с таинственным эоланом и летели в непосредственной от него близости. Среди них были корабли обеих сторон. Вся эта необозримая масса плоских, темных машин, как несметный рой брошенных кем-то медных монет, неслась к северу. Задача преследования затруднялась. Эолан бессмертных теперь мчался один. Его узнать можно было только по обрывкам троса, а это, конечно, могли видеть лишь летящие в непосредственной от него близости. Спустя несколько минут почти никто не знал, где находится эолан бессмертных. Руководствуясь хоккограммами нельзя было. Это был сплошной хаос противоречивых сведений и криков. Никто не начинал враждебных действий, боясь уничтожить бессмертных. Союзные и американские силы концентрировались каждая в отдельности, постепенно разделившись на две группы по бокам от предполагаемого местонахождения эолана бессмертных. Они ничего не могли сделать друг другу, даже если бы хотели. Командование каждой стороны рассчитывало, выделив свои силы из общего хаоса, созданного замешательством, оттеснить врага от эолана бессмертных. После беспорядочного, как могло казаться на первый взгляд, перестраивания, тучи эоланов разделились на две части. Как те, так и другие жаждали увидеть на свободном пространстве между ними таинственный эолан. Но... его не было. Каждая сторона мгновенно поняла, что с исчезновением бессмертных никто не удержится от боевых действий. Словно вихрь взмыл флотилии на страшную высоту. Они уже не мчались вперед, а, сохранив зловещую неподвижность строя, отвесно поднимались вверх. Эолана бессмертных нигде не было видно. Лишившись последних обрывков троса, он потерял лицо и в общей суматохе затерялся, как зерно в мешке, наполненном такими же зернами. Одно лишь могло с доста-

точной степенью вероятности предполагать союзное командование, что исчезнувший эолан присоединился не к американским эскадрам, а к своим. Теперь руки были развязаны. Враг понимал это.

Очнувшись, Лок долго не понимал, что произошло. Бесмысленно отдирая засохшие струпья со своей изуродованной щеки, он пристально всматривался в диковинные фигуры своих спутников и даже носком сапога пошевелил голову Карста. Продолжительный обморок лишил его памяти. Сознание возвращалось медленно и с трудом. Он припоминал события в том порядке, как они происходили. Он полетел из Москвы. Да. Ему вручили ордер из Совета... Восьмой Город... Бессмертные! Да, да, бессмертные! Эолан под водой! Он все вспомнил. Но почему же так светло? Откуда такой чистый воздух? Протяжно воют мегуро-динамы. Значит, они летят...

Ухватившись за край стола, Лок поднялся и, шатаясь, подошел к окну. Его глаза расширились. Он руками оттолкнулся от стены и, спотыкаясь, чуть не падая, побежал в кабину управления.

Курганов лежит ничком. Клапаны открыты. В кабину врывается свежая струя встречного ветра. Лок хватается за ключи. Еще раз осматривается кругом, до боли кусая нижнюю губу. Потом по лицу его проходит усмешка. Он отходит от доски управления и засовывает руки в карманы. Он знает, что делает.

«Не время, — думает он, — кругом враги. Нам очищают дорогу. Тем лучше...» Спокойно наблюдает он, как переди желтой пылью взлетают на воздух целые кварталы какого-то города. Черными фонтанами рассыпаются холмы и открывается широкая улица.

«Недурно встречают. Раньше, при триумфальном въезде героя в город разламывали только часть стены, а теперь...»

Лок — гений войны. Он весь — порождение современного, механизированного до крайности милитаризма. Мегурлучи, газы, атомические снаряды, магнитные волны, воп-

лощены в скромном маленьком человеке в черной резиновой одежде. Менее всего он производит впечатление героя, но он срасся со своими кошмарными машинами. Это он, когда придет время, со скромной улыбкой поставит целые города под мегур-лучи. Он бросит свой эолан на верную гибель, чтобы задержать врага на полминуты, и с тем же спокойным, невзрачным лицом умрет, не выпуская из рук рыча-гов и ключей.

Лок спокоен. У него рассеянный вид, но в то же время он зорко следит за всем, что кругом делается. Он ждет момента. Осмотрев аппараты и трос, соединяющий их эолан с вражеским, он начинает понимать, почему тот летит вслед за ними, как мертвый балласт.

«Короткое замыкание, хе-хе... Там трупы! Недурно...»

Несколько раз тревожно взглядывает он на лежащего Курганова и успевает заметить, что тот дышит. Пусть пока лежит. Ему некогда теперь этим заниматься.

Город остался позади. Они несутся над ровной местностью. Кругом закрывают все небо воздушные эскадры. Ближе остальных над ними летит, гонится большой эолан. Лок читает на днище: «U. S. A. ct-208». Не прикасаясь к рулям, Лок продолжает лететь в том направлении и на той высоте, какую случайно принял эолан,пущенный наобум Кургановым. Они летят на север. Это наиболее легкое направление полета для эоланов, пользующихся магнитной силой. Оно не требует лавирования и управления. Двигаясь в плоскости магнитного меридиана, они почти не расходуют энергии.

С удовольствием замечает он, что перемешанные эскадры все плотнее их окружают. Все ближе становятся несметные тучи таких же эоланов. Лок не мешает американцам подтягивать на тросе его эолан кверху. Только тогда, когда лопаются снасти, соединяющие их со спасшим эолан американцем, он решается прибавить ходу и слегка изменяет направление, отклоняясь к своим эскадрам. Соскальзывают последние обрывки троса, и эолан растворяется в общей массе союзных эоланов. Ни свои, ни враги не видят его и не знают, где он. Лок направляет эолан в сторону и вылетает

на свободное пространство за своими эскадрами. Он видит перестроение воздушных сил.

— Потеряли!

Но до поры до времени он не прикасается к хоккоку. По волне могут определить, рано... Он не решается один отделяться от своих эскадр и лететь прочь. Это может привлечь внимание. Наконец, настает момент, когда минута промедления может послужить причиной непоправимого несчастья. Эскадры сейчас вступят в бой. Бессмертные в опасности...

Лок поворачивается к рупору хоккока и, закрыв световую волну, ставит звуковую на шифр.

Восьмой эскадрилье отделяться и идти на Запад.
Ждать дальнейших приказаний.

Иванов.

Иванов — командующий Первой союзной эскадрой. Лок прибегает к обману. Он надеется, что Иванов здесь, что он поймет в чем дело. В тот же момент из общей массы союзных эскадр отделяется около сотни эоланов. Лок ловит момент и присоединяется к ним. Они успели уже отлететь в сторону километров на пять, когда сзади, среди темных роев эоланов, забегали зеленые молнии. Все нарастая, как рокот водопада, воздух всколебал грозный рев и своеобразный свист молекулярных взрывов.

Бессмертные спасены. Лок отходит от доски управления. Наклоняется над Кургановым. Тот лежит в прежней позе. Лок спускается в машинное отделение к цистернам за водой, но в дверях останавливается и долго смотрит на открывшееся зрелице. Он не поражен. Нет. Он только не понимает в чем дело. Он удивлен. Подойдя ближе, Лок внимательно рассматривает шесть трупов. Они все висят на вольфрамовой рубашке мегуро-динамо, плотно прижавшись к остриям. Он понимает, что это не смерть, а самоубийство. Тут и оба сумасшедших. Наверно, их перетащили силой... Пожав плечами, Лок наливает воду в алюминиевый цилиндр, попавший под руку, и снова отправляется к Курга-

нову. Наскоро осмотревшись, он видит, что все благополучно, и начинает приводить в чувство бессмертного. «Живы ли остальные?» — с беспокойством думает он.

Курганов быстро пришел в себя. Он сразу, только открыл глаза, осмысленно посмотрел кругом и спросил:

— Где мы?

— Мы в полной безопасности. Кругом нас свои. Мы летим на Запад.

С помощью Лока Курганов поднялся и подошел к окну. Кругом них со всех сторон неслись союзные эоланы. Несколько раз полной грудью вдохнув свежий воздух, он хотел, было, уже задать какой-то вопрос, но вспомнил о своих спутниках.

— Что с остальными?

— Не знаю, — губы Лока сжались, — мне не было времени заняться ими...

Все еще шатаясь, как пьяный, Курганов быстро вышел из кабины. Он нашел всех лежащими на полу в разных позах и почти без признаков жизни, только бледное лицо Карста подергивалось нервным тиком.

— Где у вас аптечка? — спросил Курганов в эолановый местный хоккок.

— Ящик под правой койкой, — голосом Лока ответил рупор.

Найдя нужное, Курганов принялся за оживление своих друзей. Карст первый открыл глаза. Несколько дольше провозились они, теперь уже вдвоем, с Гетой. Впрыскиванием в кровь сильнодействующих средств удалось вернуть ее к жизни. Очнувшись, она долго никого не узнавала. Сознание возвращалось к ней медленно, вместе с силами.

Пока занимались Гетой, Курганов несколько раз бросал тревожные взгляды на лица неподвижно лежащих Бирруса и Лилэнд. Есть нечто, резко отличающее живого человека от мертвеца. Опытный глаз редко обманывается. В особенности обратили на себя внимание Курганова совсем засохшие, слипшиеся губы и искошенный взгляд полуоткрытых глаз. Еще войдя в кабину, он сразу заметил это. Не смея верить ужасной истине, принял сначала за Гету и Карста.

Он хотел отдалить неминуемый момент, когда тревожное подозрение выльется в форму непоправимого, страшного факта.

Когда дошла очередь до Лилэнд и Бирруса, Курганов значительно взглянул Карсту в глаза, выпрямился и, кивнув головой в сторону лежащих, тихо сказал:

— Сердце...

Карст понял. Наклонившись, он расстегнул у Лилэнд застежку на груди и приложил ухо. Долго слушал, потом перешел к Биррусу. Встал с ничего не выражавшим, слегка потемневшим лицом. Спустя минуту встретился глазами с холодным взором Курганова. Курганов тоже понял. Отворачиваясь к окну, Карст раздельно произнес два слова, будто с удивлением прислушиваясь к звуку собственного голоса:

— Бессмертные... умерли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Идти было очень неудобно. Железные полосы, каждая метров до двадцати длиной и с полметра высотой, тесны-ми рядами на необозримое пространство покрывают пустыню. Их направление — с севера на юг, по меридиану, а Карсту, как назло, надо идти поперек. На горизонте блестят купола магнитных вышек.

— Черт с ними совсем! — ворчит он, прыгая с одной полосы на другую. — Немного бы поуже промежутки...

Пот льет с него ручьями. Он без шапки. Чтобы не умереть под палящими лучами, он обмотал себе голову каким-то подобием чалмы, сделанной из собственной куртки.

— Пить!

Он знает, что вода есть там, где люди, а люди вон в тех сияющих на горизонте башнях.

«Дойду ли?» — копошится в мозгу.

Солнце стоит в зените, и живописная фигура Карста не дает тени. Кругом раскинулась необъятная Сахара. Ах, какой она кажется большой для того, кто идет пешком! Карст почти совсем выбился из сил. А башни на горизонте как были, так и остались далекими, блестящими точками.

«Счастье еще, — думает он, — что здесь не песок», — и опять в тысячный раз берет злобная досада, что приходится идти поперек направления железных полос. Как бы он бежал на север или на юг!

Действительно, промежутки между полосами представляют великолепные дорожки, сделанные из массы, напоминающей целлулоидовый бетон. Поперек же двигаться крайне неудобно: расстояния между полосами слишком велики, чтобы можно было скакать с одной на другую; идти мучитель но; приходится страшно задирать ноги.

Проходит час. Карст все еще без отдыха карабкается через проклятые заграждения. Жажда гонит его, не дает остановиться. Магнитные вышки стали быстро увеличиваться.

Он уже ясно видит на них темные, круглые отверстия. Остановившись, прислушивается: густое жужжание низкого

тона несется оттуда. Эти башни, бесконечной линией уходящие к горизонту, живы. Они дрожат и поют. Они наполнены энергией и движением.

Не жалея сил, Карст ускоряет свои прыжки. Он начнет думать и соображать лишь тогда, когда выпьет до дна весь водоем, который там окажется!

Добравшись, наконец, до башни, Карст долго и безрезультатно ходит вокруг нее, кричит и бьет кулаками в никелированные бронзовые стены. Башня трясется, гудит и воет. Он понимает, что его крики и удары никем не могут быть услышаны. Они гораздо бесполезнее, чем «глас вопиющего в пустыне», потому что в пустыне все-таки тихо, а здесь шум и грохот... Карст, выбившись из сил, хотел, было, в отчаянии прислониться к стене, но раскаленный на солнце металл был горяч, как плита.

«Даже это здесь невозможно», — с горечью подумал он, хватаясь за обожженную щеку. Туманным взором он осмотрелся кругом. До каждой из соседних башен было, по меньшей мере, километров десять. Идти туда вовсе не прельщало. Карст понял, что ему все равно не дойти. И что там ожидало его? То же, что здесь! Кругом валялись засохшие куски бетона, оставшиеся после постройки фундамента башни. Карст вооружился ими и, отойдя несколько в сторону, принялся швырять в отверстия нижних окон. Ему пришлось много потрудиться, пока, наконец, первый кусок влетел в окно и исчез внутри. Вслед затем в соседнем отверстии показалась чья-то голова. Карст уловил удивленный взгляд. Он хотел закричать, но смотревший спрятался. Спустя минуту у основания башни поднялся в пазах один из щитов облицовки, и оттуда вышло трое людей. Карст кинулся им на встречу.

— Не бойтесь меня! Я потом все расскажу, дайте воды!..

Люди молчат и пятятся при его приближении. Карст останавливается. «Действительно, — думает он, — можно себе представить, насколько необычен и страшен мой вид. Но что же я могу сделать!»

Откинув назад рукав своей куртки-чалмы, Карст садится перед открытым входом на землю.

— Я умру у вас под дверьми, если вы не дадите мне пить... Потом можете удивляться и поражаться сколько угодно, но дайте воды!

Он говорит не то, что хочет. Откуда-то, будто из живота, подступает раздражение и злоба. Ему кажется несносным и то, что приходится почти кричать. Этот назойливый шум еще более увеличивает жажду.

Люди пошептались между собой. Наконец, один из них выступил немного вперед.

— Вы, пожалуйста, не сердитесь. Ваша внешность... Но, конечно, мы сделаем все, что можем, — он оглянулся на своих товарищей, — мы просим вас зайти в башню. Здесь на солнце нельзя...

Карст быстро двинулся к двери. Страх этих людей стал казаться ему забавным. Он даже засмеялся, видя, как они чуть не застряли в дверях, разом бросившись внутрь при его приближении.

— Не бойтесь! — хотел он сказать, но крикнул хрипло и громко:

— Воды!

В башне было прохладно. Хотя шум машин еще настойчивее и победоноснее сотрясал воздух, но здесь дул освежающий ветерок и глаз отдохнул после несносного блеска и света.

— Много сразу нельзя, — говорит один из башенных жителей, подавая Карсту маленький сосуд с розовой жидкостью. Карст сам знает, что нельзя; но что бы он дал за еще один такой стаканчик!

Старший из обитателей башни отвел Карста в прохладную комнату, помог ему раздеться и умыться, принес пищи и еще немного питья и, молча указав на кровать, удалился.

Предельная физическая усталость и истощение совершенно подчинили себе все существо Карста. Воспоминания об удивительных и страшных событиях последних дней не вызывали ничего, кроме желания уснуть. Поев, Карст подошел к маленькому хоккоку, прикрепленному к стене. Повозившись некоторое время с настройкой и вызовами, он ничего не добился и, махнув рукой, решительно направился к кро-

вати.

Он проснулся ночью. Бледно горел люмион. Эта комната находилась в подземной части башни. Гул машин был не так резок. Он походил на звук, издаваемый мегуро-динамами эоланов. Карст не сразу сообразил, где находится. Он хотел, было, уже повернуться на другой бок и снова заснуть, но стал раздумывать, — куда же он летит. И тут же моментально все вспомнил. Физически он вполне отдохнул. Только ноги еще немного болели от неудобной ходьбы. Рядом на стуле он нашел приготовленное новое платье. Одевшись, Карст поднялся наверх. Старший из трех обитателей станции встретился ему на лестнице.

— А я шел к вам. Как отдохнули?

— Прекрасно.

Они стояли и молча смотрели друг другу в глаза. Потом человек решительно подошел к Карсту вплотную и взял его за руку. Он был заметно взволнован, но, видимо, старался это скрыть.

— Скажите, вы... бессмертный?

— Да, — просто ответил Карст и, чтобы не смущать собеседника своим тяжелым взглядом, отворачиваясь в сторону, добавил:

— Я вам все расскажу, — может быть, вы мне чем-нибудь поможете.

Они отправляются наверх в просторный кабинет. Два других обитателя станции сидят у стола, уставленного кушаньями и напитками. При входе Карста они встают и не без робости кланяются. Они знакомятся. Все трое оказываютсядежурными рабочими. Каждый имеет звание инженера мегуроэлектрика. На их обязанности лежит наблюдение и уход за силовой магнитной станцией. Они здесь недавно. Через месяц прилетит смена.

Карст старается найти подходящий тон для беседы с этими людьми. По всему видно, что чувствуют они себя крайне неловко и напряженно. Садясь за стол, Карст сказал:

— Расскажите все, что вам известно. Потом и я расскажу о себе.

Карст принял еду. Старший прошелся несколько раз

по кабинету. Наконец, сев в большое кресло, опустил голову на руки и начал:

— За эти дни мы не видели ни одного человека. Раньше по линии два раза в день пролетал эолан, непрерывно работал хоккок. Теперь мы совершенно отрезаны от всего мира. Хоккограммы получали несколько раз, но сведения отрывочны и несвязны. Сначала мы получили известие, что явились бессмертные, никто больше не будет умирать... но это вам вероятно, известно?

— Да, конечно. Продолжайте.

— Потом, сразу же опровержение. Ни тот, ни другой из говоривших не закончил своей речи. У нас создалось впечатление, что у аппарата, подававшего эти сведения, происходила борьба.

Рабочий понизил голос, как бы стесняясь, и продолжал:

— Если бы представлялась какая-нибудь возможность, мы тотчас покинули бы свою башню и отправились в Восьмой Город, но, — он засмеялся, — не могли же мы бежать по магнитам пустыни! До вечера ждали мы эолана. Он так и не прилетел. Вскоре после этого странного сообщения начался ураган и буря, каких мы здесь не видали.

— А землетрясение у вас было?

— Нет, не было, только ужасный ветер. Наша башня едва выдержала напор. Это здесь продолжалось не более трех часов. Потом все быстро стихло. Мы ходили пешком к соседней Северной башне. Там никого не оказалось, и машины были остановлены. Вероятно, дежурные все же ушли. Мы ходили вдвоем вот с ним, — рассказчик кивком головы указал на одного из своих товарищей, — возвращались уже поздно и видели несметное число эоланов. Они на большой высоте летели по курсу, приблизительно, на Пиренеи. По меньшей мере, час они летели густыми массами. Я, пожалуй, затруднился бы определить их количество... С тех пор мы питаемся только теми отрывочными сведениями, какие нам иногда приносит хоккок. В сообщениях описывалась внешность бессмертных. Мы себе так вас и представляли. Потом мы узнали, что бессмертные покинули Восьмой Город вместе с союзной эскадрой. Но и это было тотчас же оп-

ровергнуто. Кто-то определенно заявил, что они остались там и готовятся к защите. Наконец, Восьмой Город перестал давать сообщения. Стали поступать путаные известия из разных мест. Кричали о бое наших магнит-дредноутов с американскими эоланами под Восьмым Городом, о прибытии каких-то сил с Луны, даже о гибели бессмертных. Следующие два дня хоккок вызывал только один раз. Сообщалось что-то о крупных событиях в Америке, но мы не могли понять, в чем там именно дело. Незадолго до нашего прихода мы узнали, что бессмертные от чего-то спасены, но исчезли бесследно. Это сообщение было прервано другим: о вмешательстве жителей Луны, селенитов, и гибели американских воздушных эскадр где-то в устьи Енисея. Вот все, что нам известно. Вероятно силовые установки не работают, потому что хоккок почти все время молчит.

Во время этого рассказа Карст успел выпить целый кувшин прекрасного прохладительного напитка, не забыв также и о еде.

— Я — один из бессмертных, — сказал он, отодвигаясь от стола, — я потерял своих товарищей при тяжелых и грустных обстоятельствах. Двое из них живы, но я не знаю, где они находятся. Мне надо во что бы то ни стало найти их.

Карст вкратце рассказал о своих бедственных приключениях. Башенные жители молча и внимательно слушали.

— Вы здесь, в пустыне, не можете себе представить, что творится в населенных местах. Это, пожалуй, единственное место на земном шаре, где так спокойно. О вас все забыли. И долго, наверно, не вспомнят. Кстати, велик ли здесь запас пищи?

— Для троих, приблизительно, на год.

— Значит, можете пока сидеть и ни о чем не заботиться. Завидная судьба!

Карст на минуту задумался, потер лоб и рассказал о злоключениях на эолане, который всю ночь летел на юг.

— Командир эолана хотел доставить нас в безопасное место. Что из этого вышло! На борту у нас было восемь трупов: шесть из команды и два бессмертных. В живых оставалось четверо. Мы были крайне истощены и слабы. Один бес-

смертный, она раньше была женщиной, — не участвовал в работе и управлении. Она почти помешалась. Мы втроем посменно дежурили в кабине управления. Курганов, — так зовут старшего бессмертного, — обязательно хотел похоронить трупы. Для этого надо было спуститься на землю. Командир эолана уговаривал его просто выбросить их за борт, но тот настоял на своем. В совершенном мраке мы опустились в безлюдном на вид месте у северных берегов Средиземного моря, недалеко от Италона. Не решаясь давать свет, мы в темноте принялись за работу. Надо было выкопать порядочную яму, что без инструментов представляло трудную задачу. Часа через два яма была готова. Начинался рассвет, и рядом в долине раздавались какие-то подозрительные звуки. Мы сначала думали, что это шумит водопад, но когда звук внезапно прекратился, поняли свою оплошность. Трупы были уже в яме. Оставалось только засыпать их землей... Представьте себе внезапный ослепительный свет. Нас окружало совсем не то, что мы предполагали. Темная масса, принятая нами за холм, оказалась большим магнит-дредноутом, до половины засевшим в болото. Он выбросил на большую высоту шар люмиона, и вокруг стало светло, как днем. Со стороны нашего эолана к нам приближались какие-то люди в круглых шапочках. Видно было, что они торопились, но подвигались вперед очень медленно. Движения их были ленивы. Мы раньше не заметили ничего подозрительного. Вероятно, наше внимание и осторожность были так же плохи, как и физическое состояние. Мы сразу поняли, что это — жители луны — селениты. Никто не знал еще, зачем они явились на Землю и какова их позиция в настоящей борьбе. Можно было предполагать, что они пойдут за Союзом. Влияние Штатов на Луне за последнее время сильно ослабело, но... в тот момент было не до политических соображений. Мы понимали только одно: нас хотят поймать. У могилы нас было трое. Большой бессмертный оставался в эолане. В поисках мягкого грунта мы удалились от него метров на сто. Соображать некогда было. Курганов толкнул меня в спину: «Беги!» Мы помчались навстречу толпе селенитов. Они шли с пустыми руками. Я успел сообразить, что,

может быть, удастся разбросать их. Они физически очень слабы. Я ясно видел, что другая кучка маленьких фигурок возится около нашего эолана. Не оглядываясь назад, я врезался в самую середину приближавшейся толпы и принялся прочищать путь. Они не устрашились моего необыкновенного вида. Я сразу оказался буквально облеплен ими. Но они едва стояли на ногах и, раз упавши, долго не могли подняться. Курганов и командир эолана пробивались в нескольких шагах позади меня. Их оттесняли в сторону, но я не мог возвращаться назад. Вся эта борьба происходила в полном молчании. Мне удалось продвинуться почти на половину пути, когда внезапно стало быстро темнеть: люмион угасал. Селениты оставили меня и врассыпную бросились к магнит-дреноуту. На нем выдвинулись мегур-лучевые башни. Я взглянул наверх: в последних отблесках люмиона виднелось несколько парящих эоланов. По конструкции сразу видно было, что это американцы. С последней вспышкой люмиона я домчался до нашего эолана. «Курганов! — крикнул я. — Сюда!» В этот момент люмион погас. Наступил беспрозрачный мрак. Я стоял в нерешительности у открытого люка. Силы меня совсем покидали, но меня заставил взять себя в руки издалека донесшийся крик Курганова: «Карст, улей! Я тебе это приказываю!» Я мог только перевеситься животом через край люка и как мешок свалился в кабину. Добравшись до доски управления, я еще нашел в себе силы нажать рычаг хода и лишился чувств...

Карст умолк. В открытое окно ласково мерцали звезды.

— Дальше все произошло очень просто, — подходя к окну, снова заговорил Карст. — Я пришел в себя уже утром, когда летел над магнитами пустыни. Другого бессмертного в эолане не оказалось... А потом... потом я влетел в мертвую магнитную линию, и мой эолан спустился. Он продолжал еще долго скользить по железным полосам, как по рельсам. Пришлось прыгать.

— Что же с ним случилось потом?

— Не знаю. Он умчался на юг.

— Возможно, селениты ничего худого не сделали вашим друзьям, — заметил один из рабочих, — они открыто высту-

ступили против Штатов, но...

— Да, но непонятно их поведение у могилы. Они лезли на нас, как сумасшедшие. Только благодаря их крайней физической слабости мне удалось прорваться к волану.

— Скажите, пожалуйста, вот вы про одного из бессмертных сказали: «Она раньше была женщиной». Что это значит? Разве она стала теперь мужчиной?

Карст прошелся по кабинету.

— Нет, она не стала мужчиной, но и женщиной ее называть нельзя. Мы — бессмертные — бесполы. Сейчас каждому из нас около двухсот пятидесяти лет. Пола мы лишились вместе со смертностью. Я тоже когда-то был мужчиной, таким же, как и вы. Сейчас плохо помню это состояние.

Собеседники Карста встали. Они заявили, что должны идти к машинам. Напряженное выражение их лиц выдавало замешательство и подавленность. Карст не удерживал их. Оставшись один, он принял тщательно обдумывать свое положение. Что делать? Как найти Курганова и Гету? Не может же он оставаться в этой башне до того времени, пока все успокоится! Нервно подойдя к хоккоку, Карст поставил на условную волну. «А вдруг, — думал он, — на счастье, свяжемся. Заглушают не все время. Башенные сторожа получали же сообщения...»

— А-40-96...

Хоккок молчал. Раз десять Карст повторил вызов. Был момент, когда ему показалось, что доносятся какие-то голоса. Они покрылись сухим треском рупора, и хоккок снова замер.

— Сбиваю... — Карст со злостью отошел к окну.

Хоккок был установлен на условной, шифровой волне бессмертных. Карст надеялся получить вызов. «Не может быть, — думал он, — чтобы Курганов не вызвал меня, если в состоянии это сделать».

Пускаемые кем-то сильные мегуро-волны делали невозможной работу хоккоков. Приходилось ждать временного затишья, когда аппараты оживали. Трудно было надеяться, чтобы вызов совпал с моментом затишья.

Прошел час. Хозяев башни все не было. Они исчезли где-

то в лабиринтах верхних трансформаторных отделений.

Карст вздрогнул от резкого звонка хоккока. Вокруг рупора загорелись условным шифром разноцветные лампочки.

«На этой волне могут вызывать только меня!» — мелькнуло в голове Карста.

— Это Курганов? — крикнул он в рупор.

— Нет, Гета. Сейчас опять заглушат. Говори скорее, где ты и что с тобой?

— Я опустился на магниты пустыни и пешком дошел до ближайшей силовой башни... Это Восточная Сахара.

— Номер!

Карст не знал номера башни. Надо было скорее узнать.

— Сейчас скажу!

Он кинулся наверх. В самых дверях столкнулся с одним из башенных сторожей. Он чуть не сбил его с ног.

— Скорее. Номер вашей башни!

— Шестая линия. Номер сорок второй...

Карст громко повторил номер в рупор и взволнованно спросил:

— Гета, ты слышишь меня?

Хоккок ничего не отвечал. Лампочки погасли. Слышася только характерный треск сбивающей волны. Отойдя к столу, Карст сел и опустил голову на руки. Рассыпалася ли Гета номер башни? В тот момент лампочки горели, и связь не была нарушена. Она только не успела ответить... Бессмертные живы. Можно думать, с ними ничего плохого не случилось!

— Что с вами? — к Карсту подошел дежурный и с тревожным лицом остановился рядом.

— Со мной говорили бессмертные на нашей волне. Очевидно, они не в таких плохих обстоятельствах, как я предполагал.

— Вы им сообщили свое местонахождение?

— Да. Я думаю, что был услышен.

Рабочий помолчал.

— Теперь за вами прилетят.

Карст сам об этом думал. Неужели так быстро удалось выпутаться из беды? За двести лет он научился ничему не удивляться и почти ничему не верить. И теперь не был очень

уверен в благополучном исходе и не чувствовал себя спокойным. Его больше занимал исход начавшейся борьбы, охватившей обе планеты и вовлекшей в схватку все человечество. Первый же порыв этого вихря унес в могилу двух бессмертных. В этой громадной игре, ничто не может быть предугадано, но он не мог не учитывать, что судьбы человечества тесно связаны с судьбой бессмертных.

«Нас осталось только трое. Что будет завтра?»

Карст спать не хотел и не мог. Он бродил по лабиринту коридоров и отделений башни, наблюдая за работой сложных машин, собиравших магнитную силу с необозримых пространств пустыни. Три человека справлялись с могучими установками, посыпавшими миллионы лошадиных сил.

Под утро Карст, утомленный, усился в кресло в кабинете и не заметил, как заснул. Его разбудил чей-то голос и толчок в плечо. Яркое солнце врывалось в открытое окно. Больно было смотреть на блестящие магниты, до горизонтов покрывавшие пустыню.

— Что случилось? — Карст вскочил и всмотрелся в лицо разбудившего его старшего башенного дежурного.

— Прилетел военный мегур-истребитель с севера. Он кружится над башней на высоте и не опускается...

Карст подошел к хоккоку.

— Вы переставляли волну?

— Да. Мы хотели вызвать соседнюю башню, но она молчит.

Не успел Карст поставить волну на условное А-40-96, как тотчас же услышал голос Геты. Сбивающая волна не мешала на таком близком расстоянии.

— Это Карст? Почему так долго не отвечаешь? Я на мегур-истребителе. Это ваша башня внизу?

— Да, да. Вы над нами. Опускайся скорее! Я сейчас выйду.

Карст выбежал из кабинета и спустился вниз по двору. Башенные жители, напуганные появлением ужасного истребителя, следовали за Карстом, но остановились в дверях и молча наблюдали. Мегур-истребитель имел вид маленького дирижабля. Длина его достигала всего метров десяти. Металлический панцирь его блестел на солнце, как чешуя рыбы.

Заслонив рукой глаза от яркого света, Карст, не обращая внимания на палящие лучи, следил за движениями маленько-го воздушного хищника. Мегур-истребитель медленно опускался по отвесной линии. Из маленькой серебряной рыбки он превратился в страшного вида чудовище. Конденсаторы мегур-лучевого аппарата были поразительно похожи на гла-за. Горе тому, кто встречался с этим бездушным взглядом! Наконец, истребитель плотно лег на площадку перед башней. Верхний люк его открылся. Оттуда высунулась голова Геты.

— Ну вот, наконец, — сказала она, выбинаясь через уз-кое отверстие люка, — ты цел и невредим?

Из того же люка на площадку вышло три маленьких че-ловека. Они принялись ходить вокруг своей машины, разми-ная ноги и потягиваясь. Карст сразу узнал в них селенитов. Они ходили особой походкой, слегка волоча ноги и очень медленно. Очевидно, им трудно было приспособиться к боль-шой силе веса. Лунные эмигранты уже в третьем и четвер-том поколениях сильно измельчали. Вся их организация приспособилась к условиям своей планеты, мускулатура ос-лабела, скелет стал тоньше. Они вообще напоминали детей.

Карст бросился навстречу Гете.

— Где Курганов?

— Он сейчас в Италоне у селенитов. Все обошлось бла-гополучно. Они на стороне Союза...

— Бой был?

— Да. В Ледовитом океане...

— Нет, там у могилы?

— Какой же это бой! Селениты их сразу уничтожили. Они сожгли восемнадцать эоланов со своего магнит-дред-ноута. Представь, он оказался в болоте у самой могилы. Как вы не заметили?

— Я потом видел его. Что же делается на свете? Мы здесь ничего не знаем.

Гета покачала головой.

— Сейчас все так перепуталось, что никто ничего не знает. Есть слухи, что часть американских воздушных сил верну-лась обратно. Были сообщения о восстаниях в округе Чика-го. Город и область будто бы в руках повстанцев. Достовер-

ногого ничего нет. Хоккоки молчат. Все время идет заглушающая волна. В Европе хаос, паника, все остановилось. Воздушные города легли и рассыпались. Люмион не горит. Сообщение прекратилось. За эти дни все вернулось почти к первобытному состоянию...

Карст пощупал себе темя.

— Пойдем в башню. Здесь, на солнце, нельзя оставаться!

— Через пять минут летим! — крикнула Гета селенитам.

Те тоже не рисковали долго оставаться под открытым небом и направились к истребителю. Один за другим они скрылись в темном отверстии люка. Башенные наблюдатели молча расступились, пропуская в двери бессмертных. Через несколько минут они очнутся от того сказочного сна, который ослепительной явью блеснул на ровном фоне их однообразной, трудовой жизни.

«А как же мы? — беспокоилась тревожная мысль, — о нас все забыли и не вспомнят!»

Им страстно хотелось лететь вместе с бессмертными туда, где кипит жизнь и борьба, где над бешеными схватками последнего жестокого боя витает великая идея человеческого бессмертия. Всему злу и страданиям, в которых, как в колыбели, росло человеческое общество, сейчас, вот в эту минуту, предъявляется грозный счет. Одним мощным ударом заканчивается первая эра развития и открывается новый путь, только в безумно смелых снах и мечтах кем-то и когда-то предвиденный. Их, скромных сторожей силовой башни, одноко живущих на магнитных полях пустыни, слепой случай вовлек в этот кипящий фонтан. Их коснулся на своем пути сверкающий и гремящий метеор, ослепил, оглушил.

Карсту было понятно их состояние. Рассказав Гете в двух словах свои приключения, он обратился к ним:

— Мы сейчас улетим, но не приходите в отчаяние. Работайте, Союз победит. Так должно быть. Это случится скорее, чем вы думаете. А потом... мы, бессмертные, будем ждать вас на Праздник Жизни.

Три смертных человека едва нашли в себе силы молча склонить головы. Карст дружески с ними распрощался и поблагодарил за радушный прием.

— Пора, — сказала Гета.

Спустя несколько минут три человека стояли на верхней площадке башни и молча смотрели, как растворяется и тает в бездонном, голубом небе блестящая серебряная рыбка. Она уносила на себе мечту, в которой до сих пор ни один из тех, кто живет и дышит, не находил в себе силы признаться.

Когда уже ничего не стало видно, младший из троих сделал движение, как будто хотел что-то сказать, но потом махнул рукой и, отвернувшись к стене, горько заплакал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Курганов серьезен и спокоен.

— Ты через час вылетишь в Америку. Это — риск. Сидеть, сложа руки, — риск еще больший. За эти дни мы технически отстали на сотни лет. Плохую службу сослужила чрезмерная централизация силовой подачи. Прекращение работы и наблюдения и разрушение немногих установок свело почти на нет все технические достижения и возможности. Ударило это и по военной организации. Мы слепы и глухи. Даже хоккок перестал служить. Приходится применяться к обстоятельствам. Я имею сведения, что вся Америка охвачена восстанием. Они пока держатся крепко, но им нужен вождь. Их надо сплотить вокруг одного центра. Они сами не в состоянии создать стойкой организации. Дело может погибнуть. Чикаго — центр и главная база восставших. Они окружены. Их уже начинают душить. Ты полетишь туда вместе с несколькими эскадрами. Вы должны прорвать блокаду и соединиться с восставшими. Одного твоего присутствия будет достаточно, чтобы дать колossalный толчок развитию событий. Это будет опасная ставка, но, я думаю, лучше вызвать искусственно отчаянное столкновение, взрыв и одним ударом решить судьбу. В этом случае больше шансов на успех. На нашей стороне будет колossalный подъем духа. Твое появление произведет взрыв и заставит каждого проявить крайнюю степень напряжения сил. Пролетариат Америки слабо подготовлен. Его легко могут обмануть, провести. Они не в состоянии разобраться в сложных политических и экономических вопросах. Они отстали... Твое появление даст им понятную, реальную идею, за которую они будут бороться. В этом случае компромисс невозможен. Борьба будет доведена до конца — там, как и здесь. Эта последняя схватка не должна кончиться миром. Кто-нибудь вовсе сойдет со сцены. Не забывай, что и капитал будет бороться до последней возможности. Для него это вопрос — быть или не быть. Война еще только начинается. Пробившись в Чикаго, ты открыто объявишь о своем там присут-

ствии. Штаты, конечно, отсюда отзовут часть сил, но завтра с Луны прилетит еще несколько транспортов. Я их брошу тебе на помощь. Придется действовать самостоятельно. Мы с Гетой останемся здесь. Пока никто не знает, где мы, но это не худо. Начальником всех сил будет Лок. Он поправился и принял командование. Это лучший командир, какого можно пожелать. Сейчас бой ограничен двумя очагами: Восточная Европа и Северная Америка. Все силы сконцентрированы на сравнительно небольшом пространстве. Это крайне стесняет обе стороны. Мы не можем развернуть сил. Пока происходят только маленькие столкновения, все же чрезвычайно значительные по своим последствиям, не для воюющих и участвующих в боях сил, а для тех технических сооружений, которые при этом страдают. В старину говорили: «Лес рубят — щепки летят». Теперь под этими щепками может быть погребена вся культура, на многие десятилетия похоронены достижения последних поколений. Прошло всего несколько дней, как началась война, и лицо Земли уже изменилось. Мы падаем в пропасть. Война не может продолжаться еще более недели. Иначе останутся в живых только те, кто сидит за броней эоланов, магнит-дредноутов, — одним словом, кто воюет. Массы должны будут погибнуть от всеобщей разрухи. Существование теперь слишком зависит от состояния мировой техники и промышленности. Довольно того, что не работает транспорт и остановились панитовые заводы... Мы с Гетой пока будем сидеть тихо. Пусть думают, что ты один остался в живых. Тем решительнее будет вокруг тебя свалка. Америка станет центром всеобщего внимания. Это именно и нужно.

Карст хорошо понимал всю ответственность и риск предприятия. Вся его бесконечно долгая жизнь была подготовлением к великому делу. Настал час, когда бессмертные должны перестать думать о завтрашнем дне и отдать себя настоящему. Он рисковал жизнью? Но ведь оставались еще Курганов и Гета...

— Чикагский очаг, — продолжал Курганов, — охвачен заслонами, но и в распоряжении восставших имеются громадные силы. Вам придется прорвать блокаду. Ты пустишь

селенитов вперед. Они обладают одним средством, здесь еще неизвестным. Оно должно решить бой. Будь мудр и осторожен...

Здесь, в Италоне, Карст пробыл не более двух часов. Времени терять нельзя было. Его ожидали воздушные эскадры. Только команда маленького эолана, на котором он вместе с Локом должен был лететь, была посвящена в дело. Никто больше не знал, что с экспедиционным отрядом в Америку летит бессмертный. С ним отправлялась такая внушительная сила, что можно было не очень опасаться за перелет. Все же были приняты меры предосторожности: по бокам, сзади и спереди летели сильные отряды истребителей.

Курганов и Гета не провожали Карста. Они все время находились на борту большого сухопутного магнит- дредноута, охраняемого селенитами. В их руках находился весь Италон. Селениты стянули сюда все силы. Вся Европа была покрыта такими своеобразными крепостями. Только вместо стен и ворот они закрывались мегур-лучевыми заслонами и, таким образом, отгораживались от всего остального мира. Только отсутствие связи затрудняло действия. Никто не знал, где Главный Союзный Штаб, что делается в Москве, Лондоне и больших номерных городах. Эта война, несмотря на чрезвычайно высоко поставленную технику, принимала характер партизанских действий. Техника сама себя парализовала. Решительные столкновения только еще ожидались. Хаос и смятение охватили целые страны. Никто, даже сами воюющие, не знал, что кругом делается. Никакого фронта не было. Внешне война происходила по самому древнему образцу: сталкивались отдельные массы. И, действительно, исход одного боя мог решить всю кампанию. В то же время человек обладал такими возможностями, хотя и далеко не военного значения, что мог легко привести к непоправимой катастрофе. А можно ли было поручиться, что гибнущий хищник, уходя со сцены, не воспользуется некоторыми возможностями и не увлечет за собой в пропасть всех, кого может? Надо покончить с ним раньше, чем он успеет сделать это. Потому Курганов и торопился. Карсту не пришлось даже сходить на могилу Бирруса и Лилэнд и тех, кто самоотвер-

женной гибелью спас ему жизнь. Наскоро попрощавшись с бессмертными, он в сопровождении Лока отправился к своему эолану. Сначала пустили первый отряд, потом боковые. Только когда те отдалились километров на сто, поднялись главные силы. Перелет до Чикаго должен был занять часа два. Их мог задержать только океанский флот, но Лок надеялся на новое орудие войны, которое собирались использовать селениты. Оно не было еще испытано в настоящих боях.

Легели довольно низко и на предельной скорости. Карст наблюдал в нижнее окно. Им приходилось выбирать путь через места, не занятые ни своими, ни американскими военными силами. Особенно поражала пустота воздуха и неподвижность на поверхности земли. Куда могли деваться сонмы людей и всевозможных аппаратов, которые недавно еще по всем направлениям пересекали воздух, землю и воду?

«Какая же это война? — думал Карст. — Везде пусто, тихо и скучно. Все попряталось, ушло куда-то в щели».

Но эта мертвая неподвижность была значительнее всяких иных внешних проявлений наступившей грозы.

Война вызвала острую необходимость в работе сложных силовых установок и связанных с ними производств, но, несмотря на крайнее напряжение сил, Союз не мог справиться с этой задачей. Все органы государства настолько друг от друга зависели, что выпадение функции одного из них влекло за собой гибель других. Какие ни принимались меры для охраны крупных центров, цель не достигалась. Говоря старым языком, на всякую броню находился свой снаряд.

Карст чувствовал все большую тревогу. Пока в ходу еще только газы и мегур-лучи, но если пустят в ход все средства...

Карст поежился и отошел от окна. Кроме него и Лока, на борту эолана находилось человек пять селенитов. Они плохо себя чувствовали на этой большой планете.

— Тяжело здесь, — жаловался вяло один из них, военный техник, зевая и потягиваясь, — скорей бы кончить все, и домой!

Благополучно совершив перелет над материком, вскоре

достигли океана. Необъятная Атлантика не представляла теперь трудноодолимого пространства. Эоланы развивали колоссальную скорость. Но нужна была осмотрительность, чтобы не попасть в ловушку. Военно-морская техника создала неисчислимое множество таких средств, с которыми даже могучие флотилии эоланов не могли не считаться. Напрасно тревожный взор стал бы искать каких-либо пловучих сооружений. Человек спрятался сам и скрывал свои орудия истребления. Страшная опасность таилась там, где ничто не возмущало поверхность торя. Здесь были сосредоточены мертвые машины. Человек издалека, не рискуя собой, управлял и распоряжался этими могучими силами. По крайней мере, должен был управлять. На самом деле в этот момент он лишен был этой возможности. Сбивающая волна в равной мере вносила разлад в действиях как союзных, так и американских сил. Никто не знал, кто ее пускает. Каждый приписывал это врагу. Вся картина войны приняла совершенно иной характер, нежели можно было предполагать. Благодаря бездействию почти всех аппаратов, построенных на принципе действия на расстоянии при помощи разного рода волн, в этой войне, как и раньше, так или иначе приходилось сталкиваться вооруженным людям. Почти не происходило сражений между машинами. Но так как вся военная техника была построена, главным образом, на принципе действия на расстоянии, то получилось несколько странное положение вещей. Если бы за несколько веков до этого европейские армии во время войны обнаружили, что все взрывчатые вещества перестали взрываться (в патронах, снарядах, бомбах — не порох, а просто песок), война все-таки продолжалась бы. Но многие орудия получили бы совсем иное назначение: винтовка превратилась бы в обыкновенную дубину, сразу оказалась бы ненужной артиллерия; броненосцы в бою стали бы сцепляться на абордаж, с аэропланов оказалось бы гораздо целесообразнее сбрасывать камни и т. п.

Настоящее положение воюющих сторон напоминало такой случай. Все-таки союзная экспедиционная эскадра окружила себя несколькими эскадрильями эоланов, на которых

не было ни одного человека. Они управлялись наблюдателями, летевшими с главными силами. Конечно, приходилось не выпускать их из виду, чтобы свои батареи могли пересилить заглушающую волну. Это была жалкая игра по сравнению с тем, что должно было быть, потому что в распоряжении летевших имелись все средства вести бой на расстоянии сотен километров и руководить сражением машин. Единственным утешением было то, что враг так же слеп и глух. Опасность от того, однако, не уменьшалась. Приблизительно на половине пути между обоими материками головной отряд обнаружил присутствие в океане заслонительных сооружений. Чувствительные аппараты уловили присутствие под водой каких-то металлических масс.

Вскоре главные силы заметили на горизонте повисший неподвижно под облаками головной отряд. Немного впереди его — машинный. Не долетая километра, главные силы тоже остановились. Под ними расстипалась волнующаяся поверхность океана. Ни одного предмета не видно было на всем необозримом пространстве, но впереди им заграждала путь невидимая стена мегур-лучевого заслона. Эоланы селенитов сгруппировались в виде полукруга.

— Сейчас они пустят в ход свое новое средство, — тихо сказал Лок, стоя возле Карста у переднего окна.

Впереди на поверхности моря мгновенно появился правильной формы черный шар. На глаз он казался метров ста в поперечнике. Наблюдавшие едва успели его увидеть, как вслед за тем на большом пространстве вокруг шара поверхность воды поднялась на воздух желтой пылью. На месте черного шара образовалось нечто колоссальное и похожее по своей форме на гриб с рваными, бахромчатыми краями. Звука взрыва не было слышно. Донесся только своеобразный визжащий вой, подобный скрипку металла по стеклу. Воздушный толчок сильно тряхнул эоланы.

Когда Карст, поднявшись снова на ноги, взглянул вниз, их эолан да и вся эскадра оказалась значительно снизившейся. Это ему показалось странным. Взрыв должен был создать обратный толчок воздуха, а их рвануло прямо к тому месту, где, казалось, взорвался черный шар. Теперь на мес-

те этого своеобразного взрыва клубились только высокие, беспорядочные волны.

Эскадры двинулись дальше.

Карст отошел от окна, сел и вопросительно взглянул на Лока. Тот стоял, слегка сдвинув брови, и потирал рукой засохший шрам на своей щеке. Селениты, улыбаясь, смотрели на них. Лок тоже усмехнулся.

— Скоро мы подойдем к берегам Америки, — сказал он, — я считаюсь начальником всех экспедиционных сил, но до сих пор не знаю, что это за штука. — Он указал рукой назад, на то место, над которым только что останавливались.

Медленно, волоча ноги, к нему подошел селенит — военный техник.

— Мы берегли это как сюрприз. Нам интересно, как вы — военные специалисты Земли — оцените этот номер. То, что вы видели, действительно можно назвать взрывом. Только это, так сказать, обратный взрыв. Целая эра военной техники была основана на принципе взрыва и его разрушительного действия. Это давно оставлено, но мы возродили его в несколько ином виде. Как вам известно, действие взрыва основано на мгновенном возникновении больших объемов какого-либо газа, обычно, раскаленного. Поэтому техника взрывчатых веществ стремилась создавать такие твердые или жидкые тела, которые при своем разложении давали бы наибольшее количество газообразных продуктов и притом, чтобы этот процесс занимал как можно меньше времени. Атомические взрывы были последней степенью достижений в этой области. Мы пошли по совсем иному пути. Мы прибегли к доказательству от противного. При нашем взрыве не твердое тело обращается в газы, а газ превращается в твердое тело. Мы здесь широко применили метаморфоз элементов. Основой или, вернее, исходным материалом для такого взрыва в первую очередь служат газы, потом жидкости и даже некоторые твердые тела. Наши установки похожи на мегур-лучевые, но в фокусе мы создаем «поле метаморфоза». Элементы воздуха, например, расщепляются и образуют окончательный продукт сущения материи, чаще всего свинец. Этот металл повисает в виде тон-

чайшой молекулярной пыли. Все пространство, ранее занятое воздухом, становится пустым, так как объем получившегося металла ничтожно мал. Очевидно, граница этой пустоты и не вовлеченного в процесс воздуха, поглощая все световые лучи, и создает тот эффект, который мы наблюдаем в виде черного шара. Окружающая материя устремляется к этому центру. И здесь играет роль не только атмосферное давление, но и какие-то вихревые движения, вроде космических, вызывающие индуктивный атомный распад, а частью и превращение вещества. Достаточно создать такой черный шар где-нибудь в центре воздушной эскадры, и все эоланы, вообще отдельные боевые единицы, неудержимо и молниеносно будут привлечены к этой точке и сплющатся в одну компактную массу. В этом громадное преимущество перед мегур-лучами, фокус которых надо наводить на каждый отдельный предмет. Мы были километрах в трех от места взрыва, но и то нас дернуло в ту сторону. Мы снизились на полкилометра.

— Можно представить себе, — заметил Лок, — что будет, если сделать шар среди города или в толпе народа...

Селениты улыбались.

Карст ожил духом. Теперь он верил в победу. Конечно, у американцев тоже могут оказаться сюрпризы, но вряд ли что-нибудь устоит перед этими черными шарами.

— Скажите, как вы это называете?

— Шар всегда черный, поэтому мы назвали это «негроном».

— Вы можете производить эти негроновые шары любой величины и мощности?

— Конечно, смотря по надобности.

Лок кусал свои тонкие губы.

— Что же произошло, по-вашему, с подводными сооружениями?

— Их перевернуло и исковеркало, а больше, пожалуй, ничего и не надо.

— На этом эолане есть негроновые установки?

— Конечно.

— В таком случае научите меня, как обращаться с ними.

Я сам хочу участвовать в бою и руководить негроновой атакой.

Лок вместе с селенитами ушел в кабину управления. Карст почувствовал голод и, пройдя к себе, принялся за консервы. Несколько времени спустя головной отряд донес, что показались берега американского материка. До Чикаго предстоял еще большой перелет над сушей. Здесь на каждом шагу можно было ожидать неприятельских действий. Океанский перелет прошел благополучно. Им на пути не встретилось больше никаких заслонов. Эскадры перестроились. Эолан, на котором летели Карст и Лок, следовал непосредственно за головным отрядом. Лок сидел у негронового аппарата, не выпуская из рук ключей. Ему страшно хотелось поскорее насладиться ощущением такой кошмарной силы.

Берег приближался. Головной отряд был уже над сушей. Его никто не остановил. Он полетел дальше. В этом месте берега был сплошной город. Уже простым глазом можно было разглядеть тонкие, кружевом вознесшиеся к небу постройки, но воздушных этажей не было. Они уведены или просто упали, и город казался ниже, чем должен был быть на самом деле.

Эскадра взяла высоту. В бездонной пропасти внизу проплыли береговые предместья. Все везде неподвижно. Ни одного эолана не видно в воздухе.

«Что это значит? — думал Карст, — неужели они все силы стянули в Чикаго?»

В этот момент на горизонте, в головном отряде, блеснуло несколько (несмотря на дневной свет) ярких молний и поплыли облачка зеленого дыма. Хоккок тотчас известил об атаке.

— Мегур-атака! — пронеслось по эскадре.

В сильный бинокль Карст рассмотрел далеко впереди, там, где кончался город, ряды темных зубцов одинаковой формы. Они образовали нечто вроде гребня. Не успел он подумать, что это американские магнит-дреноуты, как сбоку показались три воздушные вражеские эскадры. Они летели наперерез, но значительно ниже союзных сил. Карст перешел в кабину к Локу. Глаза Лока блестели. Он слегка по-

сапывал носом. Только в такие моменты он по-настоящему жил. Селениты сидели у мегур-лучевых, газовых и других аппаратов, впившись глазами в приближавшегося неприятеля. Лок хотел отдать еще одно приказание по эскадре, но хоккок перестал работать.

— Глушат! Да, ладно, и себя тоже. Справимся...

При отправлении были отданы настолько подробные диспозиции на каждый возможный случай, что нарушение связи не должно было отозваться на действиях эскадры. Все знали, что надо делать. Головной отряд и часть главных сил занялись магнит-дредноутами. Командный эолан и другая часть эскадры обратились к воздушному врагу. Американцы, завидя союзный флот, принялись поспешно перестраиваться для мегур-атаки и обороны. Благодаря низкой облачности и сбивающей волне, оба вражеских флота очутились на довольно близком расстоянии один от другого.

Американцы могли успеть начать первые. Селениты тревожно взглянули на Лока. Он, припав глазами к окулярам автоматического искателя, быстро настроил ключи, еще раз скользнув взглядом по циферблатам, нажал рукоятку с символическим черным шариком. Черной молнией блеснул огромный шар, приблизительно, в центре между тремя еще не успевшими перестроиться и рассыпаться эскадрами. Несколько сот больших американских эоланов со скоростью снарядов метнулись в эту точку. Пространство, ранее усеянное массой предметов, сразу очистилось. На месте негронового шара возник тоже черный, и огромных размеров воздушный остров, состоящий из сплющенных и исковерканных машин. Карст видел, как с земли поднялись тучи мелких предметов. Остатки эскадры, не вовлеченные негроновым шаром, продолжали нестись навстречу союзной флотилии. Очевидно, там не было никого живого. Полученный ими толчок исковеркал несчастных. Они разбились о стены своих машин.

Была уничтожена вся эскадра. Ком сбитых в кучу эоланов рухнул на землю, оставив в воздухе столб пыли. А несущиеся по всем направлениям эоланы, с мертвцами вместо команды, были один за другим взорваны мегур-лучами.

Хуже обстояло дело в головном отряде. Магнит-дредноуты успели взять в мегур-лучи несколько десятков союзных эоланов. Только быстро растаявшие в воздухе зеленые дымки указывали место их гибели. Магнит-дредноуты были развернуты широким фронтом. Каждый из них представлял огромную массу металла. Одного негронового шара было бы недостаточно для полного их уничтожения. Карст видел, как средние их ряды, подобно льдинам во время ледохода, когда случается затор, громоздились целой горой. Но остальные надвинули стену лучевого заслона, жгли, и союзные силы не могли успеть их уничтожить.

Как пущенные по ветру кружочки конфетти, рассыпались союзные флотилии в стороны, образовав фронт, встречный фронту дредноутов. Лок слегка побледнел и ниже наклонился над негроновым аппаратом. Эоланы быстро меняли направление. Все падали и метались по кабине, если решались оставаться непривязанными. Теперь никто не жалел себя. Весь фронт союзных сил открыл негроновую атаку. По всей линии магнит-дредноутов покатились черные шары. Предметы, попадавшие между двумя такими шарами, разрывались на части. Полетели дома, кучи земли, деревья. Выплеснулась из берегов протекавшая неподалеку речка. Все это вместе с тучами пыли погребло под собой линию магнитного флота. На его месте образовался громадный вал. Он прошел по гладкой пустынной местности. Все, что находилось на поверхности земли на расстоянии километра от полосы негроновой атаки, было очищено, брошено на эту черту.

Воздушный вихрь вовлек и союзные эоланы. Вместе с налетевшим ураганом они бросились вперед, но, не успев поравняться с местом гибели магнитного флота, встретили обратный вихрь. Пришлось брать высоту. Внизу на глазах смотревших образовались смерчи и помчались вдоль по нагроможденному валу. Очевидно, здесь встретились две воздушные волны.

Путь был свободен. Союзные эскадры снова построились в боевой порядок и двинулись дальше. Вскоре показались обширные предместья округа Вашингтон. Вероятно, аме-

риканцы по проводам сообщали вперед о грозном наступлении. Нигде не было заметно никаких признаков военных сооружений. Здесь все было так же мертвое, как в Европе, и так же нигде не видно было людей. Так муравьи с наступлением холодов уходят в подземные помещения своего муравейника.

Внизу быстро проплывали зеленые пространства. Среди озер и холмов тут и там виднелись дворцы и виллы. Это были *Potis-Place* — «господские места», но и здесь не было заметно признаков жизни. Господа бежали отсюда в укрепленные центры и окружили себя всеми смертоносными средствами обороны и нападения. Подлетая к зеленым пространствам, союзные эскадры ожидали встретить задержку, заслоны, и приготовились к бою, но передний машинный отряд прошел благополучно, за ним головной и главные силы. Вскоре *Potis-Place* остались позади.

Приближался округ гиганта Чикаго. Сейчас, возможно, решится не только судьба экспедиции, но и определится весь дальнейший ход мирового боя. Если правда, что город и область в руках восставших, то скоро уже должны показаться охватившие всю эту территорию вражеские заслоны. На этой границе летящие ожидали встретить стянутыми все силы капитала. Это был последний очаг, где пламя восстания еще не удалось потушить. В других местах целые территории со всем населением были выжжены, взорваны. Только пустые, черные пространства обозначали те промышленные, рабочие центры, где трудящиеся делали попытки сбросить вековое ярмо рабства.

Дальше так лететь было опасно. Эскадры перестроились прямым, развернутым фронтом и, покрыв небо от горизонта до горизонта бесконечной цепью, как темные бусы, медленно двинулись вперед. Командный эолан летел недалеко от центра. Он не мог поддерживать связи со своей эскадрой и встал в ряд, как линейная боевая единица.

Внизу пустые, черные пространства, как огромные пожарища, тянулись на целые десятки километров. Очевидно, здесь происходил бой. Эти территории были заняты восставшими, оттесненными теперь к центру города. Широкая

полоса отступления показывала скорость стягивания мертвого кольца вокруг восставшей области. Как было известно, здесь бои начались только два дня назад.

«Значит, восставшие, — думал Карст, пристегивая себя ремнями к стене в кабине управления, — не могут сдержать натиска. Наступающие до тех пор будут стягивать это кольцо, пока не сойдутся в центре и не оставят позади себя на месте всей области выжженную, черную пустыню».

На горизонте показалась характерного вида зубчатая стена фронта магнит-дредноутов. Дальше ничего не было видно. Хаос облаков пыли, зеленого дыма и каких-то рваных, серых ключьев вздымался непроглядной стеной. Иногда сквозь прорывы обрисовывались неясные, темные массы, высочайшие постройки и густые леса тонких, ажурных мачт. Несмотря на большое расстояние, оттуда доносился грохот и рев.

Головной отряд, летевший всего в полукилометре впереди фронта эоланов, внезапно блеснул зеленою вспышкой и исчез. Он влетел в «мертвую зону». Толчком взрыва союзные эскадры подбросило вверх. Они сразу остановились. Повиснув в воздухе ломаной линией, весь фронт одновременно открыл негроновую атаку.

Карст взглянул на руку Лока, — короткими, судорожными движениями он быстро, раз за разом, нажимал черный шарик ключа.

— Довольно, — заметил один из селенитов, — израсходуете...

Отсюда не было видно действия атаки. Там, как казалось, медленно и неудержимо вздымалась черная, клубящаяся волна. Ее зеленоватый край быстро вращался, как вал поднимающегося театрального занавеса.

— Слишком высоко, — прошептал Карст, но волна продолжала расти, непроницаемым, черным валом охватывая осажденную область.

Селенит, управлявший эоланом, дал полный задний ход, чтобы удержаться против хлынувшей воздушной волны. Все были плотно привязаны к своим местам. Никто не разబился о стены сделавшего громадный размах эолана. В воздухе появились грозовые облака и сразу закрыли солнце.

Стало пасмурно. Резкими порывами рванул ветер и загремел гром.

Неизвестно, что было впереди. Не решаясь туда лететь, союзные эскадры разделились на две части и двинулись в стороны вдоль фронта. Непрерывно засыпая черными негроновыми шарами кольцо осады, охватившее восставшую область, они вскоре замкнули круг и снова встретились на западной границе. Этот день, казалось, никогда не кончится. Эскадры вылетели около полудня из Европы и все время двигались на запад. Поэтому казалось, что солнце остановилось.

Соединившись, эскадры отлетели несколько в сторону и опустились на гладкую поверхность полосы отступления. Надо было переждать, пока пройдет ураган, вызванный негроновой атакой.

Здесь, вне кольца, тоже дул страшной силы ветер, но эоланы, благодаря своей чечевицеобразной форме и большому весу, лежали, плотно прижавшись к земле, и были в полной безопасности.

Часть черной пустыни, занятая севшой эскадрой, была похожа на поле, покрытое массой огромных черепах. Ветер не находил здесь точки опоры. Только тучи пыли неслись по направлению к Чикаго. Локу удалось вступить в связь с командирами соседних отрядов. Оказалось, что многие эоланы израсходовали весь запас энергии, питавшей негроновые аппараты. Пополнить ее здесь было невозможно, поэтому такие эоланы выделили в отдельный отряд. Кроме того, под мегур-лучами погибло несколько десятков истребителей и линейных эоланов, в том числе весь машинный отряд. Таким образом, силы экспедиционной эскадры значительно уменьшились. Эта победа досталась не даром.

Карст вместе с селенитами прогуливался вблизи эолана, разминая ноги, и думал о том, что делается на Востоке. Если там тоже применяют негрон, то можно думать, что война скоро кончится. Как ни велики силы капитала, но и он не выдержит такой игры. Впрочем, может быть, у него в запасе найдется что-нибудь вроде этого... Без негрона неиз-

вестно, какая участь постигла бы здесь союзные силы. А теперь что будет дальше?

Ветер стихал. Небо снова прояснилось, и выглянуло солнце.

— Летим на Чикаго! — крикнул Лок, высовываясь из люка эолана. Он не думал отдыхать.

Спустя минуту эскадра самым тихим ходом подвигалась к городу. Пыль и дым были уже развеяны ветром. Только колоссальный вал всяких обломков и исковерканных сооружений, как крепостная стена, окружал осажденную область. Это все, что осталось от смертоносных сил, замыкавших блокаду. Дальше с высоты был хорошо виден город-колосс. Он был цел, этот очаг, зародыш грядущих новых времен.

Навстречу союзным эскадрам из города летел эолан. Он остановился в воздухе и, казалось, поджидал, когда с ним поравняется головной отряд. Эскадра медленно приблизилась. Если бы работал хоккок, можно было бы переговорить с этим на вид парламентером, но пришлось поступить иначе. Лок направил свой эолан прямо к вылетевшему из города и остановился в непосредственной близости. На чикагском эолане открылся верхний люк. Оттуда до половины высунулся какой-то сухой человек.

Карст тоже открыл окно. В это время союзная эскадра окружила место встречи и тоже остановилась.

— Вы с Востока? — крикнул человек.

— Да, это союзная эскадра. Здесь рабочие Востока и селениты.

Сухой человек откинул со лба назад свои густые волосы.

— Так это правда? Я делегат от Штаба Восставших. Если б не вы... Летим в город. Скорее... Как мы вас ждали!..

— С нами один бессмертный! — крикнул Лок.

Чикагский представитель дико на него взглянул, потом, ни слова не говоря, захлопнул крышку люка и, пустив эолан со скоростью метеора, скрылся в стороне города.

Эскадры двинулись вслед за ним.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Было уже за полночь, когда кто-то сильно постучал в дверь кабину.

Гета спала. Она не сразу проснулась. Стук повторился сильнее.

— Кто там?

— Это я. Открой, Гета.

Эта фраза вызвала причудливый ход мыслей, и Гете мгновенно припомнился случай, как двести лет назад Курганов так же постучал в дверь комнаты, где жила она с Линой на Балтийской станции. Он собирался тогда лететь в Берлин...

Курганов вошел и сел у стола. В кабине было совершенно темно. Гета хотела открыть люмион. Курганов попросил этого не делать. Просидев так в темноте минут пять, он коротко и равнодушно сказал:

— Карст умер.

Гета молчала. Она сидела, забравшись с ногами на свою койку, и не пошевелилась.

— Сейчас прилетел из Америки эолан, — продолжал Курганов, — и привез сообщения. За эти три дня там погибла почти половина населения. Наши эскадры не успевали везде уничтожать врага. Капитал все силы направил против Чикаго. Он не стеснялся даже присутствием там бессмертного. Он понимал, что все равно ни в каком случае не получит его в свои руки, и в бессильной злобе решил погубить его вместе со всем очагом восстания. В борьбе с восставшими они применили ракетные снаряды и пускали их из Бразилии. Скачала с этим успешно боролись, окружив область мегур-лучевым заслоном. Торпеды взрывались, не долетая до города. Тогда враги прибегли к остроумному средству: ракетные торпеды выпускали так, что они вылетали из пределов атмосферы и, таким образом, обойдя мегур-лучевой заслон, падали в город сверху, прямо из зенита. Половина города разрушена. Погиб и Карст. Но селениты определили точку, откуда посыпаются ракет-торпеды, и сделали налет. Там сейчас держится еще только один очаг на западе. Это

недалеко от Фриско; Главный Штаб послал туда две эскадры, вооруженные негроновыми аппаратами. В руках врага остается сравнительно небольшая область, хотя обладание полюсами дает в их руки некоторые значительные преимущества. Из Азии тоже...

Ярко вспыхнул люмион. Курганов вопросительно взглянул в сторону двери и застыл в полной неподвижности. Дверь немного приоткрылась. В щель просунулась чья-то рука. Дальше показалась голова в уродливой маске. Человек держал что-то вроде никелированного сосуда.

— Не шевелитесь, или вы сейчас умрете...

Курганов посмотрел на Гету и тихо засмеялся.

— Вы думаете, наши движения так опасны? — спокойно спросил он, — входите, пожалуйста.

Человек вошел и остановился у самой двери. В продольной галерее магнит-дредноута слышались шаги и голоса многих людей. Вошедший не закрыл за собой двери, и бесмертные видели, как повели куда-то связанных селенитов и людей из команды дредноута. Все пришельцы были в масках. Курганов заметил, что арестованные едва шли. У многих ноги просто волочились.

«Маски... — подумал он, — это газы. Почему же мы с Гетой ничего не чувствуем?»

Не успел он это подумать, как ощущил сильнейший позыв ко сну. Взглянул на Гету: она, прислонившись к стене, спала. Она не была мертва, потому что Курганов ясно видел, как ровно вздымается ее грудь. Но, может быть, это начало смерти?.. Мысль Курганова пресеклась, как порванная нить. Он почувствовал только, что стремительно падает в бездонную черную пропасть.

• • • • • • • • • • •

— Пятый номер пошлите вперед, а...

— Почему именно пятый?

— Прошу не рассуждать. Здесь командую я! Поняли?

— Понятно. Только долго ли...

— Что вы сказали?

— Так, ничего. Я хотел сказать, что на пятом номере пусты все батареи.

Вслед за этим послышались сдержаные ругательства. Говорившие стояли у самого окна, и каждое их слово было прекрасно слышно. Курганов уже полчаса, как проснулся. Вокруг был полный мрак, и он не знал, где находится. Несколько раз окликнул Гету — она не отвечала. Дыхания ее тоже не слышно. Вероятно, он здесь один.

Спор и препирательства за стеной продолжались.

— Как же быть?

— Это меня не касается. Ведь вы здесь командуете...

Эти слова были произнесены голосом, полным насмешки и презрения.

— Ступайте вон!

Мгновение тишины, и затем снова окрик...

— Впрочем, нет. Вернитесь еще сюда, п... подлец...

Курганов услышал сдержанный смех.

— Бросьте, Лайн. Не сердитесь. Я хочу знать ваше мнение.

— Мое мнение? Ха-ха-ха!..

Прислушиваясь к разговору, Курганов ясно представил себе, как должны выглядеть эти люди. В его воображении встали две фигуры, вполне законченные и определенные, начиная с роста и кончая формой ушей и носа.

— Мое мнение? — повторил голос, — хотите, так слушайте...

Курганов дальше не может разобрать. Через минуту пониженный, сдавленный говор прерывается резким звуком пощечины. Раздается топот ног, и все стихает.

Проходит час. Курганов страшно хочет пить. Он начинает кричать и стучит кулаком в переборку. Сюда идут. Он видит, как засветились решетки под дверьми от зажегшегося в коридоре люмиона. Яркий свет режет глаза, и в первый момент Курганов не может разобрать фигуру вошедшего человека. Прищурившись, всматривается и видит незнакомое лицо. Ему сразу бросаются в глаза нашивки на воротнике с тремя известными буквами: «U. S. A.».

— Во-первых, дайте пить, — говорит Курганов вошедшему

му утомленным, равнодушным тоном.

Человек кричит в коридор. Через секунду появляется другой с питьем и едой. Курганов залпом выпивает большой стакан напитка.

— А во-вторых, — продолжает он, — я думаю, вы найдете нужным объяснить мне, что произошло. Не забывайте, что это больше в ваших интересах, чем в моих. Неизвестно, кто кого поймал: вы меня или я вас.

К удивлению Курганова, незнакомец вздохнул и задумчиво произнес:

— Да, это, пожалуй, правда.

— Вы здесь главное лицо?

— Нет, командуют эол-адмиралы Стикс и...

— Лайн?

— Да, но откуда вы знаете?

— Ничего. Продолжайте. Скажите, где мы находимся?

Американец замялся.

Курганов понял его неловкое положение. Очевидно, это был просто дежурный офицер. Он сам ничего не смел делать.

— Хорошо. Попросите ко мне адмиралов.

— Которого? У нас здесь такая бестолковщина. Они все время ссорятся из-за власти, — он минуту подумал. — Я лучше позову Лайна.

Курганов хотел еще что-то сказать, но офицер, не останавливаясь, быстро вышел. Поведение и речи этого американца показались Курганову весьма странными, в особенности в связи с невольно подслушанным разговором.

«Что это? — думал он, — разложение, естественное гниение уродливого организма? Так всегда бывает перед началом конца, — ссоры, разлад, интриги».

Послышились твердые шаги. В комнату вошло двое людей, именно таких, какими их представлял себе Курганов. В двух шагах позади у дверей остановилась их свита, состоявшая человек из пяти, в том числе и навещавший Курганова американец. Курганов сел к столу и первый начал разговор. Он решил взять сразу инициативу и дать тон дальнейшему разговору. Он поднял на них свой холодный взгляд. Выдержан паузу.

— Кто вы? — резко прозвучал его металлический голос.

Американцы стояли перед ними. Их бритые физиономии были неподвижны. Курганов заметил, что у одного щека сильно горит. «Подрались, гады», — подумал он и еще резче повторил:

— Кто вы, я вас спрашиваю!

Несмотря на присутствие подчиненных, эти гордые слуги капитала стояли перед бессмертным, как провинившиеся школьники. Ни один из них не мог открыть рта. Молчать и слушать этот строгий допрос было крайне неудобно. В то же время их положение и гордость не позволяли им отвечать своему пленнику покорным тоном. Надо было употребить то же оружие, найти властный голос, показать твердость... Но перед ними был бессмертный... Это было бы только жалким подражанием того, что делал Курганов. Последний, задав свой вопрос, умолк, не спуская со стоящих испытующего, строгого взора. Адмиралы смотрели в пол. Наконец, один из них, чувствуя, что столь продолжительное молчание делается более неудобным, чем всякое иное поведение, поднял голову и, не решаясь смотреть в глаза своему пленнику, глухо сказал:

— Мы — эол-адмиралы Шестого полюсного отряда. Я прошу вас обращаться не ко мне, а к высшему чину.

Он отступил шаг назад и почти спрятался за спину своего соратника.

— Вы адмирал Стикс?

Оставшегося впереди американца одновременно раздирали злоба и страх. Он тоже не мог больше молчать.

— Да, я адмирал Стикс. Вы находитесь в моей власти и обязаны подчиняться всем требованиям...

— Что же вы сделаете в противном случае?

— Эти разговоры излишни. Пока ни в какие беседы с вами мы вступать не намерены... Да. Если же имеете какую-либо просьбу...

— Нет, не имею, — опять перебил его Курганов, — никакой просьбы, но приказываю вам отвечать мне на мои вопросы.

Адмирал Стикс сделал попытку усмехнуться. Курганов

встал, облокотясь о стол, во весь рост, глаза его потемнели и расширились.

Смех застрял в горле адмирала. Улыбка превратилась в жалкую гримасу.

— Смотря по вашим вопросам... — сдавленным голосом пробормотал он.

— Где другой бессмертный? — не слушая его, прогремел Курганов.

Американец быстро заморгал глазами, переступил с ноги на ногу, потом взглянул Курганову в лицо и сейчас же отвернулся.

— Он умер...

Курганов медленно опустился снова на стул и потер рукой свой громадный лоб. В комнате стало тихо. Только издалека доносился звук, похожий на звон и лязг цепей. Вероятно, мимо проходил магнит-дредноут. Наконец, Курганов поднял голову. Его лицо вновь стало холодно и бесстрастно.

— Расскажите мне все, — сказал он равнодушно, усталым движением прикрывая ладонью глаза.

— Мы взяли вас, — неожиданно заговорил второй адмирал Лайн, — мы взяли вас при помощи новых газов. Они проникают сквозь металл, потому вы и не спаслись, хотя были в магнит-дредноуте. Благодаря хорошо поставленной информации, мы узнали, где вы находитесь, и сделали налет всего на шести эоланах. Наш газ тяжел. Мы им как водой затопили восточную долину Нового Италона. Лучевой заслон также не задержал нас. Этот газ активен. Его свойства диа-мегураничны, и он не только задерживает мегур-лучи, но и действует на людей усыпляюще. Вы понимаете, чем мы обладаем?

— А почему, — перебил Курганов, — вы с самого начала не пользовались этим средством?

— Этот газ — последнее слово науки. Только два дня, как он приготовлен. Если бы война началась неделей позже, то все, конечно, происходило бы иначе...

— А негрон?

Адмирал поморщился. В свите произошло легкое движе-

ние.

— Мы перевезли вас сюда, на Северный полюс. По дороге ваш спутник, другой бессмертный, не приходя в сознание, скончался. Вероятно, у него был очень слабый организм, потому что газ, обыкновенно, только усыпляет на несколько часов...

— Где мы находимся?

— Это одна из станций сорок восьмого полюсного магнитного кольца.

— Так. Еще один, последний вопрос: где труп бессмертного?

Адмирал молчал, но один из свиты, разглядывая у себя на руках ногти, тихо ответил:

— Они выбросили его в океан у берегов Новой Земли.

— Теперь ступайте, — коротко сказал Курганов, отворачиваясь к окну.

Все вышли.

Курганов осмотрелся. Комната, где он находился, была узкая и длинная. Судя по обстановке, она, очевидно, принадлежала одному из инженеров станции. Курганов взглянул в окно. Сквозь толстые, двойные стекла ничего не видно было. Ставни были плотно завинчены. Поднявшись на подоконник, он попробовал посмотреть в отверстие форточки, но пластиинки были поставлены косо, как в крышке прожектора, и виднелись только полоски земли у самого основания дома. В форточку дул слабый, теплый ветер. На дворе было темно. Курганов уловил лишь слабые отблески огней на мокрых от дождя плитах, которыми был вымыщен двор.

— Странно. Это Северный полюс. Теперь лето. И ночи здесь не бывает...

Он задумывается.

Его выводит из неподвижности щелканье замка. Дверь открывается, и на пороге он видит фигуру своего знакомца-офицера. Он бледен и нервно кусает губы.

— Скорее. Не теряйте ни одной секунды. — Он задыхался. Подбежал к Курганову. — Идем!

Он хватает Курганова за руку и увлекает за собой в коридор. По дороге торопливыми движениями закрывает свет

люмиона. В полной темноте они выбегают прямо из коридора на большой, мощеный стальными плитами, двор. Темно. На небе кое-где мерцают звезды. Над горизонтом поднимается полная луна и серебряными пятнами отражается на поверхности моря. Здание, из которого они вышли, находится всего метрах в ста от воды.

— Скорее! — шепчет офицер, и они, согнувшись, бегут через двор.

В углу при свете луны блестит своей чешуей маленький мегур-истребитель. Пятном чернеет открытый люк.

«Почему темно?» — думает с удивлением Курганов, но в этот момент спотыкается о что-то мягкое и растягивается на земле. Его спутник не дает остановиться и тащит за руку; Курганов, глаза которого уже привыкли к темноте, поднимается и различает фигуру лежащего человека. Он узнает адмирала Стикса. До истребителя всего три шага.

— Скорее! — в третий раз повторяет офицер, выпуская руку Курганова, — улетайте...

Ни о чем не спрашивая, Курганов быстро занес ногу и взялся обеими руками за медные поручни. Не успел он ступить в люк, как внезапно рядом выросли три темные фигуры и молча на него бросились. Произошла свалка. Офицер ударил одного головой в живот. Тот с хрипом упал. Двое других, стремительно изворачиваясь, пытались опутать Курганова чем-то вроде тонкой проволоки. Падая на землю, он нарочно подмял одного из напавших под себя и старался нащупать горло, предоставив офицеру самому справляться с последним противником. Курганов знал японские приемы джиу-джитсу. Хотя он вообще был слаб и от физических усилий скоро утомлялся, все же в несколько секунд обезвредил своего врага. Но офицер все еще боролся. Зажав голову противника у себя под мышкой, он ходил с ним в кружок, не смея его отпустить. Курганов кинулся к истребителю.

— Вот они, здесь! — громко крикнул кто-то совсем рядом. Послышался топот многих ног. К месту борьбы выбежало еще несколько человек. На Курганова сразу навалилось трое. Он оказался прижатым к земле, не имея сил даже пошевелиться. Кто-то пронзительно свистнул.

Все, что произошло после этого, было очень просто и скучно. Курганова связали и унесли куда-то, не в тот дом, откуда он так неудачно бежал. Его отнесли вдоль берега к другому, высокому и темному зданию. Сняв путы, его оставили одного.

Опять мрак и одиночество. Курганов лежит на полу и думает. Вихрь событий, начавшийся взрывом открытого выступления бессмертных в Восьмом Городе, все усиливался. Прошла неделя и... Курганов остался один. Что происходит? По обстоятельствам дела можно предположить, что заговор имел целью его освобождение. Или это только его знакомый офицер?.. Во всяком случае сама возможность таких событий в самом сердце американских экспедиционных сил указывала на глубокое разложение и дезорганизацию. Сейчас все совершилось так быстро и столь неожиданно, что Курганов перестал обдумывать свое положение. Нельзя было ни за что поручиться. Он не знал даже, в чьих руках находится.

Его охватил тяжелый, глубокий сон.

Прошло три дня. Курганова держали безвыходно в каморке. Людей он видел только три раза в сутки, когда ему приносили пищу. Но и эти редкие гости не произносили ни звука. Они ставили на стол поднос с едой и удалялись. Каморка напоминала собой кабину магнит-дреноута, какие обыкновенно бывали в носовой части этих сухопутных чудовищ.

Время тянулось томительно медленно. Курганов лежал все дни и ночи на кровати и глядел в потолок. Он знал, что за эти три дня могла решиться судьба всего мирового столкновения. Его давила мысль, что обладание им дает в руки хищников страшное оружие. Они обладают последним бессмертым!

Что творится на свете? Где те грозные силы, которые, он знал, везде почти сломили сопротивление мировых угнетателей? Что делают миллиарды трудящихся? С тяжелым чувством припоминал он названия разных смертоносных средств, к которым прибегал человек для решения сложных вопросов. Как имена знакомых людей, перед ним про-

ходили кошмарные силы...

— Мегур-лучи, — шептал он, — газы... газы... газы... негон, атомические взрывы, волны, всякие ужасные волны... и, в конце концов, просто человеческая, более или менее мутильная смерть...

Он лежал неподвижно, как труп. Только зрачки его глубоких глаз то суживались, то расширялись.

Утром на четвертый день двери открылись, и вошло три офицера. Они предусмотрительно подали Курганову темные очки, и когда тот надел их, пригласили следовать за собой. Соседнее помещение оказалось машинным отделением. Курганов убедился, что он действительно находится на борту магнит-дредноута. Прошли наверх. В просторной адмиральской кабине заседал военный совет. Но никого из тех, кто приходил к Курганову накануне, здесь не было. На главном месте сидел старик-адмирал. Его окружало человек десять офицеров. На стене, занимая большую площадь, висел громадный хоккок. Его голубой экран слегка фосфоресцировал. Отказавшись от приглашения сесть, Курганов остановился посередине кабины. После минутного молчания, пока длилось взаимное рассматривание, старый адмирал откашлялся, причем издал звуки, похожие на лай бульдога, и встал.

— Мы вас пригласили сюда, — начал он, — по обстоятельствам самого крупного значения. Эти-то обстоятельства и заставляют нас быть с вами вполне откровенными. В данный момент действие заглушающей волны прекратилось, и мы решили воспользоваться некоторыми возможностями. Я вам изложу в нескольких словах положение дела. Сейчас мы находимся на побережье Балтийского моря в окрестностях Балтикона. Эта область в наших руках. Вам сказали, — он усмехнулся, — что вы отвезены на Северный полюс. Это неправда. Действительно, взявший вас отряд направился туда, но ему пришлось вернуться, потому что область полюса уже оказалась к тому времени в руках союзных сил. Да, мы разбиты везде. В наших руках осталось лишь несколько пунктов в Европе и Азии, Америка потеряна. Я не скрою от вас и того, что за исключением этих немногих пунктов, власть всюду принадлежит Рабочему Совету. Мы гибнем. Лишение

полюсов не дает нам возможности использовать последнее средство — магнитные установки в руках рабочих. И здесь мы окружены. И только потому, что в наших руках вы — последний бессмертный — еще пока держимся сами и держим мир в своих руках. Но мы еще победим! И вы, вы нам поможете сделать это!..

Адмирал опять закашлялся.

— Они не верят, что вы здесь. Они думают, что вы погибли, и предупреждают, что завтра вечером начнут негровые атаки, предлагают нам сдаться. Они требуют, чтобы мы показали им вас... Я обещал исполнить их просьбу и добавил еще, — голос адмирала стал сух и злобен, — я добавил, что при первых же попытках враждебных действий с их стороны, вы — последний бессмертный... умрете!..

Опустившись снова в кресло, адмирал вытер платком выступивший на лбу пот.

— Вы, надеюсь, — продолжал он, — хорошо понимаете, что мы ничего не проигрываем, лишаясь вас; нам нечего больше терять,

Курганов молчал.

— Вызовите Рабочий Совет, — коротко бросил адмирал.

Бессмертного подвели к экрану хоккока. Спустя несколько секунд он увидел большой колонный зал Совета. На него смотрят тысячи глаз. Адмирал подходит и становится рядом с Кургановым. Все присутствующие в зале ясно видят их обоих.

— Слушайте, вы! — кричит адмирал в мегафон. — Вы видите последнего бессмертного. Он в наших руках. И я объявляю вам еще раз, что неподчинение нашим требованиям, военные действия и непрекращение мятежа заставит нас прибегнуть к крайним мерам — мы уничтожим бессмертного! Если вы хотите сохранить его и вместе с ним все возможности, если вы сами стремитесь к бессмертию, то смиритесь... Даю вам срок на размышления до утра.

Вслед за этой перед глазами Курганова прошли десятки других картин. Он видел улицы больших городов, заполненные несметными массами народа, вокзалы магнитных дорог, громадные корпуса мастерских и заводов полуразрушенно-

го Чикаго. Сотни тысяч людей видели его на экранах. Они с тоской и надеждой протягивали к нему руки. Мегафон передавал глухой шум и рокот, похожий на морской прибой, который несся от этих толп. В шуме этом была и страстная мольба и безумная ненависть. Последним показался Главный Союзный Штаб. Курганов узнал среди прочих и Лока. Он сидел за столом, закусив нижнюю губу, и, встретившись глазами с бессмертным, отвернулся. Курганов понимал, что должен чувствовать этот человек. Последний бессмертный в руках американцев, а он, Лок, не на эолане у негроновых аппаратов, но за столом в городе и в полной безопасности. Уже три дня, как приостановлены военные действия. Весь мир в состоянии крайнего замешательства. Даже в Главном Штабе и Совете нет единогласия. Нет твердого и прочного решения...

Во время этого сеанса адмирал, стоя рядом с Кургановым, при каждой новой открывавшейся картине спокойным голосом повторял условия своего ультиматума. Курганов продолжал молчать. Он, казалось, думал о чем-то постороннем. Когда адмирал отошел от хоккока, он поднял голову и спросил:

- Вы говорите, что мы недалеко от Балтикона?
 - Да, мы на месте **, но здесь был бой, и от городка ничего не осталось.
 - Разрешите мне взглянуть на эту местность.
- Адмирал пожал плечами.
- Что ж, — сказал он, — можно. Только из верхней кабины через окно.

Зainteresованные странной просьбой бессмертного, все присутствующие поднялись вместе с Кургановым наверх. Отсюда открывался обширный вид во все стороны. Со стороны берега горизонт был закрыт темной стеной построенных в боевом порядке магнит-дреноутов. С другой стороны открывалось море, старое, знакомое море. У берега оно покрыто сидящими на воде эскадрами эоланов. Дальше виден чистый, блестящий на ярком утреннем солнце морской простор. Курганов внимательно всматривается в местность. Постепенно мертвенная бледность покрывает его лицо.

Он узнает это место. Здесь когда-то была его Балтийская станция, этот самый залив. В стороне заметны даже остатки канала, который соединял его станцию с морем. Небольшой овражек темной линией упирается в морской берег. Странно, как он мог сохраниться более двухсот лет! Теперь здесь пустыня, такая же черная и выжженная, как и на огромных пространствах во всех частях света, где только сталкивались воюющие стороны.

Прошло двести лет! Курганов вернулся на то место, где было столько пережито, столько принесено жертв, где ослепительные надежды толкали почти на безумие.

И теперь он мог только повторять одно слово:

— Умерли... умерли... умерли...

Курганов быстро отвернулся от окна.

— Уведите меня вниз.

У самых дверей его каморки адмирал еще задержался на минуту.

— Подумайте, — сказал он, — в одиночестве над создавшимся положением. И не забывайте, что ваше нам содействие может предотвратить катастрофу. Подумайте.

Опять Курганов один.

Так же медленно проползает день и наступает ночь. Это уже четвертая ночь его заключения. Да, ему действительно приходится последовать совету адмирала и тщательно обдумать свое положение. Обстоятельства сложились так, что судьбы этого последнего боя действительно зависят от него. Он — и главный виновник и ответчик в создавшейся ситуации.

Полночь. Курганов не спит. Он все думает. Мысленно он переносится на несколько часов вперед и представляет себе, что будет, если Совет примет условия адмирала. Полная реставрация... а затем, затем рабство еще худшее. Владея бессмертным, от его лица и его именем капитал не только вернет прежнее положение вещей, но и пойдет дальше...

Раздавшиеся за дверьми шаги и щелканье открываемого замка прервали размышления Курганова. В кабину вошел старый адмирал. Дверь за ним тотчас закрылась, и люминог погас. Очевидно, он приказал выключить свет, чтобы не смущать

щаться видом бессмертного. Но и это показывало с его стороны большое самообладание и выдержку. Нашупав стул, он сел против Курганова, и в совершенной темноте некоторое время слышалось только его тяжелое сопение.

— События, — начал он, наконец, усталым голосом, — развертываются быстрее, чем я предполагал. Я назначил Рабочему Совету срок до утра, а теперь только первый час ночи, и я получил сообщения, что вокруг области Балтикона стягиваются союзные силы. Я не знаю, что это значит, но можно думать, что Совет решил пренебречь моей угрозой и пожертвовать вами. Возможно и то, что мне не верят и надеются на нашу нерешительность, хотя я в этом сомневаюсь. Должен признаться, что если с утра они откроют негроновые атаки, к полудню область станет пустым местом: мы не в состоянии ее удержать.

Адмирал умолк и задумался.

— Подумайте, — снова начал он несколько иным, мягким и вкрадчивым голосом, — подумайте, каково ваше положение? Уничтожив вас, мы действительно ничего не потеряем, потому что наша песенка в этом случае спета, и ничего, конечно не выигрываем... Но подумайте, — повторил он громче, — чего лишается человечество! Не лучше ли будет для мира склониться перед нашей волей и обладать бессмертием!

Курганов слышал, как адмирал поднялся со стула.

— Слушайте, бессмертный! Еще не поздно, скажите им — Совету, Штабу, всему миру, что вы этого хотите, этого требуете. Они послушают вас! Этим вы сохраните жизнь себе, нам и не лишите человечество бессмертия...

— Вы, я вижу, — заметил Курганов, — очень озабочены судьбой человечества и призываете к жертвам, но этот вопрос может быть решен гораздо проще.

— Как это?

— Так. Отпустите меня и сдайтесь сами.

На минуту в кабине стало тихо, как в могиле.

— Нет, это невозможно, — вдруг крикнул адмирал, удаляя рукой по столу, — это обман или провокация. Я не поверю никаким обещаниям. Это все будет для нас той же гибелью...

Курганов смеялся. Адмирал подошел к нему вплотную и положил руку на его плечо.

— Время не ждет, сейчас мы пойдем наверх к хоккоку, и вы скажете Рабочему Совету, вы скажете... вы... — адмирал задыхался и не находил слов.

— Хорошо, скажу, — сухо ответил Курганов, поднимаясь.

Адмирал на минуту замер, с подозрительной недоверчивостью всматриваясь во мрак, откуда исходил голос Курганова.

— Идем, — глухо сказал он, наконец, ощупью направляясь к двери.

Дверь не заперта, и в машинном отделении никого нет. Магнит-дреноут закрыт весь снаружи. Отсюда все равно убежать невозможно. После мрака яркий свет в первый момент ослепил адмирала, но Курганов, благодаря темным очкам, не испытал этого. Он по-своему воспользовался этим мгновением. У самых дверей кабины в машинном отделении стоял небольшой столик. Курганов его давно заметил. Сбоку привинчены тиски и лежат разные инструменты. Адмирал не видел, как Курганов едва заметным движением схватил со стола маленький трехгранный напильник и сунул его в карман.

В дверях адмиральской кабины они столкнулись с одним офицером. В самой кабине видна целая толпа военных, сгрудившаяся перед хоккоком.

— Они принимают условия! — закричал офицер, увидя адмирала. — Сейчас говорит Совет. Они передают утром все воздушные эскадры и запасы негрона. Они просят комиссии...

Отстранив его с дороги, адмирал быстро вошел в кабину. Курганов не отставал. Оба они очутились перед самым экраном хоккока. На голубом фоне опять виден большой зал Совета. Среди небольшой группы на первом плане Курганов узнает членов президиума Совета, СТО и других высших гражданских и военных организаций. Их лица темны, почти безумны. При виде бессмертного они бледнеют и неподвижными, расширенными глазами впиваются в его холодное лицо.

— Отойдите, — тихо говорит Курганов, снимая очки и обводя всех окружающих бездонным, приковывающим взором.

Все невольно пятятся к стенам кабины. Курганов остается один перед экраном хоккока. В его распоряжении секунды. Одним нажатием кнопки офицер, сидящий за столом, может выключить связь с Советом. Курганов нашупывает в кармане напильник и подходит к самому экрану.

— Да здравствует Всемирный Союз!!! — гремит его металлический голос.

Молниеносным движением он вонзает напильник себе в левую сторону груди и, хватаясь одной рукой за гладкую поверхность экрана, медленно и тяжело опускается на пол.

МАЛЕНЬКИЙ ЭПИЛОГ

Адмирал ошибся. Области, занятые остатками сил капитала, были уничтожены и сравнены с землей не к полудню, а спустя только два часа после смерти последнего бессмертного. Мир еще не видел таких бешеных атак, такой безумной ярости, такого слепого, стремительного натиска. Это был один бешеный удар. Само возмездие черными негроновыми шарами смело с лица земли последние оплоты хищников.

Здесь, под Балтиконом, погиб и Лок. Не дождавшись главных сил, он геройски бросился во главе маленького отряда негрон-истребителей в самую толщу американских воздушных эскадр. Всеобщий подъем и ненависть были столь велики, что яростно уничтожалось все, сколько-нибудь напоминавшее былое господство человека-хищника.

Но время шло. Человечество, объединенное в один Великий Всемирный Союз, на двух обитаемых им планетах вступило на давно желанный путь развития, с трудом залечивая раны, нанесенные последней ужасной войной. Это был действительно последний случай, когда человек применил оружие против человека. Занималась заря новых времен.

Года три спустя после Всемирного Объединения мир был встревожен сообщением из Индии, что там обнаружен человек, многими чертами напоминающий бессмертного. Он служит сторожем на неоновом маяке у посадочной площадки. Слепой случай и здесь, как по сознательному злому замыслу, вмешался и спутал все карты. Комиссия, вылетевшая из Берлина в Индию, не застала этого человека в живых. Он, по своей неосторожности, упал с башни маяка и разбился насмерть.

Эти единственные уцелевшие останки бессмертного хранятся в Лондонском музее. Перед сосудом с формолом, в котором находится изуродованный труп бесполого человека с большой головой, всегда стоит молчаливая толпа.

Бессмертие опять стало мечтой. Но каждый знал, что оно достижимо, и верил, что рано или поздно опять раздастся

радостный, безумный крик:

— Нет смерти!

И тогда вновь воплощенная сказочная мечта даст человеку не только освобождение и победу над рабством, но подчинит ему и само время, свергнет с черного трона самое страшное господство — власть смерти.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РОМАНУ

Всеволод Валюсинский дал своему роману «Пять бессмертных» подзаголовок: «фантастический роман». На самом деле «Пять бессмертных» в значительной степени является и романом-утопией, социальной и научной. По прочтении этого романа вся кому вдумчивому читателю становится ясно, что автор, перенеся время действия на два с лишним века, пытался хотя бы в фантастической форме разрешить ряд занимавших и мучивших его вопросов. Написан роман Вс. Валюсинского так, что не только увлекает читателя своей фабулой, но и заставляет его призадуматься над вопросами, которые он ставит, давая им фантастическое разрешение.

Попытаемся совместно с читателем разобраться в главнейших вопросах, поднимаемых Валюсинским в его романе. Прежде всего остановимся на характере самого романа.

Во всяком утопическом и фантастическом романе имеется комбинация следующих трех элементов: 1) реальные отношения современности; 2) пылкая фантазия автора, отталкивающаяся от этих отношений, как от отрицательного полюса, и конструирующая им в противовес другие, фантастические, противоположные им и положительные с точки зрения автора отношения, и 3) при этом находят свое выражение, невольное или преднамеренное, стремления и идеалы того класса, к которому автор принадлежит или на точке зрения которого он стоит.

С точки зрения комбинации этих трех элементов чрезвычайно интересно рассмотреть два наиболее популярных среди наших читателей утопических романа: американского писателя Эдварда Беллами «Через сто лет» и роман-утопию русского автора А. Богданова — «Красная звезда» — и сопоставить с ними роман Валюсинского. Оба упомянутых утопических романа издавались и переиздавались у нас много раз, имеются во всех библиотеках и знакомы очень широкому кругу читателей.

Роман Эдв. Беллами увидел свет в Америке сорок лет тому назад, когда Соединенные Штаты Северной Америки не были еще в такой мере, как сейчас, колыбелью всех «чудес техники», когда страна эта не была еще аванпостом капитализма и оплотом его в последней фазе его развития — в эпоху империализма. Роман Беллами, известный у нас под названием «Через сто лет» и первоначально называвшийся «Взгляд назад из 2000 года», с огромными

трудностями миновал в русском своем переводе рогатки царской цензуры — до такой степени он казался тогда «подрывающим основы». В настоящее время роман этот не читается уже с тем увлечением, как еще лет двадцать тому назад. Причина — простая и ясная: роман этот сильно устарел, как устарели, скажем, некоторые фантастические романы Жюль Верна, ибо чудеса техники, о которых в свое время едва осмеливались мечтать наилуче пылкие фантасты, сейчас далеко превзойдены и в области автомобилизма, и в области воздухоплавания, и в передаче по беспроводочному телеграфу на расстояние не только звуков, но и изображений, и в целом ряде других отраслей. Иными словами, реальные отношения, которые имел перед глазами Э. Беллами в 1887 году при написании им своего романа, нашумевшего тогда и переведенного на множество иностранных языков, сейчас значительно изменились. Это изменение произошло в результате ряда лет, войн и революций повсюду. Особенно ощутительно это изменение, конечно, у нас, в стране диктатуры пролетариата, в очаге мировой социальной революции.

Э. Беллами в форме корректной, свойственной ему, как салонному социалисту, мечтал о том, что к 2000 году изменится положение, которое было нормальным на его родине в 1887 году, когда «большинство тащит экипаж, в котором едет меньшинство», а «рабочие смутно сознают, что им нужно, но не знают, как достигнуть того, что им нужно».

Сейчас, после десятилетия Октября, все эти отношения конца прошлого века представляются нам, жителям и гражданам СССР, седой стариной, и совершенно естественно, что и фантазия автора, не знавшего ни автомобиля, ни кино, не знавшего, как изъять газеты из рук их частных владельцев и предполагавшего, что в 2000 году люди будут интересоваться по воскресеньям богослужением и церковной проповедью, — что фантазия подобного рода кажется нам сейчас не только не пылкой, а бесцветной, кущей и ограниченной. Ограниченнность полета фантазии Беллами нам видна одинаково и в области технических усовершенствований и социальных отношений. Тот идеал колLECTИВИСТИЧЕСКОГО человека, который маячил в туманной дали перед умственным взором американского романиста, далеко оставлен позади нашим поколением, которое не только окончательно ликвидировало много-вековой гнет царского самодержавия, упразднило в нашей стране привилегии командовавших прежде классов, но и заложило в виде создания СССР прочный фундамент социалистического строительства в мировом масштабе. Пролетарская революция, граж-

данская война и социалистическое строительство в СССР, а равно героическая и самоотверженная братская помощь в борьбе трудящихся в странах капитализма выковали особый, новый тип людей, о котором не мог даже еще и мечтать и которого, во всяком случае, не мог себе представить Беллами.

У романа Вс. Валюсинского есть то общее с романом Беллами, что он переносит время действия своего повествования в даль времени. Но Валюсинский дает описание жизни через два с лишним века, в то время, как у Беллами речь шла о ста годах. Но в произведении Валюсинского чувствуется отражение нашей революционной эпохи, до которой, как до луны, далеко тихому болотцу фантазии Эдв. Беллами. Роман Валюсинского насыщен упорным, пытливым и неутомимым научным исканием, наполнен борьбой классов, отчасти даже борьбой миров — резкая противоположность мещанской идиллии американского романиста с его спокойными, сытыми и ограниченными героями.

Гораздо ближе к нашему времени, к нашему мировоззрению и к современному пониманию людей и вещей произведение А. Богданова «Красная звезда» впервые увидевшее свет в 1907 году.

А. А. Богданов — активный участник большевистского подполья периода конца 90-х г.г. минувшего века, член ЦК партии в период 1906-1909 годов — в своем романе-утопии сделал, конечно, огромный шаг вперед по сравнению с салонным американским социалистом Беллами. В «Красной звезде» есть много элементов революционного, большевистского мировоззрения, есть отражение пролетарской борьбы в период первой русской революции 1905-1907 годах. Это огромный плюс произведения. Но «Красная звезда» написана была в 1907 году, когда революция 1905 года была если еще и не на полном своем ущербе, то все же на нисходящей линии своего развития, когда она переживала кризис падения революционной энергии трудящихся масс. 1907 год был началом усилившегося еще затем и принявшего массовые и повальные формы отхода попутчиков пролетариата от революции. Многие недавно еще претендовавшие на роль вождей и даже игравшие эту роль, обставляли свой отход от боевых позиций пролетариата очень тонко, «умственно», ударяясь в тонкие дебри «богоискательства», «богостроительства» и всякого рода замысловатых по форме и антиреволюционных по существу философских построений. В числе прочих представителей интеллигенции, которая свой отход от революционной борьбы рабочего класса маскировала туманом заново перелицованных философских обносков идеализма, видное место занимал, к сожалению, и А. А. Богданов — отец

своей собственной философской «системы» — «эмпириомонизма». Этот философский уклон А. А. Богданова во вредную для пролетарской идеологии сторону встретил решительнейший отпор со стороны обоих вождей русского марксизма — Г. В. Плеханова* и В. И. Ленина** и положил начало тем разногласиям с ним, которые вывели его к 1909 году за порог большевистской партии.

Но если жесточайшему критическому обстрелу подверглись «эмпириомонистические» философские упражнения А. А. Богданова, то его беллетристический опыт того же периода — роман-утопия «Красная звезда» — встречен был не только не враждебно, но даже благожелательно. В романе «Красная звезда» нашли довольно полное свое отражение как положительные, так и отрицательные черты мировоззрения их автора.

К числу положительных черт следует прежде всего отнести вдумчивое, пытливое отношение А. А. Богданова к явлениям и законам природы. Еще тогда (в 1907 году) он в своей фантазии разрешил тот вопрос, над которым настойчиво и давно уже бьется современная физика, — об освобождении внутриатомной энергии при разложении атомов. Таким образом, А. А. Богданов почти на пятнадцать лет упредил результаты знаменитых лабораторных опытов Редзерфорда по освобождению внутриатомной энергии азота, алюминия и фосфора при разрушении атомов этих элементов осколками атомов (альфа-частицами) радия С.

В послесловии к «Красной звезде», написанном в 1923 году для грузинского перевода этого романа-утопии, А. А. Богданов, по поводу разложения атомов, писал:

«На аналогичное взрывное разложение, только производимое природою, я сам указывал двенадцать лет тому назад в “Журнале Русского Физико-Химического Общества” (№ 8 за 1911 год). Именно я истолковал шаровую молнию как атомный взрыв крупной “пылинки”, частички недостаточно прочного вещества, которая плавала в воздухе и через которую прошел разряд обычной искровой молнии. Если эта теория верна, то шаровая молния — хорошая иллюстрация того, какие гигантские и грозные силы скрыты в мельчайших объектах нашей среды. *И, конечно, большое сча-*

* См. сборник его статей — «Против богдановщины», изд. «Пролетарий», 1923 год.

** См. том X собр. сочинений — «Материализм и эмпириокритицизм» — критические заметки об одной реакционной философии.

стье, что нынешние ученые еще не овладели этими силами: если бы это случилось, результатом была бы, вероятно, гибель цивилизации. Человечество еще недостойно такой власти над природою».

Обращаем внимание читателя на последние, подчеркнутые нами, строки. Мысль, лежащая в их основе, о том, что только освобожденному человечеству, которое не стало бы употреблять новейшие достижения науки и техники во вред другим людям, лежит в основе и романа «Красная звезда», она же краеугольным камнем заложена и в романе Вс. Валюсинского «Пять бессмертных», где речь идет не о физическом, а о биологическом открытии, составляющем новую эпоху в жизни человечества.

А. Богданов в своей «Красной звезде» переносит действие на другую планету — на Марс. История марсиан проходит схематично и спокойно. Накопление элементов социализма прошло там эволюционным путем, без толчков, без разобщенности континентов и стран. В идеальной стране, — вернее, на идеальной планете —на Марсе —

«...пролетариат не заглядывал далеко вперед, но и буржуазия не была утопична в своей реакционности, различные эпохи и общественные формации не перемешивались до такой степени, как это происходит на земле, где в высококапиталистической стране возможна иногда феодальная реакция, и многочисленное крестьянство, отстающее по своей культуре на целый исторический период, часто служит для высших классов орудием подавления пролетариата. Ровным и гладким путем мы пришли, несколько поколений тому назад, к такому общественному устройству, которое освобождает и объединяет все силы социального развития».

Неудивительно, что один из наиболее интеллигентных, аполитически-мыслящих и образованных марсиан — астроном Стерни, — ставя вопрос о колонизации земли марсианами, требует полного истребления земного человечества. Автор вкладывает этому марсианину в уста следующую оценку происходящей на земле борьбы за социализм:

«...Вопрос о социальной революции становится очень неопределенным: предвидится не одна, а множество социальных революций — в разных странах в различное время и даже во многом, вероятно, неодинакового характера, а главное — сомнительным и неустойчивым исходом. Господствующие классы, опираясь на армию и высокую военную технику, в некоторых случаях могут нанести восставшему пролетариату такое истребительное поражение, которое в целых обширных государствах на десятки лет отбросит

назад дело борьбы за социализм...»

Еще более мрачны, по А. Богданову, перспективы частично победившей социальной революции:

«...Затем отдельные страны, в которых социализм восторжествует, будут как острова среди враждебного им капиталистического, а частью даже докапиталистического мира. Боясь за свое собственное господство, высшие классы несоциалистических стран направят все свои усилия, чтобы разрушить эти острова, будут постоянно организовывать на них военные нападения и найдут среди социалистических наций достаточно союзников, готовых на всякое предательство, из числа прежних собственников, крупных и мелких. Результат этих столкновений трудно предугадать. Но даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием — варварским патриотизмом. Это будет далеко не наш социализм».

Мрачность перспектив вытекает у А. Богданова, с одной стороны, как уже указано выше, из обстановки того времени, — начала упадка первой русской революции, — когда написан был его роман, с другой же стороны, из того идеологического сдвига с правильных большевистских позиций, который им к этому времени был проделан. Иными словами, «Красная звезда» чрезмерно мрачно оценивает первый элемент утопии — реальные отношения современности.

Если применительно к «Красной звезде» поинтересоваться третьим элементом всякой утопии, — стремления и идеалы какого класса выражает и отражает автор, — то придется признать, что класс этот отнюдь не пролетариат, а всего лишь реформистская прослойка социалистической интеллигенции, «сочувствующей» пролетарской борьбе, но чающей эволюционных, бескровных, мировых, «как на Марсе», путей к победе.

Если сопоставить с этим роман Вс. Валюсинского, приходится отметить, что, возникнув к концу первого десятилетия власти победоносного пролетариата в пределах СССР, роман этот чужд тех сомнений в исходе борьбы за полную победу социальной революции, которые мы видим у марсиан А. Богданова. Но и тут интеллигентскость автора дает себя знать, и, к немалому своему изумлению, многие читатели, особенно из среды комсомола, прочитают, что по предположению Вс. Валюсинского через двести лет власть капитала доживает еще последние свои дни на американском материке. В переводе на язык цифр это значит, что по Вс.

Валюсинскому власть капитала, в наши дни уже сломленная на одной шестой части земной сушки, населенной одной десятой современного человечества, через двести лет, накануне окончательного своего падения, сохранит за собою огромный материк Северной и Южной Америки, составляющий около одной трети земной сушки, население которого сейчас составляет около одной восьмой современного человечества.

В медлительности изживания остатков капитализма в романе, в допущении того, что процесс этот затянется более чем на два века — и сказалась принадлежность автора к интеллигенции, которая хоть и приняла и вполне усвоила коммунистические идеалы, но все же пытается, подчас совершенно подсознательно, тормозить неумолимо мчащуюся вперед и все крушащую на своем пути колесницу истории. Зато, с другой стороны, в качестве положительной черты следует отметить проходящее через все произведение Вс. Валюсинского сознание, что столкновение миров — капиталистического и социалистического — будет необычайным по своим размерам, будет небывалым, невиданным и непревзойденным по своей неумолимой жестокости и кровавости. Это сознание — результат не только и не столько опыта гражданской войны в СССР, сколько урок, полученный автором и правильно усвоенный им от революционных попыток западно-европейского, китайского и американского пролетариата.

Впрочем, роман Вс. Валюсинского хоть и дает картину последнего и решительного боя в мировом масштабе, но в основном он представляет собою утопию не столько социальную, сколько естественнонаучную и в первую очередь биологическую, ибо основным сюжетом всего произведения является разрешение проблемы биологического *регретуим mobile* — проблемы индивидуального бессмертия людей.

В поисках разрешения этой проблемы фантазия Вс. Валюсинского пошла не по проторенному пути прививок или иных операций над половыми органами, применяемых при омоложении профессорами Штейнахом, Вороновым и их учениками. Ученый биолог Курганов — главный герой романа — идет по пути, на который очень и очень слабые намеки можно найти в лабораторных работах профессора И. П. Павлова над физиологией «хозяина» — головного мозга, — вернее, продолговатого серого мозга.

По фантазии Вс. Валюсинского, опыт героя романа — Курганова — сводится к пересадке бэтной доли продолговатого мозга одной особи на то же место другой, противоположного пола. В результате получаются новые явления внутренней секреции, способ-

ствующие если не абсолютному бессмертию, то во всяком случае необычайно медленному старению организма, выработке особенного, внутреннего антитоксина против «яда старости». Но одновременно с этой полной или почти полной иммунизацией против старения прививка бэтной доли продолговатого мозга приводит к лишению половых особенностей и признаков. Этим самым дана, по Вс. Валюсинскому, новая трагедия современного доктора Фауста — трагедия, пожалуй, во много раз более тяжелая и сложная, нежели в средневековом, увековеченном Гете, варианте этой легенды.

В романе «Пять бессмертных» огромный интерес представляет не эта огромная трагедия бесполости бессмертных, а проходящее у него красной нитью через весь роман подчинение индивида коллективу, подчинение вопроса об индивидуальном бессмертии интересам освобожденного человечества.

Изобретение Курганова — конечно, плод фантазии Всеволода Валюсинского. Не следует, однако, относиться к этой фантазии с чрезмерной пренебрежительностью ограниченных филистеров. Нашему времени чужда подобная пренебрежительность; наоборот, именно наши советские условия способствуют не только развитию сознания боевой моци целых классов, но и огромным успехам в области научного познания природы и их применению на практике.

Для пояснения этого снова вернемся к роману-утопии А. Богданова «Красная звезда». Там тоже ставится биологическая проблема, но не в виде проблемы бессмертия, а в форме проблемы продления и обновления жизни. По фантазии А. Богданова, марсияне применяют обмен крови между двумя человеческими существами, из которых каждое может передавать другому массу условий повышения жизни, происходит «товарищеский обмен жизни» в физиологическом смысле. Оно описывается в «Красной звезде»:

«Это просто обыкновенные переливания крови от одного человека к другому и обратно, путем двойного соединения соответственными приборами их кровеносных сосудов. При соблюдении всех предосторожностей, это совершенно безопасно; кровь одного человека продолжает жить в организме другого, смешавшись там с его кровью и внося глубокое обновление во все его ткани».

Автор «Красной звезды» — А. А. Богданов, — врач по образованию, — написав об этом в своем романе-утопии, не открыл никакой Америки, ибо переливание крови известно было еще в средние века и практиковалось тогда в отдельных случаях с очень большим успехом.

Но в современных условиях зоологического эгоизма и индивидуализма, культивируемых за границей всем укладом тамошней жизни, не случайным является то, что возникает институт переливания крови именно в Москве, а не в иной столице современного мира. Создан институт переливания крови Наркомздравом РСФСР по инициативе... А. А. Богданова, претворяющего таким образом свою утопическую мечту в действительность.

В интервью, напечатанном несколько времени тому назад в «Правде» (№ 168/3700 от 27 июля 1927 г.), А. А. Богданов, между прочим, заявил об институте переливания крови:

«Институт имеет большие общественно-практические и исследовательские задачи. Здесь берет свое начало то, что в будущем выльется в физиологический коллективизм, при котором в борьбе с болезнями, ранами и жизненным упадком организм будет пользоваться не только собственными силами и средствами, а и элементами жизнеспособности, выработанными другими человеческими организмами».

Отсюда не следует, конечно, что в ближайшее время можно, по аналогии, ожидать создания особого института создания бессмертных по способу Курганова (или Всеволода Валюсинского). Отсюда следует только, что фантазия романа «Пять бессмертных» может послужить хотя бы в незначительнейшей доле некоторым толчком в той героической работе, которая ведется нашими учеными-биологами в области борьбы со старостью, в изыскании средств и способов к продлению жизни индивида, к укреплению его сопротивляемости всякого рода вредным для жизни и здоровья влияниям.

Не станем останавливаться на целом ряде интересных технических деталей фантазии Вс. Валюсинского, а, возвращаясь, применительно к его роману, к тем трем элементам, комбинация которых имеется в каждом утопическом или фантастическом романе, установим следующее:

1. Роман «Пять бессмертных», написанный в СССР в десятый год proletарской революции, носит на себе печать нашей героической эпохи. Герои романа, за ничтожными исключениями (мсье Гаро, проф. Пфиценмейстер), стоят на высоте служения освобожденному человечеству. Герои романа — действительные герои, приносящие свою жизнь и свое благополучие на алтарь науки. Наука в романе, как в СССР, не является чем-то выше и превыше всего и притом оторванной от жизни, как мыслят себе чуждые современности интеллигенты. В романе «Пять бессмертных» наука целиком подчиняет себя интересам общества. Воистину героичес-

кая смерть Курганова — достойный подражания и поклонения пример не только для молодежи.

2. Фантазия автора, основанная на основательном знакомстве с естественными науками, чрезвычайно богата и дает читателю толчок в его изучении естественных наук.

3. Отражая в своем романе стремления и идеалы лучшей части советской интеллигенции, Вс. Валюсинский в построении своего романа дал несколько замедленные перспективы развития мировой революции. Эта замедленность в окончательной победе коммунизма во всех странах помимо интеллигентского скептицизма объясняется отчасти и фабулой романа. Последнее обстоятельство и побудило издательство издать этот роман, несмотря на столь долгий срок ликвидации капитализма в Америке, какой романом этим предусматривается.

Мы не сомневаемся, что менее чем в сорок лет в этом пункте, как и в некоторых других, фантазия романа Вс. Валюсинского так же будет превзойдена действительностью, как к настоящему времени устарела и поблекла фантазия романа Эдв. Беллами «Через сто лет».

A. Агафонов

СЕВЕРНЫЙ ЖЮЛЬ ВЕРН

К 40-летию гибели советского писателя-фантаста Всеволода
Вячеславовича Валюсинского

Писатель Всеволод Вячеславович Валюсинский в молодые годы среди своих друзей был известен под именем Досик. Это был высокий, атлетического сложения юноша, удивляющий сверстников бесконечными выдумками.

Родился Всеволод в семье Онежского акцизного контролера В. И. Недзвецкого, родного брата известного земского врача С. И. Недзвецкого, получившего впоследствии почетное звание заслуженного врача РСФСР.

Всеволод с детских лет проявлял незаурядные способности. В школу до 4-го класса не ходил, получил домашнее образование. Его первым учителем был петроградский студент Евгений Шаревский, сосланный в Онегу за революционную деятельность, избранный в 1917 году первым председателем Онежского городского Со-

вета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В школе мальчик начал учиться с четвертого класса, его школьной учительницей была и ныне здравствующая Прасковья Гавриловна Негодяева.

Всеволод Валюсинский уже в юности был человеком начитанным, обладал энциклопедическими знаниями и удивлял своих сверстников широтой познаний окружающего мира. Отличала его и элегантность. Он носил усы, шляпу и трость.

Всеволод был страстным охотником и рыболовом, исходил пешком весь Онежский край и был с природой на «ты». С ним дружили такие известные в Онеге бывалые охотники, как Петр Агафонов и многие другие. Красота северной природы нашла яркое отражение на полотнах Валюсинского-художника. Две написанные им картины были подарены Онежской трудовой школе второй ступени и долгие годы висели в здании городской школы.

Валюсинский был не только художником кисти, но и музыкантом, с которым дружили все, кто любил музыку. Мир его увлечений был обширен. Он любил изобретать и совершенствовать существующие механизмы. Так в 20-х годах сделал к велосипеду задний и передний багажники. На задний усаживал свою жену, а на передний укладывал магазинные покупки и к удивлению прохожих ехал по улицам города.

Как-то он перепугал всех участников новогоднего маскарада: явился в костюме смерти. Фигура в черном завершалась человеческим черепом, челюсти которого непрерывно лязгали, в костлявых руках была смертоносная коса.

Шли годы, проходили шалости детства и увлеченность юности, на смену шло мужество и зрелость, обогащенная опытом жизни и знаниями, полученными из книг и журналов, как отечественных, так и зарубежных.

В. Валюсинский был педагогом, преподавал химию, физику, алгебру, рисование и физическую культуру. Уроки его и лекции проходили в атмосфере редкого внимания учеников и с большим эмоциональным подъемом. Написал для своих благодарных учеников чудесные научно-популярные книги «Северный олень» и «Лесные вредители», которые стали теперь библиографической редкостью, но не потеряли читателей и вызывают у них восторг.

Еще живя в Онеге, Всеволод пишет большой фантастический роман «Пять бессмертных», изданный в канун первого десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции издательством «Пролетарий». В нем прослеживается развитие советской государственности на протяжении будущих столетий, показана

борьба этой новой исторической силы, опирающейся на угнетенных всего мира, с хищными, беспощадными силами капитала.

Роман «Пять бессмертных» современен и ныне, потому что он с большой четкостью и ясностью рисует тех, кто и в наши дни пытается сорвать борьбу за мир во всем мире. Самолет фантазии, на котором несет нас Валюсинский над планетой, изумляет нас. Вы спрашиваете себя: откуда этот источник неиссякаемых знаний и море увлекательной фантастики?

Наш земляк В. В. Валюсинский -- яркий пример для молодежи, пример того, как много может познать человек, благодаря на читанности и упорному труду над собой, пусть он и живет вдали от мировых центров культуры. Его роман «Пять бессмертных» критика сравнила с романами широко известного в свое время американского фантаста Беллами, автора книги «Через сто лет», а также с фантастическим романом известного русского социал-демократа, врача и философа А. Богданова «Красная звезда», нашумевшим в первое десятилетие нашего века.

Вскоре за романом «Пять бессмертных» В. Валюсинский создает новый увлекательный роман «Большая земля», на конкретном онежском материале.

Когда читаешь этот роман, то чувствуешь большую любовь к родному краю. Валюсинский дает массу подробных сведений об онежской земле и показывает большую галерею портретов мужественных людей нашего края. Действие романа происходит в Англии и в Онежском крае в период англо-американской интервенции на Севере. Роман был издан в Ленинграде в 1931 году.

В конце двадцатых годов В. Валюсинский из Онеги переехал в Архангельск. Там он продолжает свою писательскую деятельность, а также сотрудничает в областной газете «Волна». В Архангельске, кстати, вышли в свет «Северный олень» и «Лесные вредители».

Тяга к странствованию забросила затем Валюсина на Северный Кавказ, в Дагестан. В Дагестане он работает педагогом, путешествует и пишет новый роман «Золотой метеор».

Жизнь талантливого писателя-фантаста оборвалась в расцвете творческих сил. В 1935 году, когда он возвращался с охоты, неразряженное ружье случайно выстрелило...

Прошли годы, но Всеволод Вячеславович Валюсинский остался в литературе как мужественный друг человека труда, человека борьбы за свободную, счастливую жизнь.

В. Боровой. г. Москва

Роман В. В. Валюсинского «Пять бессмертных» публикуется по первоизданию (Харьков: Пролетарий, 1928). Статья В. Борового «Северный Жюль Верн» публикуется по газ. «Советская Онега» (1975, 6 ноября).

В текстах исправлены очевидные опечатки и устаревшее написание ряда слов. Пунктуация везде авторская.

Издательство приносит благодарность г-ну Н. Н., пожелавшему остаться неизвестным, за предоставленный скан первоиздания романа В. В. Валюсинского.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.